

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

5 • 2007

Ψλ

УЧРЕДИТЕЛЬ — Институт языкознания Российской академии наук, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Е.Ф. – главный редактор

Балясникова О.В. – ответственный секретарь

Залевская А.А.

Карасик В.И.

Марковина И.Ю.

Мягкова Е.Ю.

Овчинникова И.Г.

Сорокин ЮА.

Стернин И.А.

Уфимцева Н.В.

Шаховский В.И.

Шкатова Л.А.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований

Выходит 1 раз в полугодие

Редактор-составитель выпуска – И.А. Стернин

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© Институт языкознания РАН, 2007

*Издание данного номера
финансировано Воронежской психолингвистической ассоциацией*

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы психолингвистики

<i>Залевская А.А. (Тверь)</i> Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований.....	4
<i>Бубнова И.А. (Минск)</i> Значение слова как единица индивидуального сознания (психолингвистический аспект).....	13
<i>Величкова Л.В. (Воронеж)</i> Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи.....	20
<i>Лебедева С.В. (Курск)</i> Интегративная модель близости значения слов	27
<i>Сазонова Т.Ю., Умеренкова А.В. (Курск)</i> Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование.....	30
<i>Стернин И.А. (Воронеж)</i> Психолингвистика и концептология	33
<i>Власенко С.В., Сорокин Ю.А. (Москва)</i> Текст как плотно лакунизированное пространство	41

Экспериментальные исследования

<i>Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю. (Москва, Институт психологии РАН)</i> Формальные коэффициенты оценки речевой продукции в интервью: опыт разработки и применения	46
<i>Горошко Е.И. (Харьков)</i> Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ)	53
<i>Величкова Л.В., Абакумова О.В. (Воронеж)</i> Анализ восприятия детьми эмоционально окрашенной звучащей речи: экспериментальное исследование.....	62
<i>Новичихина М.Е. (Воронеж)</i> Из опыта экспериментального исследования коммерческих названий	67
<i>Харченко Е.В., Соболева О.В. (Челябинск)</i> Методы исследования образа современного вуза.....	75
<i>Фридман Ж.И. (Воронеж)</i> Методика анализа значения слова в языковом сознании носителей русского языка.....	78
<i>Атланова Е.О. (Борисоглебск)</i> Экспериментальное исследование значения слова гламурный в языковом сознании носителей русского языка	82
<i>Шаманова М.В. (Борисоглебск)</i> Экспериментальные исследования и когнитивный анализ	84
<i>Овчинникова И.Г., Кибанова А.А. (Пермь)</i> Вариативность этнического сознания: соотношение элитарной, профессиональной и массовой субкультур (на материале ассоциативного эксперимента).....	90
<i>Гольдин В.Е. (Саратов)</i> Личная сфера школьника по данным ассоциативного словаря.....	94
<i>Сдобнова А.П. (Саратов)</i> Единицы ядра языкового сознания современного школьника.....	99

Проблемы и дискуссии

<i>Седов К.Ф. (Саратов)</i> Принципы построения современной отечественной психолингвистики..	105
--	-----

О статусе современной психолингвистики

<i>Горошко Е.И. (Харьков)</i> , доктор филологических наук.	111
<i>Овчинникова И.Г. (Пермь)</i> , доктор филологических наук.	112
<i>Попова З.Д. (Воронеж)</i> , доктор филологических наук.....	115

Рецензии, обзоры, рефераты

А.А. Залевская. Слово. Текст. Избранные труды. М.: «Гнозис», 2005.542с (И.А. Стернин).....	116
«Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» Воронеж, 2004 (М.Е. Новичихина).....	117
Экспериментальные исследования в Фонетическом центре Воронежского государственного университета (О.В. Абакумова, М.Е. Шурова)	117
Экспериментальные исследования Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ (Н.А. Лемякина).....	127
Abstracts of main articles	130

Теоретические проблемы психолингвистики

А.А. Залевская (Тверь)

Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований

В книге [Величковский 2006, т.1: 26] говорится, что когнитивная наука – это междисциплинарные исследования закономерностей приобретения, сохранения и использования *знаний* человеком. Психолингвистика (далее – ПЛ) акцентирует внимание на специфике функционирования *языковых знаний*, которые нужны человеку не сами по себе, а в качестве *средства познания и общения*; к тому же язык как достояние индивида не может существовать (усваиваться и использоваться) в отрыве от других психических процессов человека, включенного в определенное физическое и социальное окружение. Это означает, что, с одной стороны, языковые знания неразрывно связаны с образом мира у пользующегося языком человека, т.е. с другими видами знаний, а с другой – исследование языкового знания требует выхода за пределы лингвистики в психологию, социологию, культурологию и т.д. В предлагаемой статье внимание акцентируется на некоторых задачах психолингвистических научных изысканий в свете общих тенденций развития мировой науки.

Вопросы характера знаний, их содержания, форм репрезентации¹, способов хранения, принципов организации, особенностей усвоения, использования, преобразования по-разному ставятся и решаются в философии, социологии, психологии, психолингвистике, педагогике, методиках обучения различным предметам, в исследованиях в области искусственного интеллекта и т.д. При этом исторически изменялись представления об источниках знания, критериях его истинности, методах исследования, трактовка которых связана со сменой общетеоретических парадигм в мировой науке.

На протяжении более двух тысячелетий ученых интересовало преимущественно *научное* знание, поскольку только такое знание признавалось «правильным». Историческая относительность форм, средств, идеалов и норм научного познания подробно рассматривается в книге [Корнилова, Смирнов 2006]; прослеженные авторами тенденции

представлены мною в табл. 1. Обратим особое внимание на следующие положения, зафиксированные в столбце, обозначенном как «Постнеклассическая стадия развития науки».

Направленность на *средства* познания делает особенно актуальным изучение специфических особенностей и возможностей *языка как одного из важнейших средств познания и закрепления продуктов процесса познания* для пользования ими в разнообразных целях, в том числе при межнациональных контактах.

Повышение требований к самому научному результату, который должен отвечать социальному заказу, налагает на исследователей особую ответственность за то, чтобы научное изыскание давало продукт, имеющий несомненную практическую ценность. В то же время потребности «рынка» не отменяют базовой роли *фундаментальных* исследований, без которых дальнейшее развитие науки невозможно, как и получение новых, отвечающих социальному заказу, продуктов научных изысканий.

Возрастание роли *субъекта познания* требует максимального фокусирования на *языке как достоянии пользующегося им человека*, включенного в определенное физическое и социальное окружение и *переживающего* процесс познания и его продукты при постоянном взаимодействии чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида как целостности, которую нельзя «препарировать», что, к сожалению, делается при отрыве языка от других психических процессов и при игнорировании постоянного взаимодействия тела и разума.

Признание *множественности оснований, средств и путей* познания в сочетании с междисциплинарным дискурсом открывает широкие перспективы для разработки теорий большой объяснительной силы за счет *интеграции* возможностей видения исследуемого объекта в разных ракурсах. Речь в данном случае идет не о простом «сложении» получаемых при различных подходах результатов, а о подлинной интеграции, ведущей к возникновению нового понимания сущности явления, подобно тому как смысл высказывания не является простой суммой значений входящих в это высказывание слов: он чудесным образом возникает из взаимодействия того, что

¹ В предисловии к книге [Когнитивные исследования 2006: 7] уточняется, что знания понимаются как «внутренние репрезентации (ментальные модели) среды и самого организма. Эти репрезентации могут быть как осознанными (эксплицитными), так и неосознанными (имплицитными)».

лежит за словами в эмоционально-оценочно многогранного опыта.
помеченном образе мира индивида как продукте его

Таблица 1

Классическая наука	Неклассическая стадия развития науки	Постнеклассическая стадия развития науки
Исследуется отношение объекта и знания	Исследуется отношение «субъект – объект познания»	Имеет место направленность на средства познания
Поиск «объективного» содержания познаваемого	Поиск предпосылок и основания научного знания в формах организации познавательной деятельности, влияющих на содержание и логическую организацию знания	Постепенное перерастание анализа средств познания в их систематическое производство; повышение требований к самому научному результату; возрастание роли социального заказа и логики рынка
Открытие предельных оснований в объекте как путь к объективной истине (движение по одному, единственно правильному пути)	Признание множественности оснований познания	Признание множественности оснований, средств и путей познания Многопредметность Междисциплинарный дискурс Возрастание роли субъекта Конструктивная роль ценностного отношения к человеку и изучению его бытия в мире
Трактовка истинной как абсолютной и единственной	Признание относительного характера истины (адекватность задаче и т.д.)	Мультипарадигмальность: одновременное движение в разных направлениях, к разным истинам

Мультипарадигмальность, признание многопредметности науки, т.е. сосуществования множества возможных теорий, является большим достижением современного этапа развития мировой науки. Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов подчеркивают следующее: «обоснование постнеклассической парадигмы как общей ситуации в науке предполагает, что любая психология, любая психологическая школа может стать ведущей для определенной задачи и определенного исследовательского контекста» [Op. cit.: 244. Выделено мною – А.З.], что соответствует сетевой модели развития психологии как науки. Авторы дают ссылку на работу М.С. Гусельцевой [2002: 125], рассматривающей две идеальные модели развития науки, одна из которых – «пирамида» – основывается на принципе монизма, т.е. предполагает наличие вершины в качестве ведущей методологии, а другая – «сеть» – наглядно изображается как паутина. При этом уточняется: «Речь идет не о коммуникациях разных методологий между собой, а о выделении из ряда психологических школ такой, посредством которой представители разных направлений могут услышать друг друга» [Корнилова; Смирнов 2006: 244-245]. В качестве примера такой школы приводится культурно-деятельностная психология; думается, что концепция Л.С. Выготского играет такую же роль и для психолингвистики (к тому же – не только российской).

А.В. Юревич полагает, что сложившуюся в ныне ситуацию можно характеризовать как «методологический либерализм», при котором научное познание в постмодернистской трактовке «предстает не как движение по одному, единственно правильному пути к единой и неделимой истине, а

как одновременное движение в разных направлениях, к разным истинам, ни одна из которых не лучше и не хуже любой другой» [Юревич 2005: 290]. Это означает, что не существует единственно возможного и единственно правильного источника эмпирического опыта: чем больше таких источников и чем они разнообразнее, тем богаче опыт; к тому же «... нет и в принципе не может быть “единственно правильной” психологической теории и единственно верного объяснения психологической реальности. Каждая из этих теорий и соответствующих моделей объяснения “правильна” в том смысле, что верно объясняет какую-либо сторону человеческой психики. Вместе с тем каждая из них неполна, отражая лишь одну из сторон психической реальности, и нуждается в дополнении другими теориями. Психика может быть описана и как поведение, и как деятельность, и как трансформация образов, и как взаимодействие сознания и бессознательного, и другими способами. Каждый из таких способов не лучше и не хуже остальных, ни один из них не отменяет другие модели описания, а предполагает дополнение ими» [Op. cit.: 296-297]. Возможность и равную «легитимность», как и заведомую неполноту описания психических явлений в рамках какой-либо одной системы детерминации А.В. Юревич объясняет многоплановостью и поликаузальностью таких явлений; неизбежность сосуществования разных мнений он увязывает с необходимостью диалога и конструктивного взаимодействия парадигм «на фоне признания ими друг друга в качестве равно адекватных моделей изучения психики», а также с важностью ориентации «на изучение (и объяснение) психических явлений в единстве а) их когнитивной,

эмоциональной и поведенческой сторон, б) феноменологической, социальной и биологической детерминации» [Op. cit.: 298].

Заметим в этой связи, что в нашей стране сформировались определенные центры ПЛ исследований, которые в последнее время стали называть «школами». Все они базируются на единой основе – теории речевой деятельности, однако каждая из них акцентирует внимание на определенной проблематике для ее углубленного рассмотрения и несомненно является *ведущей для определенной задачи и определенного исследовательского контекста*, что позволяет сделать вклад в общую копилку знания. Успех разработки ПЛ теории на новом уровне (т.е. более высокой объяснительной силы) зависит от нашей способности услышать друг друга и по достоинству оценить вклад каждой школы с позиций задач сегодняшнего дня и с учетом более широкого контекста мировой науки о человеке.

К числу важнейших особенностей развития общенаучных представлений, в русле которых формировалось отношение к проблеме знания, относится и то, что на смену единой науке – философии – в свое время пришла дисциплинарная специализация (дифференциация) наук, которая в свою очередь привела к осознанию насущной необходимости объединения наук в общих для них целях.

В предисловии к книге [Когнитивные исследования 2006: 6] отмечается, что стремление к реинтеграции дисциплин было настолько же закономерным, как и стремление к их дифференциации, поскольку, например, в гуманитарных науках стал создаваться фрагментарный образ человека¹; при этом особо подчеркивается, что именно когнитивная наука «сплотила различные дисциплины, предложив современное видение проблемы человека» [Ibid.]. Однако думается, что еще до появления этой науки мощный импульс для реинтеграции наук был дан кибернетикой, заставившей увидеть в новом свете мир и человека в нем (см. подробнее: [Залевская 2005а: 14]). Так, междисциплинарный семинар по психолингвистике в г. Блумингтон (США, 1953 г.) объединил специалистов в различных областях науки о человеке: лингвистики, психологии, этнографии, теории культуры, семиотики, теории обучения языку и др. Это было важным подготовительным этапом для «когнитивного поворота», о чем не следует забывать тем, кто завывает роль идей Н. Хомского в становлении когнитивной науки. К тому же на современном

этапе подлинной интеграции наук о человеке еще не произошло, желаемое лишь принимается за действительное, ибо для построения теории интегративного типа необходима реализация серьезных междисциплинарных программ, способных обеспечить выход на новый уровень теории высокой объяснительной силы.

В табл. 2 прослеживается общее направление поступательного движения от единой науки через ее дисциплинарную дифференциацию и трехэтапную реинтеграцию к подлинной интеграции.

Обратим внимание на то, что в последней строке табл. 2 обозначен *переход на новую систему координат* как условие подлинной интеграции наук о человеке. Это чрезвычайно важный момент, поскольку для перехода науки на новый уровень ее развития становится необходимым отказаться от некоторых привычных научных постулатов, уже ставших «научными предрассудками», которые заставляют цепляться за «узаконенные» схемы мышления и видения фактов, их графического представления и т.д. и т.п.² Можно предположить, что в недалеком будущем грянет пересмотр по меньшей мере некоторых базовых положений гуманитарных наук в связи с интеграцией наук и учетом результатов разностороннего изучения человека как предмета естественнонаучного познания.

Динамика общенаучных подходов помогает понять развитие представлений об «истинности» знания: от поиска «абсолютной истины» через признание ее относительного характера (соответствия поставленной задаче) к утверждению возможности и правомерности видения объекта в различных ракурсах и контекстах, в разных «системах координат» и более того – с позиций личностных ориентаций ученого-исследователя. Добавим, что изменилось и отношение к тому, что ранее квалифицировалось как лженаука или ненаука (см., например, [Заблуждающийся разум 1990]). Это привело к допущению, что знание представляет собой *результат работы сознания в системе деятельности человека*, и к выводу, что «не только истинное научное знание, но и фантазии, заблуждения, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения являются формами знания...» [Касавин 1990: 19]. Иначе говоря, свойства того или иного вида знания должны «...выводиться не из догматических стандартов рациональности, а из свойств познающего субъекта и практических контекстов его деятельности и общений. И в

¹ Там же со ссылкой на книгу [Кун 1977] приводятся слова Коперника о том, что «... происходит нечто подобное тому, когда скульптор собирает ноги, голову и другие элементы для своей скульптуры из разных моделей: каждая часть превосходно вылеплена, но не относится к одному и тому же телу... получается скорее чудовище, чем человек» [Когнитивные исследования 2006: 6].

² В качестве примеров можно назвать анализ материалов ассоциативных экспериментов с позиций прескриптивных правил описательной модели языка, в том числе до сих пор широко используемую традиционную трактовку парадигматики и синтагматики по признакам связей на поверхностном уровне, в то время как речь должна идти о *глубинной* парадигматике и синтагматике как отношении между образами сознания, а не между средствами их вербальной манифестации.

основу типологии знания лягут соответствующие типологии познавательных способностей индивида и типологии практик» [Ор. cit.: 12. Курсив мой – А.З.].

Таблица 2

Основания для интеграции наук	Динамика научных подходов	Ведущие метафоры
	ЕДИНАЯ НАУКА (философия)	
	ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ (специализация) наук	
Общая теория связи Общая теория систем Теория вероятностей	РЕИНТЕГРАЦИЯ – 1 (кибернетический этап)	«Информационная» метафора
Вычислительный подход Формальное моделирование Менталистская проблематика	РЕИНТЕГРАЦИЯ – 2 (когнитивизм)	«Компьютерная» метафора
Когнитивная нейронаука; сетевая парадигма; теории хаоса, синергетики, динамических самоорганизующихся систем	РЕИНТЕГРАЦИЯ – 3 (когнитивная наука)	«Мозговая» метафора
Развитие идей толерантности; внелогическое предпочтение теорий; переход на иной метаязык и новую систему координат	Подлинная ИНТЕГРАЦИЯ наук (взаимосвязь природы, индивида и общества)	Метафора «живое знание»

Научное знание традиционно признавалось единственно правильным и противопоставлялось знанию обыденному как не отвечающему заданным критериям истинности. Однако постепенно изменились не только критерии истинности знания, но и способы установления истинности, а главное – пришло понимание того, что научное знание получает ученый, который при всем стремлении достичь «объективной истины» в то же время остается человеком, которому свойственно заблуждаться, быть пристрастным и т.д. Иначе говоря, процесс получения научного знания подчиняется общечеловеческим закономерностям становления и функционирования знания как достояния индивида¹.

А.В. Юревич (со ссылкой на книгу У. Уэймера) отмечает, что образ научного познания в распространенных в обществе представлениях базируется на *мифах*, согласно которым: 1) научное знание основано на твердых эмпирических фактах; 2) теории выводятся из фактов; 3) наука развивается посредством постепенного накопления фактов; 4) поскольку факты лежат в основе нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное

значение; 5) теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции; 6) теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом [Юревич 2005: 21–22]. В действительности же дело обстоит иначе.

Так, уже этап наблюдения отражает не только свойства изучаемого объекта, но и психосенсорные, психологические и социальные особенности наблюдателя: «Исследователь смотрит на приборы, а видит эмпирические *данные*, представляющие перевод показаний приборов в другую смысловую систему. Эта система выстроена в мышлении наблюдателя и несет на себе отпечаток его личности» [Ор. cit.: 22–23]. При этом научный *факт* немедленно включается в собственную интерпретационную структуру исследователя, т.е. «чистых» данных не существует, их значение зависит от способа их видения, от «преднастройки» – определенных «концептуальных рамок» и ожиданий. Личностные особенности исследователя, его стремление к самовыражению еще ярче проявляются на этапе *обобщения фактов*, когда в идеале ученый должен мыслить строго рационально, однако основу обобщения фактов составляют *внелогические суждения* как универсальный способ соединения элементов научного знания, не элиминируемый никакими формальными процедурами. Такие суждения основываются на *личностном знании*, обобщающем уникальный опыт познающего субъекта и неотделимом от него самого².

¹ Обратим внимание на то, что еще в начале XVII в. Фрэнсис Бэкон говорил о свойственном человеку вмешательстве «страстей» в познание; он разграничивал «идолов пещеры» (заблуждения отдельного человека, имеющие место в дополнение к ошибкам, свойственным роду человеческому), «идолов площади» (разумения «толпы») и «идолов театра» (заблуждения, освященные авторитетом философов или сформировавшиеся из превратных законов доказательств) (см.: [Соколова 2003: 119–120]).

² При построении знания на 10% формализуемого,

Сказанное выше объясняет, почему в последнее время появляется все больше работ, в которых проводится аналогия между научным и обыденным знанием. В частности, установлено, что и в научных исследованиях, и в текущей жизнедеятельности индивида имеют место *одни и те же виды ошибок*, к числу которых относятся неадекватная стратегия проверки гипотез, нарушение правил формальной логики, расхождение внешней и внутренней перцептивных позиций, различное восприятие себя («своих») и другого («чужих») и т.д. (см. подробно: [Юревич 2005: 46–56]). Е.Н. Князева [Князева 2005] приводит высказывание Хайнца фон Фёрстера о том, что понятие истины в истории науки подобно камелеону, окрашивающемуся в разные цвета в зависимости от позиции использующего его ученого, поскольку каждый конструирует свою реальность.

Обострение внимания к особенностям обыденного знания несомненно вызвано изменением общенаучного подхода – переносом фокуса на живого (познающего мир, мыслящего, чувствующего, переживающего) человека со всеми вытекающими отсюда следствиями (например, для него слиты слово и именуемый словом объект, неразличимы смысл и значение слова и т.д.; ср. высказывание Н.И. Жинкина [1982] о том, что мы слышим слова, а думаем о действительности). По наблюдениям Н.О. Швеца [Швец 2005], в настоящее время параллельно существуют традиционный подход к проблеме знания и новый, формирующийся, подход, связанный с общенаучным «поворотом к человеку»; противопологаемые ею характерные для этих подходов положения приводятся в табл. 3.

Установление факта общности процессов получения и функционирования научного и обыденного знания ведет к необходимости перенесения фокуса внимания на *психологический статус знаний* как достояния индивидуального сознания и подсознания.

Проблему психологического статуса знаний рассматривает А.А. Леонтьев [2001], ставящий вопрос: какова функция знаний в деятельности взрослого человека и как они связаны с другими компонентами такой деятельности? Ответ на этот вопрос дается с опорой на теорию деятельности А.Н. Леонтьева: «Знания – ориентиры в мире, необходимые, чтобы уметь ЖИТЬ и ДЕЙСТВОВАТЬ в этом мире» [Леонтьев А.А. 2001: 350]. В качестве фундаментальной ориентировочной основы любой деятельности выступает *образ мира*, формируемый (синтезируемый) из двух источников: из опыта социальной группы, этноса или всего человеческого рода,

эксплицированного знания приходится 90% имплицитного, личностного знания. Объективированное научное знание неизбежно дополняется субъективированным личностным знанием, на основе которого строится внелогическое, личностное суждение, позволяющее заполнить пробелы в структуре познания, придавая ему связанный характер (см.: [Юревич 2005: 27–28]).

принятого и интериоризованного каждой отдельной личностью, и из деятельности самой личности в окружающем мире, в реальности материальных и идеальных предметов [Op. cit.: 334]; образ мира личности трактуется (по А.Н. Леонтьеву) как система *предметных значений*, отображенная в сознании человека.

Таблица 3

Два подхода к трактовке феномена знания	
Традиционный (логико- рационалистический)	Новый (формирующийся)
Знание увязывается с <i>коллективным</i> опытом	Знание увязывается с <i>индивидуальным</i> и <i>коллективным</i> опытом
Знание трактуется как обладающее <i>максимальной</i> степенью объективности и достоверности	Признается, что знание может характеризоваться <i>различной</i> степенью объективности и достоверности
Знание трактуется как характеризующееся <i>статичностью</i> / фиксированностью и <i>замкнутостью</i>	Знание трактуется как характеризующееся <i>динамичностью</i> и <i>открытостью</i>
Знание трактуется как результат активной преобразующей деятельности, часто производственной или научной (когда, говоря «человек», имеют в виду <i>человечество</i>)	Знание отождествляется с продуктами и результатами психических процессов в ходе развития и взаимодействия со средой (имеется в виду, прежде всего, <i>индивид</i>)
Знание определяется как <i>система научных понятий</i> , отражающих закономерности окружающей действительности	Научное знание рассматривается как лишь <i>одна из форм</i> или составляющих знания наряду с другими его типами и видами
Знание трактуется как имеющее <i>универсальный</i> и <i>всеобщий</i> характер	Признается <i>зависимость</i> знания от <i>исторических</i> и <i>социокультурных</i> условий
<i>Не допускается</i> (по определению) наличие неосознаваемого и невербализуемого знания	<i>Признается</i> наличие неосознаваемых и невербализуемых компонентов знания

В работе [Леонтьев А.А. 2006] отмечено, что при оперировании понятием «образ мира» часто имеют место два существенных упрощения. Первое из них связано с отождествлением образа мира и образа мироздания, второе «... состоит в том, что образ мира (именно образ мира, а не образ мироздания) “построен” якобы из значений (пусть предметных), а не из личностных смыслов» [Op. cit.: 71].

Особо останавливаясь на образе мира ребенка, А.А. Леонтьев [2001] особо подчеркивает следующее: «Образ мира у ребенка – это не абстрактное, холодное знание о нем. Это не знания ДЛЯ МЕНЯ: это МОИ знания. Это не МИР ВОКРУГ МЕНЯ: это мир, ЧАСТЬЮ которого являюсь и который так или

иначе ПЕРЕЖИВАЮ И ОСМЫСЛЯЮ ДЛЯ СЕБЯ. Согласно концепции “образа мира”, разработанной А.Н. Леонтьевым, этот “образ мира” построен не из абстрактных значений, а из личностных смыслов. Проще говоря, он одновременно является и образом мира, и образом *нашего отношения к миру, нашего переживания мира*. Мы пристрастны в нашем видении мира, оно всегда окрашено нашим переживанием» [Op. cit.: 349].

Все сказанное А.А. Леонтьевым об особенностях образа мира ребенка в равной мере относится и к образу мира взрослого, т.е. составляет принципиальную особенность знания как достояния индивида. Этот вопрос рассматривается в книге [Залевская 1992], где разграничиваются индивидуальное знание – ИЗ и два вида коллективного знания: КЗ₁ – совокупное коллективное знание / переживание как достояние лингвокультурной общности и КЗ₂, отображающее лишь «зарегистрированную» в продуктах деятельности часть коллективного знания, традиционно (и неправомерно!) отождествляемую и с КЗ₁, и с ИЗ,

т.е. с перцептивно-когнитивно-аффективным образом мира у индивида. Взаимоотношения между двумя видами коллективного знания и знанием индивидуальным представлены на рис.1, где двуправленные стрелки указывают на постоянные связи между КЗ₁, КЗ₂ и ИЗ. В названной книге подчеркивается, что ИЗ является достоянием личности, поэтому в дополнение к тому, что образ мира как единая (вербально-невербальная) информационная база формируется по законам психической деятельности человека как вида и под контролем социума, имеет место постоянное эмоционально-оценочное переживание знания с позиций «для меня – здесь – сейчас».

Специфика индивидуального знания как достояния личности прямо связана с особенностями когнитивных (познавательных) стилей носителей этого знания. Персональный познавательный стиль является продуктом интеграции стилей познавательного отношения к миру, постановки и решения проблем, переработки и кодирования информации [Холодная 2004: 319-324].

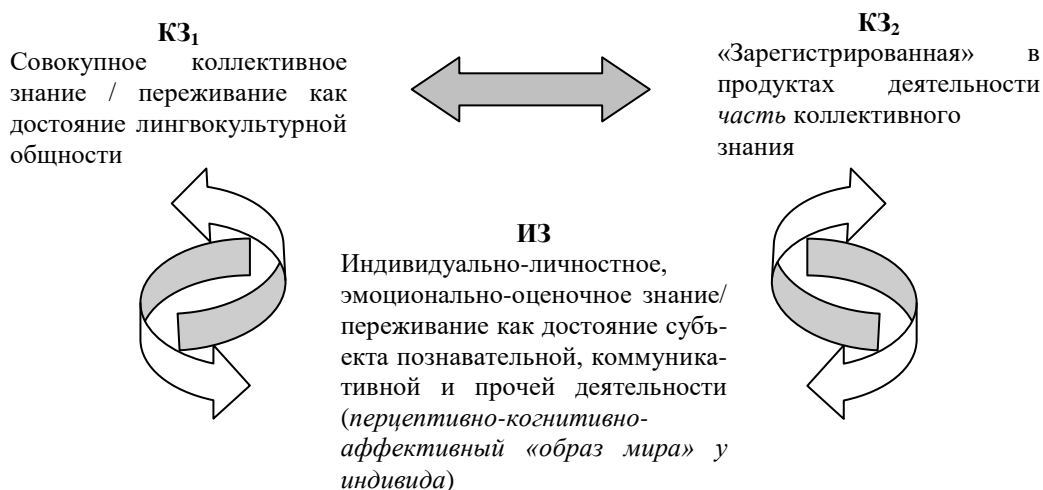

Рис. 1 – Соотношение между коллективным и индивидуальным знанием (по: [Залевская 1992])

ИЗ в трактовке, которая была предложена в [Залевская 1992], изначально понимается как *живое знание*, в котором только условно (в чисто научных целях) можно пытаться разграничить языковое знание и знание о мире, знание и переживание понятности и отношения к знанию, актуально сознаваемое и выводное знание и т.д. Специфика ИЗ как живого знания обычно игнорируется в исследованиях, ориентированных на выявление логико-рационального аспекта знания как самодостаточной сущности.

Проблема живого знания рассматривалась рядом авторов. Становятся все более частыми ссылки на книгу С.Л. Франка «Живое знание» (1923), на ряд работ Г.Г. Шпета (см. библиографию в книге [Зинченко 2000: 206]); детальное обсуждение этой проблемы имеет место в работах В.П. Зинченко (например, [Зинченко 1998; 2000]), И.Л. Медведевой [1999] и др. В.П. Зинченко особо подчеркивает:

«Живое знание отличается от мертвого или ставшего знания тем, что оно не может быть усвоено, оно *должно быть построено*. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мертвое, механическое действие» [Зинченко 1998: 27. – Курсив мой. – А.З.]. Рассматривая различные особенности живого знания, В.П. Зинченко указывает, что оно всегда пристрастно и включает знание о субъекте знания, т.е. о себе самом; принципиально неполно, открыто, трудно доказуемо; одним из его признаков является целостность, «схватываемая» непосредственно; бывшее живым знание может «окостенеть», становится мертвым, и т.д. В «Большом психологическом словаре» [2004: 177] уточняется, что живое знание представляет собой «соцветие разных знаний», их интеграл.

Некоторые авторы не пользуются термином «живое знание», но по сути описывают его в разных

ракурсах (см., например, понятие «живого движения» как «функционального органа» у Н.А. Бернштейна [1990], а также модель образа сознания, предложенную Ф.Е. Василюком [1993] и ее обсуждение ниже). М.А. Холодная [2002] в связи с решением задачи обогащения когнитивного опыта учащихся в целях интеллектуального воспитания личности в условиях современного школьного образования фактически говорит о способах формирования живого знания: словесно-символическом, визуальном, предметно-практическом, чувственно-сенсорном; при этом указывается: «Понятийные психические структуры – это интегральные когнитивные образования: их психическим материалом являются три модальности опыта – словесно-речевая, визуальная и чувственно-сенсорная» [Ор. cit.: 226]; «Утверждение, что понятийное мышление оперирует “отвлеченными сущностями”, конечно же, не более чем метафора» [Ор. cit.: 122], а «эйдосы» (запечатленные, сохраненные во всех деталях образы предметов после прекращения их восприятия) – «это интуитивные визуальные схемы, в которых отображены инварианты чувственно-конкретного и предметно-смыслового опыта человека и которые не всегда могут быть выражены в терминах словесных описаний» [Ibid.].

Разнообразные характеристики живого знания как достояния индивида рассматриваются в книге [Залевская 2007] в связи с проблемами значения слова, ментального лексикона и т.д. Здесь представляется достаточным выразить свою солидарность с трактовкой специфики образа сознания в работе Ф.Е. Василюка [1993] и перечислить некоторые дополнения к этому, учет которых необходим для решения задач ПЛ исследований.

При анализе эмпирического материала психолога Ф.Е. Василюк обнаружил, что, употребляя традиционные термины, исследователь попросту наклеивает на факты «нормативно-оценочные этикетки, которые не способны содержательно охарактеризовать внутреннюю суть явлений, а нужны лишь для того, чтобы рассортировать их по заранее заготовленным ячейкам с надписями...» [Ор. cit.: 5]. В целях первичной интерпретации экспериментальных фактов с опорой на психологическое смысловое поле как пространство деятельности и сознания Ф.Е. Василюк обратился за языком описания к теории деятельности А.Н. Леонтьева. В работе А.Н. Леонтьева [1977] выделены три «образующие» сознания: личностный смысл, значение и чувственная ткань, однако выяснилось, что «в некоторых случаях эти понятия позволяют довольно точно описать экспериментальные факты, но сплошь и рядом возникает впечатление, что они подходят к фактам почти вплотную, уже вот-вот готовы прикоснуться к ним, но никак не могут ухватить их суть» [Василюк 1993: 6]. Ф.Е. Василюк объясняет это тем, что А.Н. Леонтьев рассматривает чувственную ткань как некое впечатление, как некий чувственный отпечаток предметного мира, порождаемый в практическом взаимодействии с внешним пред-

метным миром и выполняющий функцию придания чувства реальности сознательным образам; это материал, из которого строится перцептивный образ, не обладающий спонтанной активностью и внутренней осмысленностью, поскольку осмысленность образа вносится в него значениями, а не чувственностью (т.е. значения бесчувственны, чувственность незначима). Такая трактовка чувственной ткани является недостаточной, поскольку она фиксирует только часть, только аспект той реальности, которая в целом заслуживает имени «чувственная ткань». Анализ эмпирических фактов показывает: «... у испытуемого чувственная ткань – не пришедшее извне впечатление, а поднимающаяся изнутри чувственность; она не послушный материал для образа, а бурлящая магма, рождающая формы и мысль; ей нет дела до придания реальности картине мира, поскольку она феноменологическая реальность» [Ор. cit.: 7. Курсив мой. – А.З.].

Ф.Е. Василюк выдвигает гипотезу, согласно которой чувственная ткань образа является *многомерной субстанцией*, для измерения которой оказывается необходимым модифицировать принятое в теории деятельности представление об образе сознания. Поскольку сознание человека и отдельные образы сознания детерминируются внешним миром, внутренним миром человека, культурой и языком, он предлагает *модель образа сознания* – «психосемиотический тетраэдр». В этой модели внешний мир представлен предметным содержанием (П), внутренний мир – личностным смыслом (Л), культура – значением (З), а язык – словом (С). Каждый из названных «узлов» образа трактуется автором как «пограничная сущность, одной стороной обращенная к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка, культуры), а другой – к непосредственной субъективности; все же вместе эти узлы задают объем, в котором пульсирует и переливается живой образ». Этот объем заполнен «живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани. Чувственная ткань живет, движется в четырехмерном пространстве образа, задаваемым силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты» [Ор. cit.: 8]. Автор подчеркивает, что прилежащие к углам тетраэдра внутренние зоны состоят из чувственных тканей предметного содержания, значения, слова и личностного смысла, а объем в центре модели заполнен живой, чувствующей, пульсирующей материей, как бы уплотняющейся вблизи полюсов образа и в целом являющейся «представителем тела», в то время как сами полюса «выступают представителями предметного мира, мира культуры, мира языка и внутреннего мира» [Ор. cit.: 16]. Обратим особое внимание на указание Ф.Е. Василюка на то, что «Любой образ, даже образ, связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном материале, его всегда “исполняет” целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [Ор. cit.: 16].

Ф.Е. Василюк отмечает, что в его модели образ сознания имеет не три образующих (значение – личностный смысл – чувственная ткань), а *пять измерений*: четыре из них (значение, предмет, личностный смысл, знак) «являются своего рода магнитными полюсами образа. В каждый момент силовые линии внутренней динамики образа могут направляться по преимуществу к одному из этих полюсов, и возникающим при этом доминированием одного из динамических измерений создается особый тип образа» [Ор. cit.: 18]. В качестве пятой образующей сознания Ф.Е. Василюк рассматривает чувственную ткань, но не как стоящую в ряду «значение – личностный смысл – чувственная ткань», а как *особую внутреннюю «составляющую» образа как представительницу тела, представителя мира человеческого тела в образе сознания*. Ф.Е. Василюк подчеркивает: «Образ предстает перед нами не как внешняя по отношению ко всем этим мирам сущность, извне со стороны детерминируемая ими, а как часть каждого из них, как их интеграл, как их интерференция, “голограмма”, в которую вливаются волны и энергии всех этих миров, не сливаясь в аморфную массу, но и не оставаясь отдельными, а входя в такое единство как отдельные голоса в многоголосье» [Ор. cit.: 18].

Следует особо подчеркнуть, что модель Ф.Е. Василюка хорошо согласуется с концепцией *живого знания* и с трактовкой последнего в работах В.П. Зинченко, по мнению которого в живом знании слиты значение и смысл при взаимодействии чувственной и биодинамической ткани сознания, знания и переживаемого отношения к нему (см. [Зинченко 1997; 1998], см. также обсуждение этой проблемы в работах [Карасева 2006; Медведева 1999а; Соколова 2003]).

Сказанное выше объясняет, почему психолингвистическое исследование не может ограничиваться констатацией наличия в материалах тех или иных экспериментов прямых соответствий определенным лингвистическим постулатам: если мы трактуем язык как достояние индивида – субъекта деятельности познания и общения, то необходим поиск сигналов о том, что стоит за вербальной манифестацией глубинных процессов облечения мысли в слово¹. Пора признать, что в наряду с общепризнанными различиями между письменной и устной речью существуют также различия между системой прескриптивных правил, выведенных из анализа

¹ Все более распространяющаяся замена давно используемого мировой наукой термина «вербальная манифестация» искусственно созданным и неблагозвучным для носителя русского языка словом «овнешнение» напоминает мне ситуацию с печально известной попыткой ввести «отечественное» слово *мокроступы* вместо «чужого» *галози*. Несомненно, «овнешнение» теоретически имплицитно подразумевает использование не только вербальных средств манифестации некоторого мыслительного содержания, однако на практике дело сводится именно к описанию «концептов» и т.п. языковыми средствами.

языковой системы², и спонтанными процессами функционирования языка у индивида как представителя вида со всеми вытекающими отсюда следствиями, в том числе – с постоянным эмоционально-оценочным переживанием мыслимого и вербализуемого и акцентированием внимания на смысле по принципу «два пишем – двести в уме», поскольку выводимое на табло сознания «подпирается» широчайшим кругом выводных знаний, которые учитываются за пределами осознаваемого³. Это побуждает ставить вопрос о необходимости теоретического переосмысления ряда привычных постулатов, в том числе разграничения не только референции в языке и референции в речи, но и референции в языковом сознании и подсознании (вполне очевидно, что для индивида любой объект, действие, качество, состояние существуют как включенные в определенный внутренний контекст ситуации, которая к тому же не может не быть определенным образом «помеченной» в эмоционально-оценочном отношении и в свою очередь включенной в еще более широкий контекст образа мира и – в конечном счете – культуры).

Анализ материалов экспериментов, проведенных со значительным количеством испытуемых, позволяет при анализе полученных от «коллективного информанта» материалов строить гипотезы о тех или иных стратегиях и опорах, обеспечивающих выход на образ мира, и о наиболее «рельефных» для определенных категорий носителей языка и культуры эмоционально-оценочных переживаниях. Последнее особенно актуально в условиях роста межэтнической эмоциональной напряженности и может быть весьма полезным для решения острых социальных проблем.

Завершая на этом обсуждение поставленной проблемы, хочу подчеркнуть, что перед ПЛ стоят задачи разработки фундаментальной теории функционирования языка как «живого знания» и поиска новых экспериментальных процедур, способных эффективно обнаруживать используемые носителями языка и культуры универсальные стратегии и опоры, как и их идиоэтнические предпочтения⁴.

² «Правильность» с точки зрения грамматики, лексической сочетаемости и т.п. нужна для контакта с другими людьми, но для субъекта речемыслительной деятельности выступает как «деталь *поверхностного* уровня», поскольку сам он акцентирует внимание именно на смысле и хорошо знает, что имеет в виду, на что опирается, что хочет акцентировать и т.д.

³ Обратим внимание на то, что широко известная формула Дж. Миллера «семь плюс/минус два» в последнее время оспорена (см. [Cowan 2000a; 2000b] и дискуссии там же) с переносом большего веса на неосознаваемые глубинные процессы, которые приводят к осознаваемым конечным результатам.

⁴ Особые возможности для этого имеются в многонациональной России, а также расширяются в связи с публикацией серии изданий на материале восточноазиатских языков (см.: [Li 2006; Nakayama, Mazuka & Shirai 2006]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990.
2. Большой психологический словарь/Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004.
3. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – Т.1., Т.2.
5. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма// Вопросы психологии. – 2002. – № 3.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982.
7. Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания/ Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990.
8. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992.
9. Залевская А.А. Психоллингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.
10. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику: Учебник. – Изд. 2-е, дополн. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007.
11. Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997.
12. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Ч. 1. Живое знание (2-е изд., перераб. и доп.). – Самара: «Самарский Дом печати», 1998.
13. Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). – М.: Изд-во УРАО, 2000.
14. Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова в свете современных подходов к проблеме «тело – разум» // Вестник Тверского государственного университета. – 2006. – № 3(20). – Серия «Филология». – Вып. 6 «Лингвистика и межкультурная коммуникация».
15. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения) // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания /Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990.
16. Князева Е.Н. Творческий путь Франсиско Варелы: от теории автопоэзиса до новой концепции в когнитивной науке // Вопросы философии. – 2005. – № 8.
17. Когнитивные исследования: Сб. науч. тр.: Вып. 1/ Под ред. В.Д. Соловьева. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2006.
18. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии – СПб.: Питер, 2006.
19. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.
20. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
21. Леонтьев А.А. Объект психологии и объект в психологии // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. – М.: Смысл, 2006.
22. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – Изд. 2-е. – М. Изд-во политич. литературы, 1977.
23. Медведева И.Л. Психоллингвистические аспекты функционирования иноязычного слова: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.
24. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. – 4-е перераб. изд. – М.: Смысл, 2003.
25. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2002.
26. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004.
27. Швец Н.О. Роль языка в структурировании знания: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005.
28. Юревич А.В. Психология и методология. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
29. Cowan N. The magical number 4 in short-term memory: A reconsideration of mental storage capacity // Behavioral and Brain Sciences. – 2000a. – Vol.24. – Pp.87–114.
30. Cowan N. Metatheory of storage capacity limits // Behavioral and Brain Sciences. – 2000b. – Vol. 24.
31. Li P. (Ed.). The handbook of East Asian Psycholinguistics. – Vol. 1. Chinese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press. 2006.
32. Nakayama M., Mazuka R. & Shirai Y. (Eds.). Handbook of East Asian Psycholinguistics. – Volume 2. Japanese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press, 2006.

И.А. Бубнова (Минск)

Значение слова как единица индивидуального сознания (психолингвистический аспект)

Семантика слова относится к тем проблемам, которые служили и, как представляется, будут служить неисчерпаемым источником исследований для представителей самых разных гуманитарных наук. Многообразие существующих ракурсов рассмотрения значения, методов его изучения, с одной стороны, обогащает наши знания о слове, а с другой, порождает все большее количество вопросов, ответы на которые не найдены до сих пор.

Одной из таких нерешенных до сих пор проблем, продолжающих привлекать внимание ученых, является проблема значения слова, которое формируется, существует и изменяется в индивидуальном сознании носителя языка в процессе разнообразных видов деятельности личности.

Следует отметить, что, благодаря категориальной структуре сознания, представляющего собой сложную, моделирующую мир систему, способную к развитию и саморазвитию, индивидуальное значение слова как текст, создаваемый человеком и включающий в себя совокупный общественный и неповторимый индивидуальный опыт, может исследоваться на двух уровнях.

Первый уровень – вербальный – предполагает изучение содержания значения слова как единицы, принадлежащей индивидуально языковому сознанию и представляющей собой структуру, сформированную различными формами и уровнями отражения окружающей действительности. Исполняя роль оператора классификации, такое значение проявляется в коммуникации системой смысловых компонентов и может исследоваться через изучение содержания продуктов речевой деятельности (А.А.Леонтьев, Е.Ф.Тарасов) в рамках оппозиции *значение слова в языке – индивидуальное значение слова в языковом сознании*.

Описание индивидуального значения на этом уровне относится к типично психолингвистическим проблемам, что обусловлено уникальностью самой психолингвистики как науки, обладающей составным понятийным аппаратом – лингвистическим и психологическим [Тарасов 2005: 33]. В силу этой своей особенности психолингвистика оказывается в состоянии не только зафиксировать на индивидуальное в языке, описывая языковые единицы и структуры в отвлечении от психологии говорящего человека, но и сосредоточить внимание на психических процессах, лежащих в основе формирования значения слова в сознании индивида, изучая слово как единицу индивидуального языкового сознания. Полученные таким образом комплексные психолингвистические описания, основанные на различных экспериментальных

процедурах, позволяют выявить и определить содержание и характер взаимодействия языковых знаков и структур в процессах понимания, хранения и порождения значений в том виде, в котором они реально присутствуют в сознании носителей языка, а результаты этих описаний дают представление о значении слова как единице языкового сознания отдельного индивида.

Второй – смысловой (концептуальный) – уровень значительно расширяет исследовательское поле, позволяя изучать значение слова в рамках оппозиций *этническое – индивидуальное, социальное – индивидуальное, язык – речь*, т.е. в данном случае проблема значения решается в более широком философском плане. Именно такое направление развивается в рамках лингвокогнитивного анализа языка, ставящего своей целью моделирование содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы) [Попова, Стернин 2006: 9].

В нашей работе, выполненной в рамках психолингвистической парадигмы, была сделана попытка интегрировать результаты исследования значения слова, полученные как в лингвистике, так и в когнитивной психологии и в психологии интеллекта, а также отчасти в философии и логике, дифференцировать и описать типы структур индивидуального значения слова, определить основные способы экспликации этих структур в речи и выделить типы когнитивных моделей – особых интеллектуальных механизмов, лежащих в основе формирования индивидуального значения слова.

Материалом для исследования послужил экспериментальный материал, полученный в ходе 7 серий экспериментов, в которых приняли участие в общей сложности 394 испытуемых – студенты различных вузов г. Минска. В целом нами было получено и обработано 27760 реакций, а также были проанализированы описания 30 слов по данным четырех словарей.

Отправной точкой исследования послужила гипотеза о том, что структура индивидуального значения слова как единицы языкового сознания индивида соответствует свойствам интеллекта личности, представляющего собой целостную, динамическую, саморазвивающуюся под влиянием внешних и внутренних факторов систему. Деятельность данной системы выражается в единстве процессов интеграции и дифференциации, затрагивающих все уровни познавательного отражения, и отражается в структуре слова, функционирующего в реальной речевой деятельности носителя языка, определяя специфику

и способы вербализации значения слова в речи. Основой формирования структуры индивидуального значения является когнитивная модель – особый интеллектуальный механизм, тип которой обуславливает бессознательно доминирующий базовый уровень категоризации.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы и решения поставленных задач на каждом этапе работы нами использовались различные методы, выбор которых определялся конкретными целями определенной ступени исследования.

Исследование интеллекта респондентов проводилось при помощи стандартной методики «Прогрессивные матрицы Равена». Полученные результаты позволили разделить всех респондентов, принимавших участие в экспериментах на первом и втором этапах, на 3 группы.

Для выявления индивидуального значения в качестве основной экспериментальной методики применялся метод ассоциативного эксперимента в нескольких вариантах. На первом этапе экспериментов респондентам был предъявлен список слов, включавших следующие абстрактные существительные: *успех, здоровье, любовь, познание, удовольствие, власть, истина, идеал, счастье, грех*. В ходе обработки экспериментальных данных, в основу которой была положена классификация ассоциаций, предложенная И.Г.Овчинниковой [Овчинникова 2001], было выявлено, что структура индивидуального значения как единицы сознания носителя языка манифестируется в речевой деятельности ассоциативными реакциями, относящимся к разным типам лингвистических ассоциаций – парадигматическим и синтагматическим, с одной стороны, и тематическим, с другой.

Известно, что определенный тип ассоциативной реакции отражает тип мыслительной операции, применяемый индивидом в процессе обработки информации. Так, операции автоматизированного логического мышления – подведения под категорию, отождествления, включения в категорию – отражаются соответственно в парадигматических реакциях суперординаторного (*успех – оценка, признание*), координационного (*успех – достижение*), субординаторного типов (*успех – напряженная работа, знания, карьера*) и являются свидетельством категоризации информации на понятийном уровне. В тематических ассоциациях (*успех – ура, фурор, класс* и т.д.) закреплены ситуативные и предметные связи, стоящие за словом в сознании человека. Данный тип ассоциативных реакций свидетельствует о наличии в структуре значения компонентов, образованных на концептуальном и доконцептуальном уровнях обработки информации, т.е. на уровне образов различных модальностей и представлений, соответственно.

Присутствие в ответах респондентов всех типов реакций, подтверждает, что вся информация, поступающая из внешнего и внутреннего мира, благодаря категориальной структуре сознания одновременно перерабатывается человеком на всех уровнях категоризации – доконцептуальном,

концептуальном и понятийном. Однако в ходе анализа количественного состава ассоциативных реакций, полученных в экспериментах в каждой из выделенных групп респондентов, выявились существенные отличия. Так, в группе респондентов с высоким интеллектом преобладали реакции парадигматического типа, в группе со средним уровнем интеллекта количество тематических и парадигматических реакций было примерно равным, в группе участников эксперимента с низким интеллектом существенно выше был удельный вес тематических ассоциаций (табл. 1).

Таблица 1

Количество парадигматических ассоциаций по группам респондентов (в % от общего числа реакций)

Стимул	Высокий IQ	Средний IQ	Низкий IQ
Человек	62	25	20
Жизнь	46	21	12
Успех	71	43	33
Смерть	28	15	12
Друг	56	25	17
Деньги	45	25	19

Применение методики целостного описания индивидуального значения, разработанной И.А.Стерниным [Стернин 2003], в основе которой лежит метод компонентного анализа, позволило нам проинтерпретировать полученные от респондентов ассоциации как минимальные смысловые компоненты значения, дифференцировать отдельные значения в общей структуре значения слова и описать их. В заключение на данном этапе работы было выполнено описание структуры целостного индивидуального значения в каждой из групп респондентов по полевому принципу. При этом оказалось, что ядра структуры индивидуального значения в группах испытуемых с разным уровнем развития интеллекта состоят из смысловых компонентов, сформированных на различных уровнях категоризации информации, а, следовательно, существенно различаются между собой. Это обстоятельство, в конечном итоге, и предопределяет сущность толкования слова носителем языка.

Результаты первого этапа исследования показали, что значение слова как ментальный феномен, существующий в сознании отдельной личности, представляет собой целостное интегративное образование, которое формируется как система в деятельности человека на всех основных уровнях восприятия информации – докатегориальном, категориальном и понятийном. Этот процесс в существенной степени обусловлен интеллектом личности, позволяющим в ходе переработки информации переходить с одного уровня на другой, от смысловых компонентов, основанных на концептуальных примитивах и

сформированных непосредственно при встрече с миром, к компонентам-представлениям и предельно обобщенным понятиям и наоборот.

Сравнительный анализ структур индивидуальных значений, характерных для каждой из выделенных групп респондентов, позволил сделать вывод о существовании прямой зависимости между уровнем развития интеллекта и сложностью структурной организации значения, в которую могут включаться качественно разные смысловые компоненты, различающиеся по психологической яркости (значимости для личности) и составляющие ядро и периферию целостной структуры значения как феномена индивидуального сознания.

При помощи метода моделирования структура индивидуального значения была представлена в виде фрейма, в котором отражена вся информация, ассоциируемая со словом в сознании носителя языка. Фокусом фрейма как ментальной модели, позволяющей индивиду упорядочивать и хранить в сознании различные данные, имеющие отношение к феномену, называемому определенным словом, в каждой из групп респондентов стало ядерное значение, сформированное на базовом для данной группы уровне категоризации информации. Все остальные выделенные значения, субъективно менее важные для личности и представляющие собой отдельные компоненты фреймовой структуры, расположились в ближней и дальней периферии

структуры. Важно отметить, что отдельные компоненты структуры каждого из смоделированных фреймов, оказались связанными между собой по различному типу, который и предопределяет способ вербализации значения в речи.

В целом, выявленные на этом этапе работы закономерности могут быть суммированы следующим образом.

В сознании носителей языка с высоким интеллектом индивидуальное значение представлено гиперогипонимической структурой, где ядро структуры, т.е. основное значение, формируется в ходе операции подведения под категорию и определяет тип связей – гиперогипонимический – между всеми остальными значениями внутри структуры. В речевой деятельности ядерное значение вербализуется парадигматическими ассоциациями, как правило, суперординаторного типа. Остальные значения, представляющие собой в сознании носителя языка согипонимы, подчиненные гиперониму, т.е. его ядру, вербализуются в речи субординаторными и координационными парадигматическими реакциями. Число тематических ассоциаций в данной группе минимально. Внутри структуры как единого целого выделяемые отдельные значения формально связаны между собой по радиальному типу (рис. 1).

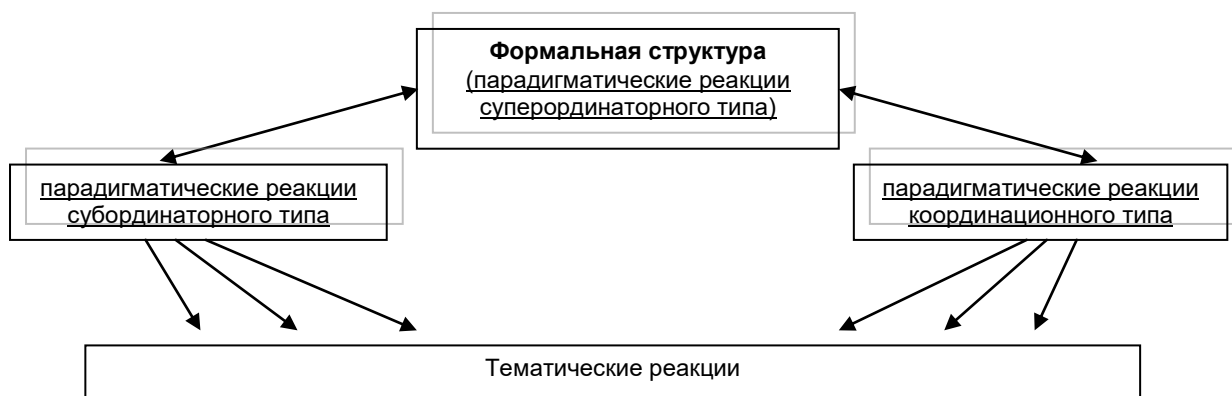

Рис. 1 – Фрейм значения слова в группе испытуемых с высоким интеллектом

В сознании носителей языка со средним уровнем интеллектуального развития ядро структуры индивидуального значения не монолитно, а в большинстве случаев состоит из двух одинаково важных для испытуемых значений. Наиболее ярким является значение, смысловые компоненты которого представлены в речи экстралингвистическими тематическими ассоциациями. Второе значение, дополняющее ядро структуры, выделяется на основе парадигматических ассоциаций суперординаторного типа. Так как по психологической яркости такие

значения чаще всего практически равны, то можно предполагать, что в индивидуальном сознании они слиты между собой, взаимно дополняя друг друга, и в этом случае формально данные значения соединены между собой по типу цепочки. Подчиненные ядру значения, расположенные в ближней и дальней периферии, выстраиваются по отношению к ядерным по гиперогипонимическому типу, отражаясь в речи парадигматическими и синтагматическими ассоциациями (рис. 2).

Рис. 2 – Фрейм значения слова в группе испытуемых со средним интеллектом

В группе носителей языка с низким интеллектом ядро представляет собой слитное образование, где различные смысловые компоненты дополняют друг друга, связываясь между собой по цепочечному принципу. Ядерное значение проявляется в речи различными экстралингвистическими тематическими ассоциациями, которые отражают частотные

«нелогические» ситуационные связи слова и обозначаемого им предмета либо явления. На периферии структуры располагаются отдельные значения, выделенные в ходе операций логического мышления. Данные значения отражаются в речи лингвистическими ассоциациями, чаще синтагматического, а реже – парадигматического типа (рис. 3).

Рис. 3 – Фрейм значения слова в группе испытуемых с низким интеллектом.

Смоделированные по данным экспериментов структуры индивидуальных значений нашли свое полное подтверждение в ассоциативных гешталтах, построенных для индивидуальных значений слов

власть и истина (рис. 4а, рис. 4б, рис. 4с), а также семантических полях психических состояний, отражающих индивидуальные значения слов *любовь* и *счастье*.

Рис. 4а – Ассоциативный гештальт значения слова *истина* (низкий интеллект).

Рис. 4б – Ассоциативный гештальт значения слова *истина* (высокий интеллект).

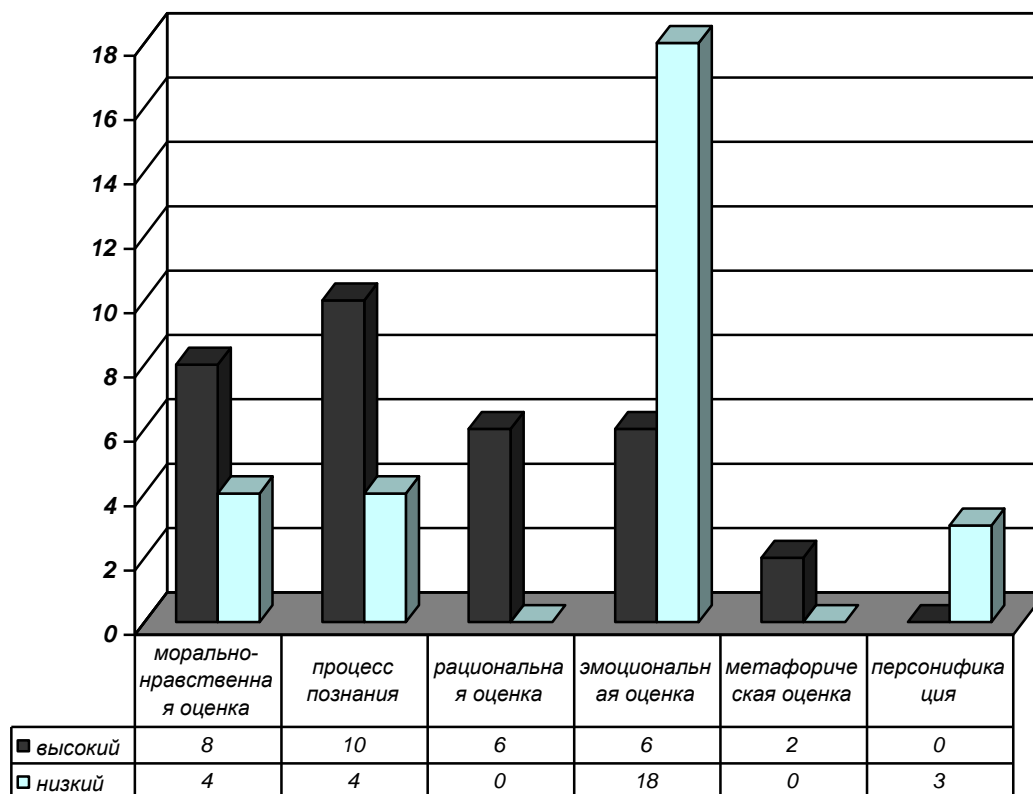

Рис. 4с – Ассоциативный гештальт индивидуального значения слова *истина* в группах испытуемых с разным уровнем развития интеллекта.

Статистическая проверка выводов о роли интеллекта в процессе формирования индивидуального значения слова, которая проводилась в процессе сопоставления выборок при помощи многофункционального статистического критерия χ^2 Фишера (угловое преобразование Фишера) и дисперсионного однофакторного анализа ANOVA (Analysis of Variance) (критерий F Фишера), полностью подтвердила первоначальную гипотезу. Полученные статистические данные позволили прийти к заключению, что ядерное значение в каждой из групп указывает именно на ведущий уровень категоризации информации, однако в структуре индивидуального значения слова, выявляемой в любой группе испытуемых, обнаруживаются смысловые компоненты, сформированные на всех уровнях категоризации – доконцептуальном, концептуальном и понятийном. Роль интеллекта в процессе формирования структуры индивидуального значения выражается в установлении баланса отношений между смысловыми компонентами, входящими в отдельные значения, и самими отдельными значениями, т.е. в различной специфике связей между знанием, оценкой и образом в языковом сознании.

Для дальнейшей проверки гипотезы о том, что в основе структуры индивидуального значения слова лежит определенный тип когнитивной модели – интеллектуальный механизм, который непосредственно зависит от типа интеллекта

личности и определяет фокус категоризации поступающей информации, на следующем этапе работы список предъявляемых респондентам слов был расширен за счет введения в него слов, входящих в ядро языкового сознания славянских народов (по данным Славянского ассоциативного словаря). В данном случае выбор слов определялся основной целью исследования, которая заключалась в определении ведущего типа обобщения, а точнее – в выявлении тех психических механизмов, которые стоят за операцией обобщения, обуславливают структуру слова в сознании носителя языка и средства его вербализации в речи.

Как ассоциативный эксперимент, так и эксперимент, проведенный при помощи метода субъективного шкалирования с последующей обработкой полученных результатов методом факторного анализа по программе центроидного метода, включающим подпрограмму поворота факторных структур по принципу varimax, показали, что, несмотря на различные типы слов, предъявленные его участникам, структура индивидуального значения осталась неизменной и различалась в каждой из выделенных групп респондентов. Анализ различий между группами респондентов в распределении признака «конкретность – абстрактность» при помощи χ^2 – критерия Пирсона, использовавшегося в процессе построения типологии когнитивных моделей, еще раз подтвердил правомерность сделанных выводов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты статистической обработки полученных данных при помощи коэффициента χ^2 Пирсона

Значение	χ^2	p
жизнь	16,75	0,00023
смерть	5,49	0,064
человек	22,5	0,000013
друг	25,16	0,000001
деньги	8,77	0,012
любить	22,56	0,00001
есть	4,25	0,12
я	16,35	0,00028
умный	7,04	0,03
много	6,39	0,04

В целом полученные нами данные дают возможность говорить о том, что выделенные типы структур индивидуального значения слова достаточно стабильны и не зависят от типа лексики, к которому относится слово. Это позволяет предполагать, что в их основе лежат различные когнитивные модели – интеллектуальные механизмы, обуславливающие уровень категоризации, бессознательно используемый носителем языка в процессе обработки информации, что отражается в структуре индивидуального значения в виде иерархии выделяемых значений и их связей, а также в составе смысловых компонентов. Гипотетически данные когнитивные модели могут быть представлены как микрофреймы и, в зависимости от типа сформированной на их основе структуры, обозначены как:

- а) моноцентричный многоуровневый микрофрейм (доминирует понятийный уровень);
- б) полицентричный одноуровневый микрофрейм (доминирует концептуальный уровень);
- в) моноцентричный одноуровневый микрофрейм (доминирует доконцептуальный уровень).

Существованием различных когнитивных моделей, по крайней мере, частично, может объясняться проявление определенных семантических отношений. В частности, за метафорическими переносами, связанными, предположительно, с наличием в ядре структуры двух одинаково ярких значений, образованных на различных основаниях – логических и «нелогических», может стоять когнитивная модель, обозначенная как полицентричный одноуровневый микрофрейм. Диффузность значения слова получает объяснение с точки зрения когнитивной модели, обозначенной как моноцентричный одноуровневый микрофрейм. Применение данной модели в процессе категоризации ведет к образованию структуры индивидуального значения, в которой доминирует внешне слитное, но внутренне размытое ядро, включающее в себя смысловые компоненты, сформированные на основе самых

разнообразных экстралингвистических тематических ассоциаций.

На последнем этапе работы проверялось предположение о том, что продуктами описания слов, осуществляемого в рамках традиционной лексикологии, лексикографии и грамматики, являются конструкты, которые представляют собой результат обобщения полученных знаний и описывают наиболее типичные, нормативные для языка на данном этапе его развития употребления, не всегда адекватно отражающие индивидуальные значения слов, реально существующие в языковом сознании отдельного носителя языка или определенной группы. Сопоставительный анализ значений, описываемых в словарях, и индивидуальных значений тех же слов по данным экспериментов показал, что существуют значительные расхождения между словарными описаниями (так называемыми лексикографическими значениями) и значениями как единицами индивидуального языкового сознания. Проведенное сравнение индивидуальных значений с их лексикографическими вариантами, зафиксированными в словарях, показывает, что словарные описания значений в большинстве случаев соответствуют значениям, функционирующим в речемыслительной деятельности индивидов с высоким интеллектом. Однако эта группа, в силу своей малочисленности, не отражает общих тенденций, а следовательно, немалая часть предлагаемых словарных значений не является актуальной для сознания носителя языка. Результаты экспериментальных исследований свидетельствуют, что значительное число реально существующих и проявляющихся в речевой деятельности человека значений остается за пределами словарных статей.

Таким образом, комплексное исследование структуры индивидуального значения слова позволяет прийти к заключению, что интеллект не просто дает возможность соединять в сознании звук и смысл. Он позволяет человеку, во-первых, оперировать (не только на сознательном, но и бессознательном уровнях) образами различных модальностей, сформированными на разных уровнях отражения действительности; во-вторых, объединять эти образы в некую ментальную схему, в рамках которой происходят операции вращения, просмотра, увеличения, присоединения, смещения и заполнения ментальных картин, представленных контурами; и, в-третьих, что самое важное, обеспечивает важнейшую базовую интеллектуальную операцию, влияющую на структуру слова в сознании индивида – фокус категоризации, отражающий то, что для личности является приоритетным. Благодаря деятельности интеллекта структура индивидуального значения слова представляет собой дискретную комбинаторную (а не контаминирующую, как большинство природных систем) систему, включающую в себя самые различные комбинации элементов. Именно такая структура определяет лабильность значения слова в

сознании носителя языка, проявляется в различных семантических отношениях, в неоднозначности соответствия между лексемой и индивидуальным значением, которые, как показывает проведенное исследование, не случайны и носят мотивированный характер.

В силу того, что основной задачей нашей работы являлось исследование зависимости структуры индивидуального значения от типа интеллекта носителя языка и выделение когнитивных моделей, лежащих в его основе, мы намеренно оставляли в стороне другие проблемы, которые требуют дальнейшей разработки.

Прежде всего, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего исследования может быть проблема динамики значения слова. Разработки в этой области, в которых могут быть использованы полученные в работе результаты, позволяют моделировать индивидуальные значения в различных группах носителей языка, а сопоставление таких моделей с их лексикографическими вариантами даст возможность выявлять 1) актуальные для языкового сознания определенной группы компоненты значения; 2) нестабильные компоненты значения, свидетельствующие о накапливающихся смысловых изменениях в языковой системе. В первом случае у исследователя появляется возможность проанализировать и описать языковую картину мира определенной социальной группы. Во-втором – смоделировать процессы эволюции отдельных значений, причем такие модели могут быть использованы для прогнозирования направления развития языка в целом.

Не менее интересно было бы провести сопоставление когнитивных моделей, лежащих в основе индивидуальных значений на материале разных языков. Считается аксиомой утверждение о том, что существует неполное семантическое, коннотативное и ассоциативное соответствие даже для соэквивалентной в переводе лексики различных языков, обусловленное культурными различиями. Однако мы разделяем мнение Ч. Хоккета, подчеркивающего, что «языки различаются не столько возможностью что-то выразить, сколько той относительной легкостью, с которой это может быть

выражено» (Ch. Hockett). А если принимать во внимание тот факт, что мир воспринимается человеком на различных уровнях, то «образ мира» есть производное не от языка, а от специфики видов деятельности, опосредованной категориальной структурой человеческого сознания. Поэтому существует высокая степень вероятности, что на когнитивном уровне (на котором и происходит членение действительности при ее осознании человеком) можно обнаружить гораздо больше общих черт у индивидов с одинаковым типом интеллекта, но относящихся к разным культурам, чем у тех, кто относится к одному лингвокультурному сообществу, но различается по ведущему базовому уровню категоризации.

Представляется весьма перспективным изучение корреляций уровня интеллекта, свойственных отдельным группам носителей языка, с механизмами референции, которые обеспечивают связь языка с окружающим миром и составляют основу языковой коммуникации. Вполне возможно, что такие исследования подтвердят, что интеллект является одним из источников разнообразия типов референции, обуславливающих коммуникативные неудачи, варьирующиеся от легкого недопонимания до полного провала коммуникативного акта. В этом случае теория значения развивается в направлении все большего раскрытия взаимосвязей мысли с языком и языка с миром, что полностью соответствует современным тенденциям развития лингвистики.

Полученные результаты могут быть использованы и для изучения признаков, положенных в основу номинации концепта в сознании человека, и специфики языковых средств, при помощи которых происходит вербализация концепта носителями языка с разным типом интеллекта. Описание инварианта концепта с использованием данных различных словарей и сравнение такого описания с конкретными конструктами, связанными с данным словом или явлением в сознании личности, может быть полезным для выявления оснований, используемых носителями языка при переходе от предмета или явления к его обозначению языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинникова И.Г. К проблеме типологии ассоциативных реакций: зависимость от способа предъявления слова-стимула. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2001.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006.
3. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. – Воронеж: ВГУ, 2003.
4. Тарасов Е.Ф. Производство речи: большая программа // Язык. Сознание. Культура: Сб. ст./ Под ред. Н.В.Уфимцевой, Т.Н.Ушаковой. – М.: Ин-т языкознания РАН – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2005.

Л.В. Величкова (Воронеж)

Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи

Начавшийся этап интенсивного исследования звучащей речи поставил ряд проблем, относящихся к механизмам исследования «звучащего материала». При этом обнаружился интересный факт: эти механизмы неизбежно выходят за границы тех областей науки, в которых традиционно исследовались явления звучащей речи: звуки, интонация.

Если проследить возникновение методов исследования звучащей речи, можно убедиться в том, что они открывают собой появление точных методов исследования в лингвистике в целом. Это закономерное явление, так как материальная сущность явлений речи, прежде всего это касалось звуков, способствовала обращению к точным методам. Эти методы складывались в экспериментальной фонетике. Интенсивный период развития акустической техники и методов исследования с её применением привел к накоплению обширных данных о параметрах звуков и супraseгментных признаках в акустических измерениях. Одним из значимых выводов из обработки этих данных явился следующий: объективные (инструментальные) данные о параметрах звучащей речи не равны данным об этих параметрах в восприятии речи и, следовательно, не имеют лингвистического значения. Иными словами, необходимо их «переосмысление» через субъективный фактор восприятия и порождения речи человеком.

Сегодня в качестве комментария к этим явлениям можно использовать высказывания Ф. де Соссюра: «Только акустическое впечатление имеет ценность» [Соссюр 2000: 133]. Сами материальные явления речи, существующие реально, независимо от воспринимающего, не могут служить объектами науки, изучающей язык. «Лингвист, который является только лингвистом, и никем более, по моему мнению, не в состоянии найти верный путь классификации фактов» [Соссюр 2000: 152]. «Если бы кто-нибудь из лингвистов, разбирающихся в сути дела, доказал нам, что в языке можно заранее найти реальный объект, неважно какой, но предшествующий анализу, а не вытекающий из него, тогда мы не только перестали бы писать что-либо, но это (означало бы конец лингвистики)» [Соссюр 2000: 118].

Данная мысль Ф. де Соссюра получает свое подтверждение: в настоящее время, вместе с возрастающим вниманием к материалу звучащей речи, все яснее обозначается психолингвистический поворот в методах её исследования. Он заключается в экспериментальных попытках выявить механизмы восприятия речи и использовать эти данные при

анализе параметров звучащей речи. Эти процессы во многом изменяют наши представления об элементах звучащей речи и их взаимосвязи.

В основе психолингвистического подхода к явлениям речи лежат два тезиса. Первый относится к факту акустической природы языка. Из него вытекает, что единицы порождения и восприятия речи, отличаясь между собой, имеют общую акустическую природу. Именно признаки звучащей речи маркируют в восприятии все то, что мы различаем в потоке речи и описываем в лингвистических единицах, начиная с процесса переложения речи на буквенный код, и кончая лингвистическим анализом текста.

Вторым тезисом является признание эмоционального характера функционирования языка, или эмоционального базиса речи. Модели порождения речи в представлении известных психолингвистов исходят из наличия мотива коммуникации, или стимула порождения высказывания, имеющего эмоциональную основу. В различных терминах эта мысль присутствует в моделях Н.И. Жинкина [Жинкина 1958], И.Н. Горелова [Горелова 1987], А.А. Леонтьева [Леонтьева 1969] и др.

С позиции говорящего процесс порождения речи имеет эмоциональную основу, и субъективно высказывание не может не быть соотношенным с неким эмоциональным состоянием, т.е. являться нейтральным. Е.Н. Винарская [Винарская 2003: 11-17] с позиций нейролингвистики анализирует современное состояние исследования эмоциональности и констатирует отсутствие концепции эмоций, убедительной в равной мере для различных областей науки. «Одностороннее преимущественно психологическое или преимущественно физиологическое рассмотрение проблемы эмоций, конечно, создает известные предпосылки для разработки теории, но само по себе еще не ведет к ней» [Винарская 2003: 11-17]. Необходимая теория эмоций должна содержать в себе оба эти плана рассмотрения проблемы. Проблема классификации эмоций, зависящая от позиции рассмотрения, может быть, по мнению Е.Н. Винарской, решена только в рамках синтетической психофизиологической теории эмоций.

В лингвистике исследование эмоционального фактора происходило на базе письменного материала, что обусловило сам характер подхода к анализу выраженных средствами языка эмоциональных состояний. Описание системы языка и его единиц происходило с позиций, в которые не входили и не могли найти место психолингвистические данные. Структурное описание языка длительное

время рассматривалось как далекое от речевых процессов и позиции говорящего. Речь воспринималась как реализация системы языка, данные процесса порождения речи не рассматривались в интересующем нас аспекте. В поле зрения исследования эмоциональности могла закономерно попасть только эмоционально окрашенная лексика. Само выделение такой лексики составляет отдельную проблему, сущность которой становится понятной с переменной позиции рассмотрения.

Несомненно, в языке можно выделить лексемы с ярко оценочным характером. Однако системное описание экспрессивных средств возможно не на основе рассмотрения системы языка, а на речевом материале, анализируемом с психолингвистической точки зрения, то есть с позиции говорящего и слушающего. Такая позиция рассмотрения убеждает в том, что средства звучащей речи способны придавать эмоциональный характер любой лексеме, при этом возможно функционирование в речи лексем с эмоциональным значением, контрастирующим с их коннотатом.

Наблюдения за речью убеждает в первичности экспрессивной функции средств звучащей речи. Эти наблюдения не могли быть использованы для создания некоего системного анализа экспрессивных средств звучащей речи. Систему средств выражения эмоциональных состояний, имеющую значение для речевой деятельности в целом, можно обнаружить именно на этом уровне. При этом необходимо изменить традиционную для лингвистики точку рассмотрения, согласно которой средства звучащей речи являются материей для выражения готовых речевых произведений-высказываний, порожденных по лингвистическим правилам. Выше мы останавливались на тезисе об акустической природе языка. Следует подчеркнуть, что классические, не опровергнутые до сих пор модели речепорождения [Леонтьева 1969; Горелов 1987; Жинкин 1958] включают наличие ритмико-тонических представлений уже на уровне интенции речи.

Причина отсутствия методики анализа экспрессивных средств речи, на наш взгляд, кроется в неперспективной точке отсчета от языка как системы и языковых средств выражения эмоций. Лексические средства называют эмоциональные состояния. Перенос точки зрения при рассмотрении экспрессивных средств с языка и его единиц на речь в психолингвистическом аспекте, то есть на процессы ее порождения и восприятия и тем самым на говорящего и воспринимающего речевое сообщение субъекта, позволяет выработать систему механизмов исследования.

Предметом настоящего рассмотрения является эмоциональность звучащей речи, универсальный и национально-специфический характер ее экспрессивных средств. В психолингвистическом плане нам представляется, что наибольшую объяснительную силу имеет сегодня концепция Е.Н. Винарской, изложенная в одной из ее недавних работ – «Выразительные средства текста (на материале

русской поэзии)». Эта концепция исходит из наличия универсальной биологической основы человеческих эмоций, которые в дальнейшем получают социальное развитие. Интересно, что предлагаемая концепция строится с учетом категорий, универсальных для всех живых организмов. Эмоции имеют общебиологические корни. Когнитивный аспект поведения человека неотделим от оценочного (эмоционального).

Е.Н. Винарская подчеркивает ритмический характер физиологических и социальных явлений. У взрослого человека складывается функциональная иерархия регуляторных (управляющих) механизмов его мозга. При этом для регулирования деятельности человека значимым является интенсивность мотивации. Согласно закону мотивационно-активационного оптимума, средние значения мотивации наилучшим образом способствуют выполнению необходимой психологической задачи. Общие закономерности динамики мотивационно-активационных состояний человека Е.Н. Винарская представляет в виде некоей оси, на которой расположены три переходящие друг в друга зоны: зона эмоционально индифферентных реакций, зона мотивационного оптимума, или зона положительных эмоций, и выше неё – зона оборонительных реакций, или зона отрицательных эмоций.

Зона мотивационного оптимума делится, в свою очередь, на четыре зоны: низкой субъективной ценности, прогрессивной субъективной ценности, высокой субъективной ценности и регрессивной субъективной ценности. Для исследователя – лингвиста эта схема позволяет сделать интересный вывод, разрушающий традиционное представление о двух полярных центрах: положительных и отрицательных эмоций. Представленная схема связывает положительные и отрицательные эмоции по степени интенсивности проявлений мотивационно-активационных состояний по одной вертикали». Чрезвычайно важно уяснить, – считает Е.Н. Винарская, – «что в зоне мотивационно-активационного оптимума функциональные состояния организма получают положительную субъективную оценку. Выше этой зоны они становятся субъективно отрицательными, а ниже её... они в силу своей незначительности вообще лишены качественно определенной оценки» [Винарская 2003: 17].

Е.Н. Винарская основывает свои выводы на наблюдениях над процессами речевого онтогенеза, экспериментальными исследованиями ситуаций речевой патологии и исследованиями тестов русской поэзии.

Следующим важным для нашего рассмотрения психолингвистическим выводом является наличие трех основных эмоциональных модальностей: 1) радость; 2) горе; 3) гнев/страх. Из этого можно сделать заключение о том, что на уровне средств звучащей речи в экспрессивной функции можно говорить о системном изменении некоего набора средств в определенных направлениях, что создает в

восприятию впечатление этих базовых эмоций. Концепция Е.Н. Винарской позволяет автору выделить *паралингвистические* средства эмоциональной выразительности для русского языка. К таким средствам относятся тембровые характеристики русских гласных. Те из них, которые связаны с ростом эмоционального напряжения, называются мажорными (гласные переднего ряда), связанные с падением напряжения (гласные заднего ряда) – минорные. Таким образом складывается «тембровая специфика эмоциональных значений русской речи, в которой И-тембры выражают нарастание эмоционального напряжения, а У – тембры его спад.» [Винарская 2003: 17]. Неударные русские гласные относятся к зоне низкой субъективной ценности. Тембровый характер говорящего определяет в русском языке его функциональное состояние (усталость, тревогу, тоску и пр.). При этом ведущую роль играют ударные гласные важнейших по смыслу слов.

Универсальные биологические эмоции, получая социальное развитие, становятся культурно-специфическими знаковыми комплексами. Этот процесс преобразует компоненты врожденных эмоционально-экспрессивных комплексов в паралингвистические знаки: вокализации, сегменты восходящей звучности, псевдослова, псевдосинтагмы. Все эти знаки сохраняют свои ценностные характеристики в речи взрослого. Они становятся социально значимыми элементами сегментного и супraseгментного уровня родного языка: гласными, согласными, компонентами фонетических слов и ритмических структур.

Говорящие на русском языке как родном «воспринимают и подсознательно различают такие дизные постветления и бемольные потемнения вокализаций – ведь это условие понимания эмоциональных оттенков русской речи» [Винарская 2003: 17].

Звучащие тексты с преимущественно восходящей мелодией создают впечатление эмоционального напряжения. Тексты с преимущественно нисходящей мелодией имеют характер убывающего эмоционального напряжения.

В нейролингвистической концепции Е.Н. Винарской исследователь звучащей речи находит информацию, позволяющую подойти к механизмам исследования звучащей речи. Существенным представляется проблема определения национально – специфических признаков экспрессивных средств звучащей речи в нескольких языках (мы исходим из сопоставительного исследования русского и немецкого языков).

В сегодняшней ситуации интереса исследователей различных областей гуманитарных наук к проблемам межкультурной коммуникации эффект первостепенного интереса к речевым (текстовым) произведениям не звучащего характера укладывается в тенденции лингвистических исследований прошлых этапов. При рассмотрении проблемы адекватности восприятия и, соответственно, коммуникации, средства звучащей речи выносятся обычно за скобку. При этом имеется в

виду, что говорящие общаются без нарушения признаков звучащей речи, а если они имеют место, то не влияют на процесс коммуникации даже в эмоциональном смысле. Это говорит о том, что языковой материал абстрагируется исследователями от реальной ситуации общения. В этой ситуации, как и в родном языке, средства звучащей речи являются канвой, по которой протекает общение и в когнитивном и, прежде всего, в эмоциональном аспекте. Эти параметры не выходят на уровень сознания говорящих, но в случае их нарушения существенно влияют на ситуацию общения, окрашивая ее в иной тон, нежели этого желают участники коммуникации. Направление исследований способствует сегодня тому, чтобы эти средства вышли на уровень сознания исследователей речи.

Восприятие звучащей речи представляет собой сложный объект исследования. В настоящем рассмотрении мы касаемся нескольких ее аспектов. Прежде всего, в экспериментальном подтверждении нуждается идея ведущей роли средств звучащей речи при эмоциональной оценке высказывания (текста), а также вопрос о степени адекватности эмоционального восприятия иноязычной речи.

Остановимся более подробно на эксперименте, проведенном с этими целями. Мы обратились к звучащим текстам в реализации их «наивными» носителями языка – как русского, так и немецкого. При этом все этапы эксперимента проводились с экспертами примерно одного возраста (среднего и молодого) и схожего уровня и характера образования. Текст из художественной литературы (немецкой), имеющий самостоятельное значение как в смысловом, так и в эмоциональном плане, не обладающий, однако, яркой эмоциональной окраской, был начитан носителями немецкого языка в трех вариантах: 1) «нейтрально»; 2) «положительно»; 3) «отрицательно».

Задания были сформулированы (непрофессиональному) диктору, не знакомому с целями эксперимента, следующим образом:

в первом случае: Прочитайте текст «естественно», «обычно».

Во втором случае: Прочитайте текст так, как если бы он очень нравился Вам, или представьте себе, что у Вас хорошее настроение и Вы читаете этот текст. (Был выбран первый вариант).

В последнем случае задание было сформулировано следующим образом: Представьте себе, что у Вас плохое настроение и Вы должны читать этот текст, или что текст не нравится Вам. (Был выбран интегративный вариант).

Аудиозаписи всех трех вариантов были предложены для эмоциональной оценки 20 экспертам, «наивным» носителям русского языка, не говорящими по-немецки, но тем или иным образом имевшими контакт с этим языком, так что его звучание не было им совершенно чуждым. Им было объяснено, что один и тот же текст был начитан в трех эмоциональных вариантах (нейтральном, положительном, отрицательном). Эксперты должны были поставить под порядковым номером прослу-

шанного текста (они следовали в описанном порядке) значок эмоционального характера текста (0, +, -).

Анализ полученных результатов дал следующую картину. «Нейтральный» вариант был оценен в 50% ответов как «положительный», в 40% ответов как «нейтральный», в 10% ответов как «отрицательный». «Положительный» вариант прочтения текста был оценен в 75% ответов как «отрицательный», в 15% ответов как «нейтральный», в 10% ответов как «положительный». «Отрицательный» вариант прочтения был оценен в 80% ответов как «нейтральный», в 5% ответов как «отрицательный». В 15% ответов как «положительный».

Общие выводы по результатам полученных данных следующие: «нейтральный» характер иноязычной, в данном случае немецкой речи не опознаваем однозначно. Эмоционально маркированные тексты были восприняты частично с противоположным знаком, это относится прежде всего к «позитивным» текстам. Эксперты сообщили, что они могли воспринять «эмоционально беспокоящую» речь, но внутри нее затруднялись различать «положительную» и «отрицательную».

О характере восприятия неродной (немецкой) речи носителями русского языка, не говорящими по-немецки, по данным эксперимента можно сделать вывод, что речь воспринимается с готовностью в некоем эмоциональном ключе, при этом маркеры положительности и отрицательности не совпадают с исходными.

Как полученные результаты, так и наблюдения за всем ходом эксперимента, в том числе поведением его участников, явились поводом для проведения следующих этапов эксперимента. Процесс получения (начитывания) текстов и их оценка поставили вопрос о характере сознательного управления экспрессивными средствами звучащей речи на родном языке. Аналогичный эксперимент был проведен с целью наблюдения за поведением дикторов – носителей языка и оценкой экспертами текстов на родном языке. Оригинальный художественный текст на русском языке с учетом всех условий первого эксперимента относительно его характера был в аналогичных условиях предложен для оценки сходной по составу группе экспертов-носителей русского языка.

Анализ полученных данных дал следующие результаты. «Нейтральный» вариант русского текста был только в 35% случаях оценен как таковой. В 60% ответов он был оценен как «отрицательный», в остальных 5% как «положительный». «Положительный» вариант прочтения текста был оценен в 95% ответов адекватно, т.е. как положительный, иные интерпретации этого варианта текста были следующими: 5% как «нейтральный». «Отрицательный» вариант прочтения был оценен в 55% ответов как «нейтральный», в 40% ответов адекватно, т.е. как отрицательный.

Кроме характера восприятия звучащего текста, проделанный эксперимент дал информацию о

характере полученных текстов и, таким образом, о способности носителей языка, не связанными по роду своей профессии с декламацией и риторикой, выполнить задание по сознательной и целенаправленной эмоциональной окраске текста при почтении его.

Можно без сомнений предположить, что все 20 экспертов смогли бы адекватно распознать эмоциональный характер текста, реализованного профессиональным актером / чтецом. В этом случае эксперимент выявил бы степень его мастерства. Нет никакого сомнения в том, что выполняющие роль экспертов носители русского языка адекватно распознают эмоциональный характер фраз в окружающей их реальной ситуации общения на родном языке. Так же нет сомнений в том, что они, включая тех, кто выступил в роли диктора, владеют экспрессивными средствами родной речи в нужной степени в зависимости от их темперамента и прочих факторов, но в целом они отражали реальное функционирование русской речи в норме, т.е. в отсутствие речевой патологии.

Были произведены записи четырьмя дикторами, двумя мужчинами и двумя женщинами. Записи обнаружили преобладание типичных признаков реализации текста, для оценки всем экспертам предъявлялся один текст. Процесс начитывания текстов и полученные результаты свидетельствуют о бессознательном характере реализации экспрессивных средств звучащей речи. Это относится прежде всего к параметрам супrasegmentного уровня речи. Во время эксперимента высказывания участников (экспертов) фиксировались. Несколько экспертов захотели прослушать записи еще раз, чтобы «лучше оценить». Этот подход к оценке привел к тому, что идентификация текстов была произведена ими почти адекватно задуманной эмоциональной маркировке.

Следует заметить, что, если бы оценка эмоциональной окраски высказывания была произведена с обращением к лексическим средствам текста, вопросы, направленные на *языковые средства* были бы уместны. В экспериментах со звучащей речью вопросы тщательно продумываются. В данном случае, ни дикторы, ни эксперты не смогли бы дать какого-либо рода ответ на вопрос, направленный на определение средств, при помощи которых текст получал эмоциональную окраску. Эта задача стоит перед исследователями.

В последующем этот эксперимент на русском материале был повторен с значительным увеличением числа экспертов, что привело к уточнению данных: «нейтральные» тексты воспринимались нейтрально и негативно примерно в одинаковых пропорциях (50% : 50%). «Положительно» начитанные тексты в 95% ответов были оценены адекватно. «Отрицательные» тексты оценивались также в равных пропорциях нейтрально и отрицательно (50% : 50%). Различия в восприятии текстов в женском и мужском исполнении не обнаружено.

В отношении инвентаря эмоциональных стилей речи эксперимент свидетельствует о том, что

носителям языка не свойствен стиль нейтральной речи в целевой реализации. Он также дает в половине случаев отрицательную оценку, что может зависеть и от степени «нейтральности» при реализации текста. Определенная неуверенность прослеживалась у дикторов и экспертов при реализации задания, при этом сама установка воспринималась как весьма понятная. Все носители языка – участники эксперимента лучше справлялись с заданием и реализации, и оценки «положительных» текстов.

Иная картина наблюдалась с выражением и – в связи с этим – с оценкой «отрицательных» текстов. Экспрессивные средства с этой маркировкой значительно труднее поддаются сознательной реализации, их «пласт залегания» расположен глубже. Естественно, эти средства готовы к бессознательной, ситуативной реализации. Пласт же экспрессивных средств речи с положительной маркировкой более доступен и более подвержен сознательному управлению. Одной из «бытовых» причин этого может являться более частотное использование этих средств в культурной традиции, что может происходить без непременно участия соответствующих эмоций. Существование эмоциональной основы речемыслительной деятельности убедительно подтверждается таким экспериментом. «Нейтральной» установке не находится места в восприятии и реализации. С фоностилистической точки зрения она должна представлять собой условный набор средств для обслуживания отдельных ситуаций коммуникации (тексты новостей и др.)

В целом можно предполагать наличие национально – специфических признаков эмоциональной речи в двух языках, в данном случае русского и немецкого. Это обуславливает проблему эмоциональной оценки речи даже при условии адекватного восприятия семантической информации. Восприятие экспрессивных средств требует навыка, а его характер – исследования.

В дальнейшем мы исходим из представления о наличии (наряду с универсальными) национально – специфических средств звучащей речи для выражения базовых эмоций. В речевом онтогенезе они являются первым уровнем средств эмоциональной коммуникации ребенка со взрослым [Винарская 1987]. В речи взрослого они представляют собой наименее подвластный сознанию говорящего пласт средств, окрашивающих воспринимаемую информацию в эмоциональном ключе функционирующих в родном языке выразительных средств речи.

В свете такого представления сопоставительные исследования оттенков эмоциональных восприятий в их формальном виде не представляются перспективными. Значимым является восприятие этих средств, которое имеет системную организацию в том плане, что экспрессивные средства соотносимы с базовыми эмоциями. В каждом языке ведущими могут быть различные параметры этих средств, которые сами по себе

имеют физиологически и акустически универсальную природу. Важным является, с нашей точки зрения, представление, согласно которому палитра эмоций на уровне звучащей речи создается интенсивностью «порции» реализуемых средств, относящихся к базовым эмоциям. Таким образом, инвентарь экспрессивных средств звучащей речи значительно меньше по объему, чем количество обозначений эмоций. Экспериментально подтверждается, что носители языка, воспринимая эмоционально окрашенную речь (на материале звучащей немецкой рекламы), затруднялись соотносить слышимое со списком эмоциональных состояний, принятом в современных исследованиях эмоциональности. При этом тексты содержали лексемы, соотносимые с оттенками эмоций [Кириченко 2007].

В механизме сопоставительного исследования экспрессивных средств звучащей речи в двух языках следует исходить из сопоставления средств, входящих в инвентари. Кроме того, важным является учет следующих данных, полученных в исследованиях Научно-методического фонетического центра ВГУ. Восприятие дифференциальных признаков интонации неродного языка происходит в эмоциональном ключе во всех тех моментах, где эти признаки расходятся в двух языках. Иначе говоря, если на уровне дифференциальных признаков фонем происходит – при их нарушении – изменение семантики информации или её искажение до неузнаваемости, а восприятие этих искажений происходит в семантическом ключе, при восприятии неверной реализации дифференциальных признаков супrasegmentного уровня включается эмоциональный фактор, т.е. искажения признаков супrasegmentного уровня воспринимается в эмоциональном ключе.

Исследования Е.В. Лукьянчиковой о восприятии дифференциальных признаков интонации немецкого и русского языков экспериментально подтверждают это положение на материале этих двух языков. Немецкие фразы с интонацией завершения (терминальности) в экспериментах на восприятие их носителями русского языка (в привлечении большого количества испытуемых) почти без исключений были восприняты как категоричные [Лукьянчикова 1999]. Перенос интонационных признаков завершения из русского языка в немецкий как факт интерференции придавал этим фразам с точки зрения носителей немецкого языка эмоциональный оттенок неуверенности, сомнения в содержании высказываний.

Механизм эмоционального восприятия признака завершенности в этой паре языков можно проследить и объяснить следующим образом: дифференциальный признак коммуникативного типа высказывания «завершенность» в немецком и русском языках различны. В немецком языке этот признак выражается в падении высоты тона голоса до нижней границы голосового диапазона (Lösungstiefe) и, согласно фонологическому

описанию интонации Г. Майнгольда и Э. Штока [Meinhold, Stock 1982], является ведущим признаком системы интоном немецкого языка. По наличию/отсутствию этого признака характеризуются основные коммуникативные типы высказываний в немецком языке.

В интонационной системе русского языка ни одна из единиц, представляющих основные коммуникативные типы высказываний, не реализуется с признаком такого интенсивного падения тона голоса. Мелодические признаки с такой направленностью в русском языке сопряжены с экспрессивными средствами «отрицательных» эмоций, относящихся к базовой эмоции «гнев». Эти данные объясняют не только механизм эмоционального восприятия дифференциального признака «герминальность» (завершенность) немецкой речи в восприятии из русского языка как родного, но и в целом картину восприятия на этом уровне. Представляется, что компоненты интонации, а для многих языков ведущим считается мелодический компонент, составляют механизм для выражения основных коммуникативных типов высказываний, обладающих национальной спецификой на фоне универсалий, природа которых обусловлена физиологической общностью реализаций супrasegmentных средств человеком [Величкова 2004: 311].

Система экспрессивных средств речи сопряжена с системой интоном определенным образом. По нашей гипотезе, усиление при этом дифференциальных для этой системы признаков маркирует положительные эмоциональные состояния, интенсификация интегральных признаков означает проявление отрицательных эмоциональных состояний. Иначе говоря, система интоном сопряжена с системой выражения базовых эмоций на основе дифференциальных признаков. В речевом онтогенезе правильнее дать описание, исходя из эмоционально – экспрессивных средств речи, на базе которых складывается система интоном.

В психолингвистических исследованиях звучащей речи, проводимых в Научно-методическом фонетическом центре Воронежского государственного университета, создается база данных в области экспрессивных средств немецкой и русской речи, направленная на описание средств выражения базовых эмоций. Экспериментальным материалом служат поэтические тексты, телевизионная звучащая речь, художественные фильмы, записи детской речи и (условно) спонтанной речи.

Основной проблемой исследования звучащей речи является разработка методики ее анализа. При этом в комплексе средств, которые принято объединять в интонацию, необходимо выделить функцию отдельных ее компонентов. Длительное время в интонацию включалось все многообразие супrasegmentных средств, составляющих как бы неразрывное единство. При этом складывалось впечатление, что все функции интонации

реализуются этим комплексом в целом. Такое понимание интонации соответствовало отводимому ей месту в ряду неязыковых средств, т.е. средств незнакового характера, играющих и с психолингвистической точки зрения «оформительскую» роль для уже сформированного единицами других уровней языка высказывания.

Постепенно происходило становление системного взгляда на интонацию и, вследствие этого, функциональное разделение ее компонентов. Прежде всего, это касалось признаков реализации коммуникативных типов высказываний, при этом выделилась ведущая роль мелодического компонента. Точнее говоря, мелодическая составляющая всегда находилась в поле зрения описания интонации, но исследователей как с перцептивной, так и с акустической точки зрения интересовала конфигурация мелодической кривой. Постепенно были описаны модели, соответствующие определенным типам высказывания, но им соответствовали и определенные синтаксические конструкции, что препятствовало взгляду на интонацию как область самостоятельных единиц, т.е. структурному ее описанию.

Выделение интоном способствовало функциональному выделению других компонентов интонации, прежде всего ритма. Ритмические параметры, обладающие важными функциями в процессе порождения и восприятия речи, являются маркерами напряженности речи. Такая функция параметров речевого ритма прослеживается на материале различных типов текста [Stock, Velickova 2002]. Напряженность речи связана с выражением базовых эмоций не напрямую, а находится в сложных соотношениях с этим процессом. Она может разрушать привычную ритмическую канву. Непосредственно за выражение базовых эмоций отвечают мелодические признаки, а также тембровые характеристики вокализма и дифференциальные признаки фонем в целом.

Кроме несомненных универсалий, в этом процессе выявляются национально- специфические черты, образующую систему экспрессивных средств речи в каждом языке. Воспринимаемое богатство эмоциональных оттенков создается различной интенсивностью реализации экспрессивных средств базовых эмоций.

С точки зрения экспрессивной роли супrasegmentных средств ритмические параметры, обладающие важными психолингвистическими функциями в процессе порождения и восприятия речи, являются маркерами функционального стиля речи и напряженности речи. Мелодические и тембровые признаки ответственны за выражение базовых эмоций и их производных. Рассмотрим комплекс этих средств в оппозиции базовых эмоций «радость» и «гнев» в сопоставительном плане на примере русского и немецкого языков. Исследованию подверглись 16 русских и столько же немецких диалогов из художественных фильмов с ярко выраженными признаками базовых эмоций.

Радость

русский язык: восходящая мелодия, «расширение» звучности ударных гласных в важных по смыслу словах;

немецкий язык: нисходящая мелодия, активизация дифференциальных признаков согласных.

Горе

русский язык: использование более высокого уровня диапазона голоса в рамках всего высказывания.

немецкий язык: использование более высокого уровня диапазона голоса в рамках всего высказывания, нечеткость ритмических параметров, вогнутая мелодическая дуга.

гнев

русский язык: повышенная четкость артикуляционных движений, уменьшение ударных слогов, усиление признаков согласных фонем, «сужение» звучности гласных в ударных слогах важных по смыслу слов;

немецкий язык: увеличение количества ударных слогов, повышение мелодики на ударных слогах, увеличение темпа.

Наблюдаемый в перцептивном анализе признак ударных гласных в значимых по смыслу словах играет особую роль в комплексе экспрессивных средств русской речи. Вслед за Е.В. Винарской мы обозначаем его «звучность гласного». В наших экспериментах этот признак был определен как расширяющееся звучание (в артикуляционном плане за счет увеличивающегося резонатора), сопровождающееся повышением тона голоса на ведущих слогах при выражении эмоции радости. Этот признак имеет тембральный характер. При эмоциональном состоянии, образующим оппозицию к рассматриваемому, т.е. при эмоции гнева, происходит сужение «звучности гласного», т.е. перцептивно воспринимаемое уменьшение диапазона звучания, артикуляционно восходящее к уменьшению резонатора полости рта. В комплексе экспрессивных средств немецкой речи этот признак не присутствует, передача соответствующих эмоций происходит с участием мелодических параметров.

Ритмические параметры не ответственны за выражение определенных эмоций, они сигнализируют общее эмоциональное напряжение речи. В отношении немецкой речи можно в общем сделать вывод о том, что частота ударных слогов, превосходящая средние показатели, сигнализирует о повышении эмоционального напряжения и в целом о негативном характере этого напряжения. Эти данные по ударностям разрушают ритмическую канву привычной, «нейтральной» речи и этим создают некое беспокойное, отрицательное напряжение.

Для спокойной русской речи характерно равномерное распределение ударных слогов с дистанцией в 2-3 слога. Нарушение этих закономерностей, которое происходит скорее в сторону увеличения дистанций, создает впечатление раздражения, угрозы и иных негативных впечатлений.

При нарастании напряжения русской речи увеличивается темп речи. Негативные эмоци-

ональные состояния выражаются с участием нисходящих мелодий. Все согласные реализуют свои признаки более интенсивно.

Общие выводы по экспрессивным средствам немецкой речи в отношении ритмических параметров: частота ударностей, превосходящая средние показатели, свидетельствует о нарастающем негативном напряжении.

– В немецкой экспрессивной речи нарастание напряженности сопровождается убыстрением темпа речи, в ударных слогах с эмоциональной кульминацией напряжение маркируется преимущественно восходящей мелодией. Гласные получают более светлую окраску.

– Дифференциальный признак немецкого консонантизма «lenis» получает интенсивную реализацию, признак «fortis» может в некоторых случаях не реализоваться. Высокая напряженность речи маркируется повышением числа ударных слогов, ослабление напряжения – уменьшением числа ударных слогов, безударные начало и конец фраз.

– В русском языке в менее напряженной речи ударность, как правило, приходится на слоги, стоящие в середине фразы, а кульминационное ударение стоит на последнем слоге.

В немецком языке наблюдается тенденция в расположении ударности на первые, либо на последние слоги. При возрастающем напряжении количество ударностей в строке распределяется таким образом, что расстояние между акцентами в среднем колеблется от 2 до 6 слогов.

Исходя из психолингвистической концепции о наличии эмоционального базиса речи, можно подойти к представлению, согласно которому экспрессивные средства языка проявляются с различной степенью интенсивности в различных речевых стилях. Степень их реализации относится к характеристике стиля.

Восприятие иноязычной речи происходит через эмоциональную призму родной речи. При этом нужно исходить из наличия универсальных и национально-специфических признаков экспрессивных средств.

Даже в так называемых нейтральных стилях речи, где экспрессивные средства должны быть представлены минимально, можно наблюдать негативное восприятие такой речи как пассивной, безучастной, независимо от содержания высказывания или в противоречии к нему.

Анализ соотношения средств выражения базовых эмоций в разных языках представляет актуальную проблему исследования. Наряду с универсальными средствами, которые должны относиться к сильной степени появления базовых эмоций (ликование, горе, агрессию), наблюдаются комплексы национально-специфических экспрессивных средств. При несовпадении реализации экспрессивных средств в процессе межкультурного общения наблюдается эмоциональная интерференция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). Изд-во ВГУ. Воронеж, 2003.
2. Винарская Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. Москва, 1987.
3. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Таллинн, 1987.
4. Жинкин Н.И. Механизмы речи. Москва, 1958.
5. Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста (на материале немецкого языка). Автореферат ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2007.
6. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Москва, 1969.
7. Соссюр Фердинанд де. Заметки по общей лингвистике. 2-е издание. Изд-во «Прогресс», Москва, 2000.
8. Lukjancikova, E. Das Merkmal der intonatorischen Abgeschlossenheit im Deutschen und im Russischen.// Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. (2) Forschung und Lehre. Staatliche Universität Woronesh. 1999.
9. Meinhold, G. and Stock, E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. 2. Auflage. Leipzig 1982.
10. Stock, Eberhard and Velickova, Ludmila. Sprechrhythmus im Deutschen und Russischen.-Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002.
11. Velickova, L. Psycholinguistische und phonetische Basis der Störungen bei der interkulturellen sprechsprachlichen Kommunikation.// Klangsprache im Fremdsprachenunterricht (3) Forschung und Praxis. Staatliche Universität Woronesh. 2004.

С.В. Лебедева (Курск)

Интегративная модель близости значения слов

В настоящее время изучение языка, в частности, слова, развивается в направлении, сущность которого можно охарактеризовать как интегрирование и экспериментальную верификацию знаний о языке и человеке, накопленных лингвистикой, логикой, философией, психологией.

Разнообразие и противоречивость подходов к близости значения слов в современной лингвистике свидетельствует о незавершенности разработки этого явления и требует пересмотра и расширения уже сложившихся постулатов с позиций говорящего человека, что позволит дополнить теоретические положения и снять ряд существующих противоречий.

Психолингвистика, сосредоточившись на непосредственном функционировании слова в сознании индивида, рассматривает близость значения слов, совершенно по-иному, чем в языке, взятом в его системных отношениях. Слово рассматривается как средство доступа к единой системе знаний носителя языка, возбуждающее сеть образов и концептов, сформированную на основе индивидуального речевого и когнитивного опыта.

В контексте нашего исследования обозначена новая область психосемантики – проксиматика, которая предлагает многомерную модель установления сходства слов по значению и иерархию близости значений слов в индивидуальном сознании. В основу теоретического подхода к исследованию названного феномена в рамках психолингвистики легла психолингвистическая концепция слова, разработанная в 70-е гг. А.А. Залевской [Залевская 1977]. А.А. Залевская подчеркивает, что слово в индивидуальном

сознании включено в широчайшую сеть многосторонних связей и отношений, когда объектами процесса дифференцирования и интегрирования являются и слова, и все члены чувственных групп, и соотношения между ними и продуктами переработки предшествующего опыта.

Установление близости значения слов детерминировано особенностями индивидуального опыта и в силу этого вариативно. Близость слов по значению асимметрична. Это следует из множественности оснований для установления близости и разной степени рефлексии над планом содержания лексем. У каждого человека сходство преломляется через его индивидуальные представления, в качестве похожих выбираются такие признаки предметов и явлений, которые актуальны для индивида, очень часто сходство переживается эмоционально. Многообразие социальной, половозрастной, ситуативной и т.п. стратификации служит, с этой точки зрения, основным ориентиром в установлении самих границ сходства. Такое сближение оказывается возможным в силу описанной М.М. Бахтиным диалогичности слова. Поскольку слово всегда диалогично, оно может задавать практически неограниченные контексты, в которых и проявляется близость значений слов.

Общезвестно, что в языке одна и та же мысль может быть выражена разными единицами, а отличающиеся по своей форме сообщения могут передавать идентичную информацию. Возникает вопрос, благодаря чему и каким образом человек устанавливает тождественность, сходство или подобие содержащейся в этих сообщениях

информации? Существуют ли одно-однозначные соответствия между единицами, в которых кодируется эта информация, и словами, которыми мы пользуемся? Каким образом у носителя языка происходит переход от этих глубинных единиц к их вербальному соответствию? Когда, где и как имеет место такая ситуация, которая позволяет нам судить о том, что определенные языковые факты не просто существуют в определенном жанре, но и переживаются как близкие по значению?

Ответ на любой из этих вопросов требует формулирования или принятия в готовом виде гипотезы, которая отражала бы установление оснований для переживания слов индивидом как близких по значению. Основанием для предлагаемого ниже рассмотрения особенностей близости значения слов в индивидуальном сознании носителя языка нам представляется возможным взять гипотезу синонимии смыслов, предложенную А.А. Залевской [Залевская 1992].

При определении основных этапов процесса установления или переживания сходств и различий человеком нам представляется необходимым опираться на исследования, вскрывающие принципиальную структуру деятельности человека, объясняющие механизмы формирования универсальной структуры интеллектуального действия, механизмы умственной деятельности человека или выявляющие взаимодействие между языком и интеллектом. Ключ к пониманию и обнаружению универсальных операций, характерных для любых условий жизни любых слов, в том числе и близких по значению, как единиц идиолексикона, с нашей точки зрения, дает обращение к вопросам специфики единиц индивидуального лексикона и принципов его организации. Это позволит выйти за рамки традиционных представлений о возможности анализа близости значения слов как единиц лексико-семантической системы языка только путем разложения их значений на компоненты (семы) или через анализ контекстов.

Следует отметить, что не только в спонтанной речи, но и в художественной литературе происходит окказиональное, имеющее важные содержательные последствия сближение значений, не переходящее в регулярную синонимию. Сближение значений (а не только синонимия) имеет также важные стилистические последствия и может, очевидно, рассматриваться как один из стилистических приемов, связанных с актуализацией, который в соответствующей литературе не получил достаточного освещения. Вероятно, подобные сближения значений можно объяснить тем, что индивидуальное сознание автора текста ориентировано на поиск актуализированных художественных средств, например, постоянные «нанизывания» синонимов у Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Ч. Диккенса. Это явление, не рассматривавшееся в классической лингвистике в силу ее ориентированности на устойчивые системные связи, тем не менее является атрибутом индивидуального сознания и в этом отношении

находит освещение в предлагаемой нами модели.

При интегративном подходе к анализу близости значения слов необходимо по-новому взглянуть на основные критерии выделения синонимов, такие, как контекст, основания близости значения слов (критерии выделения), смысловое сходство. Особенность трактовки этого феномена с учетом особенностей преломления его в индивидуальном сознании может, на наш взгляд, пролить свет на многие спорные вопросы. Явление близости значения слов помимо чисто объективных факторов предполагает и значительную долю субъективизма, что требует особых методов исследования своеобразия и особенностей семантической равнозначности в «живом» языке. Очень важным представляется ответ на вопрос о том, когда принимается решение о выборе слова, когда закладываются глубинные предпосылки этого выбора.

Поскольку, как уже было сказано, значение существует не в слове, а в сознании (подсознании) идентифицирующего его человека, процессы и результаты этой деятельности (идентификации) фиксируются с учетом отношения личности к объектам, ситуациям, явлениям мира, являющимся предметом или условием текущей деятельности. Установление близости значений, вероятно, осуществляется в процессе идентификации слова через переживание своих знаний и впечатлений и может рассматриваться как один из этапов или уровней реального процесса доступа к единой информационной базе человека. Вероятно, в сознании (подсознании) должны существовать уровни, регулирующие процесс установления, поиска и переживания сходства через разъяснение, сопоставление предметов и явлений, их признаков, условий появления и существования, соотносимых с лексемами, т.е. имеют место субъективно-оценочные сознательные и неосознанные сравнения.

Ядром предлагаемой модели является сопряжение сравнения и переживания в акте проксимации. Подобная модель строится с акцентом на закономерностях психической деятельности индивида-носителя языка, с учетом множества оснований близости значения слов и градуальности феномена проксимации. Предлагаемая модель предусматривает определенный пусковой момент, который может быть как внешним, так и внутренним, вызванным потребностями человека. Развитие самого процесса переживания сходств и различий рассматривается нами как последовательность следующих взаимосвязанных этапов: I – возникновение (мгновенный толчок, «схватывание») опоры сравнения, II – смысловое программирование, III – реализация смысловой программы. В данном случае, вероятно, происходит согласно А.А. Леонтьеву замена единиц субъективного кода минимальным набором семантических признаков слова, ограничивающим семантический класс и позволяющим при дальнейшем порождении выбирать внутри этого класса различные варианты, наряду с этим происходит «приписывание данным

единицам дополнительных, “лишних” (относительно соответствующих слов будущего высказывания семантических признаков, соответствующих функциональной нагрузке кодовых единиц, возникающих в процессе программирования [Леонтьев 1969]). Линейный принцип распределения единиц, который дополняет их иерархическую организацию, влечет за собой распределение семантических признаков, ранее «нагруженных» на одну кодовую единицу, между несколькими единицами в зависимости от структуры соответствующего языка [Ibid.].

Психолингвистическая концепция значения слова дает возможность более широкой трактовки основного приема, лежащего в основе близости значения слов – сравнения. Можно говорить о сравнении не как о логическом приеме определения эквивалентности, а как о способе эмоционально-оценочного отношения человека к окружающему миру – сравнении-переживании. Сравнение в процессе употребления слов с общим значением в речи может осуществляться и на поверхностном, и на глубинном уровнях, так как, по мнению Л.С. Выготского, мы «восходим» от понимания слов и их значений к смыслу и мотиву высказывания [Выготский 1982].

Роль феномена переживания в речемыслительной деятельности человека подчеркивается, например, в работах С.Л. Рубинштейна, который говорит: «В самой мысли в момент ее зарождения в сознании индивида часто переживание ее смысла для данного индивида преобладает над оформленным знанием ее объективного значения» [Рубинштейн 1958: 14]. В.К. Вилюнас трактует субъективное переживание как универсальную онтологическую основу психического образа, как конкретно-субъективную форму существования отражаемого в ней содержания [Вилюнас 1990].

Развитие процесса переживания сходства может протекать по-разному в зависимости от потребностей или условий момента.

Во-первых, детального переживания образа или ситуации сопоставления может не происходить, для человека важен лишь определенный фрагмент образа или ситуации. Сопоставление идет по этому фрагменту при одновременно присутствующем полном объеме образа, который как бы находится «в тени», но может мгновенно развернуться в зависимости от потребностей текущего момента. Человек как бы намечает пути сопоставления, часть которых может быть утрачена под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов.

Во-вторых, более или менее детальное сопоставление может происходить в «речи для себя».

В-третьих, если образ сходства (переживание сходства) предназначается для общения, то оказывается необходимым выразить во внешней речи результат предпринятого сопоставления, который имеет соответствующий специфике текущего момента смысл. На основании этих рассуждений можно предполагать, что слова с

общим значением вряд ли связываются линейными отношениями на основании принципа «ближе – дальше» в лексиконе человека. Для него такие связи устроены иначе, они объемны и не всегда поддаются экспликации. В данном случае, если исходить из того, что любое сравнение трехчленно, в основании сравнения при установлении близости значения слов в индивидуальном сознании лежит переживание сходства, т.е. имеет место сравнение-переживание. Можно предположить, что сравнение будет идти по принципу «далеко/близко», «свое/чужое», «мое/твое», «новое/старое» и т.п. По нашему мнению, такой когнитивный феномен, как близость значения удачно может быть описан формой репрезентации с использованием геометрических фигур, предложенной П. Гэрденфорсом [Gardenfors 2000].

Близость значения или сходство интерпретируются как расстояния между объектами в концептуальном пространстве. При этом суждения о сходстве напрямую зависят от расстояния: чем ближе объекты, тем больше сходство. Интересно, что расстояние имеет иное качественное содержание, нежели линейные показатели. Расстояние понимается как следствие психофизических измерений, которые показывают, как структурированы наши когнитивные пространства. Сходство – это функция расстояния между репрезентациями в психологическом пространстве. Оно зависит от поведения самого субъекта и поведения объектов. Расстояние как параметр интерпретации сходства зависит от качеств и свойств объектов и от свойств субъекта, который ими оперирует. Не может быть единого понятия расстояния для разных людей, так как оно зависит от их знаний и от ситуации восприятия.

Близость значений, которая переживается (осознается) с опорой на внутренний контекст, далеко не всегда претендует на вхождение в словарь синонимов и является феноменом, который по-особому организует сознание и определяет индивидуальные модели мышления. На практическом материале в нашем исследовании, ставившем своей целью детальное изучение специфики переживания близости значения слов в индивидуальном сознании, было расширено количество единиц, которые могут переживаться в качестве близких по значению человеком в ситуации «для меня, здесь и сейчас» [Лебедева 2000]. В этом аспекте представляется возможным использование понятий «проксоним» и «проксонимия», описывающих сближение значений на разных основаниях в индивидуальном сознании. Шкала общности и различия существует в идиолексиконе человека, усредненное же действие этих шкал и формирует общность и различие в рамках языка в целом. Многообразие постоянно изменяющихся контекстов человеческого действия разрушает и создает проксонимию.

Предложенный принцип и соответствующие ему операции установления отношений субъективной эквивалентности позволили объяснить легкость

замены названия категории ее прототипом (ср. с понятием эквивалентности по принадлежности к категории в работах Э. Рош). Сюда следует отнести индивидуальные реакции, которые отражают личный опыт человека и особенности окружающей его культурной среды. Иногда ситуация закодирована отдельным словом, в этом отношении слово являет собой микрожанр, который действует в качестве дифференциального признака близких по значению слов.

Процесс проксимации имеет сложное строение и именно поэтому не может быть жестко структурированным. В жизни же идет постоянный процесс проксимации когнитивных элементов

опыта. Опыт индивида, память прошлых контекстов индивидуальное (текущее) когнитивное состояние, в котором находятся конкретные носители языка в момент идентификации, в момент «для меня, здесь и сейчас» предопределяют процесс и результат процесса проксимации. Далее следует отметить, что передается не только знание, но и чувства и переживания, без которых невозможен любой акт общения. Все названные характеристики могут проявлять себя только лишь в тесном взаимодействии. Человек сравнивает все то, что он знает о свойствах и качествах предметов и явлений под контролем принятых в культуре и социуме взглядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. - М.: Наука, 1990.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982. Т.2
3. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1977.
4. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. – Тверь: Изд-во Твер.ун-та, 1992.
5. Лебедева С.В. Синонимы или проксимы. – Курск: Изд-во Курского госпедуниверситета, 2000.
6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М.: Наука, 1969.
7. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. - М.: Наука, 1958.
8. Gardenfors P. Conceptual spaces: The geometry of thought. Cambridge, MA; London. 2000.

Т.Ю. Сазонова, А.В. Умеренкова (Курск)

Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование

В коллективной монографии «Психоллингвистика двадцать первого века: четыре краеугольных камня», обобщая достижения этой сравнительно молодой еще науки, редактор Э. Катлер (2005) определяет психоллингвистику как «науку об отношениях», и среди четырех основных плоскостей, в которых проходят современные психоллингвистические исследования, называет проблему взаимоотношения процессов производства и понимания речи [Cutler 2005]. Отмечается значительное преобладание исследований в области понимания речи на ранних этапах становления психоллингвистики. Причина тому достаточно очевидна: будучи наукой экспериментальной, психоллингвистика ставит жестким условием обеспечение контроля стимула. Несомненно, обеспечить контроль стимула в эксперименте на понимание, достаточно просто, в то время как контролировать процесс производства спонтанной речи, на первый взгляд, представляется невозможным. И, несмотря на то, что некоторые процедуры (такие как именованье картинок или завершение предложений) позволяют пролить свет на некоторые стадии этого процесса, в целом исследование производства речи опирается на косвенные данные (оговорки или речевые расстройства при

афазии).

Пионерская работа В. Левельта (1989) положила начало широкомасштабному экспериментальному исследованию процессов производства речи (слов, фраз, предложений), и что более важно – интерпретации экспериментальных данных в терминах влиятельных теорий [Levelt 1989]. К настоящему времени, можно говорить о восстановлении равновесия среди исследований процессов производства и понимания речи и, по мнению Эн Катлер, открывает дорогу для новых моделей, интегрирующих процессы производства и понимания речи. С этим трудно не согласиться: антропологическая парадигма в лингвистике создала для этого все предпосылки, когнитивная психология дает необходимый инструментарий, а отечественная методология может послужить хорошей интерпретационной базой. Несмотря на ряд ограничений, накладываемых на такие модели различной ролью говорящего и слушающего, существует вероятность того, что на определенных этапах речепорождения и речепроизводства задействованы схожие единицы.

Разнообразные знания, убеждения и представления человека о мире должны быть определенным образом упорядочены в его сознании для

осуществления быстрого доступа к значениям в процессе восприятия и интерпретации сообщения. Вопросы процедур доступа к этой информации и использования в процессе восприятия речевого сообщения/текста, а именно процессы получения выводного знания и вычисления коммуникативных намерений автора на основе заданных контекстом предпосылок остаются по-прежнему актуальными. Любой акт интерпретации предполагает соотношение языковой информации текста со схемами знаний, убеждений и т.д., т.е. мы можем говорить о наличии внутреннего (ментального) контекста, который служит базой как для порождения высказывания, так и для его понимания [Сазонова 1998].

А.А. Залевская рассматривает внутренний контекст как продукт «многогранной деятельности индивида, протекающей на уровне неосознаваемых процессов при постоянном взаимодействии перцептивного и когнитивного, когнитивного и аффективного, вербального и невербального, континуального и дискретного, как и многих других аспектов психической жизни активного и пристрастного субъекта» [Залевская 1992: 89].

В русле когнитивной психологии внутренний контекст рассматривает Р. Стернберг [Sternberg 1996]. Когнитивный внутренний контекст индивида влияет на процессы кодирования, хранения и извлечения информации. Автор полагает, что наряду со схемами знаний, внутренний контекст будет также определяться эмоциями, модальностями разных видов, состояниями сознания и внешним контекстом как усвоения знаний, так и их воспроизведения. Все указанные характеристики внутреннего когнитивного контекста так или иначе будут определять процесс идентификации слова. Рассматривая роль языка в таком внутреннем когнитивном контексте, Р. Стернберг [Sternberg 1996] отмечает, что слова являются наиболее экономичным способом оперирования информацией. Вокруг слова, к которому имеется доступ, легко организовать новую информацию, увязываемую с ним носителем языка при встрече с новым словом или в результате овладения новым опытом.

В когнитивной лингвистике также признается важным трактовать контекст как ментальное явление. Ф. Унгерер и Г.Й. Шмит [Ungerer, Schmid 1996] предлагают использовать термин «контекст» для обозначения когнитивной репрезентации взаимодействия между ментальными концептами или когнитивными категориями. Такая когнитивная репрезентация, или контекст, формируясь в процессе взаимодействия человека с реальным миром, немедленно вступает в связь со знаниями индивида, хранящимися в долговременной памяти. Таким образом, когнитивные категории зависят не только от текущего контекста употребления, но и от целого комплекса ассоциирующихся с ними внутренних когнитивных контекстов. В случае взаимодействия с совершенно новыми объектами или ситуациями, для которых индивид не имеет когнитивных репрезентаций, он опирается на ближайшие контексты, используя все доступные для

идентификации признаки, и при этом немедленно формируется новая когнитивная модель. Из этого следует, что процесс идентификации никогда не происходит в «деконтекстуализованном вакууме».

Перспективные исследования в этой области нацелены на поиск концептуальных образований, представляющих знания, эмоции и чувства в виде единого репрезентативного пространства, а также отражающие взаимодействие процессов обработки языка и единиц, участвующих в этом процессе. Одной из возможностей, реализующих данный подход, является лингво-когнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания.

Считается, что теория «обманутого ожидания» впервые возникла в контексте проблемы комического и является объектом внимания философов и психологов (Т. Гоббс, И. Кант, Т. Липс и др.) уже на протяжении двухсот лет. В то же время, ситуация «обманутого ожидания» часто встречается в разных условиях общения, когда суть высказывания оказывается совершенно неожиданной и весьма далекой от прогнозируемого. Экспектации и антиципации относительно «правильного» развития дискурса, обнаруживающие себя в ситуациях «обманутого ожидания», возникают на базе двух психолингвистических явлений – предсказуемости и непредсказуемости.

Под обманутым ожиданием И.В. Воскресенский понимает вариативность развития ситуации, а именно возможность развития нескольких сценариев продолжения ситуации. Для автора ситуация – некая схема, служащая для описания ментальных репрезентаций. Согласно данной модели, языковая личность, имеющая дело с некоторой ситуацией, моделирует встречную ситуацию, обеспечивающую разрешение неоднозначности, а также прогнозирование дальнейшего развития ситуации. Такую ситуацию И.В. Воскресенский называет «контрситуацией» [Воскресенский 2001].

Проблема преодоления текстовой неоднозначности стала предметом исследования и И.Ф. Бревдо, изучавшей проблему на материале текста шутки [Бревдо 1998, 1999]. Отправной точкой данной работы была идея о том, что понимание текста основывается на определенных формах хранения и функционирования социально значимых знаний. Представляется правомерной мысль о том, что первоначально многозначное слово воспринимается в контекстном значении, которое на первый взгляд кажется единственным, и лишь развязка, активизирующая какое-либо иное значение слова, раскрывает его неоднозначность, обнаруживая возможности развития совершенно иного сценария.

По И.Ф. Бревдо необходимым условием корректного распознавания неоднозначного элемента является наличие когнитивного усилия. Выбор одного из значений многозначного слова происходит под влиянием высокой частотности употребления слова в данном конкретном значении, а также прайминг-эффекта (эффекта предшествования).

В рамках когнитивной психологии понятие прайминг-эффекта (от англ. *priming*) трактуется как

непрямая оценка влияния прошлого опыта на успешность проведения тех или иных операций и относится к эффектам имплицитной (бессознательной) памяти. Любопытен факт того, что прайминг часто представляется более стабильным показателем памяти, чем сознательное воспроизведение, дольше сохраняется и устойчив к изменению условий кодирования, радикально влияющих на уровень воспроизведения [Величковский 2006: 362].

Факт влияния эффекта предшествования при понимании текста подтвердился и в экспериментах Р. Граймз и М. Кean [Grimes, Keane 2004], изучавших когнитивную природу феномена удивления при понимании текста-повествования. По мнению ученых, отношения между ожиданиями, или ожиданиями и удивлением не так просты, как кажутся. Результаты проведенных экспериментов показали, что репрезентации текста, сконструированные реципиентами при понимании предыдущих отрывков текста, оказывают непосредственное влияние на восприятие последующих событий.

В связи с этим В. Мэйер, Р. Райзензайн и А. Шутсволь [Meyer, Reizenzein, Schützwohl 1997] говорят о «гипотезе обманутого ожидания» (The Expectancy-Disconfirmation Hypothesis), согласно которой феномен удивления возникает в результате того, что ожидания, основанные на ранее сконструированных схемах, остаются неоправданными.

В центре многих исследований, посвященных пониманию дискурса, фигурирует понятие механизма догадки (построения гипотезы), работа которого обеспечивается связью текстовых репрезентаций и фоновых знаний, которая упрощает процесс понимания и позволяет предсказывать возможный исход ситуации. По Р. Шэнку и Р. Абельсону [Schank, Abelson 1977] возможность

прогнозирования основывается на припоминании типичных фиксированных сценарных схем.

Способность к вероятностному прогнозированию кроется в определенной организации памяти, сохраняющей информацию о событиях в прошлом опыте данного индивида, о последовательности этих событий, о том, как часто имела место та или иная цепь событий в прошлом опыте. Если бы мы жили в среде, где последовательность событий была бы четко детерминирована, то прогнозирование не требовало бы особых усилий, и было бы более или менее точным. В вероятностно организованной среде, коей является наша действительность, память может обеспечить только вероятностное прогнозирование предстоящих событий. Так, способность вероятностного прогнозирования предполагает наличие определенной интуиции в выборе из числа альтернативных сообщений наиболее подходящего для данного контекста [Сазонова 1998: 86]. С психолингвистической точки зрения контекст «находится в голове слушающего», ведь акт интерпретации невозможен без соотнесения языковой информации текста со схемами наличных знаний и убеждений, образующих ряд ассоциирующихся внутренних контекстов.

Участие вероятностного механизма в процессе восприятия (порождения) речи предполагает конструирование ментальных моделей воспринимаемых объектов в соответствии со спецификой концептуальной сферы реципиента, а так же объемом и качеством его наличных фоновых знаний.

Мы полагаем, что лингво-когнитивное моделирование процессов, которые приводят к эффекту обманутого ожидания, будет способствовать дальнейшему развитию интегративной теории речемыслительной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бревдо И.Ф. Схема знаний как база для понимания шутки: экспериментальное исследование // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. – Тверь, 1998.
2. Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: Автореф. дис. – Тверь, 1999.
3. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т.1 – М.: Смысл: «Академия», 2006.
4. Воскресенский И.В. Эффект обманутого ожидания в понимании текста // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь, 2001.
5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. - Тверь, 1992.
6. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: Монография. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000.
7. Сазонова Т.Ю. Внутренний когнитивный контекст идентификации слова // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. –Тверь: ТГУ, 1998.
8. Cutler A. (Ed.). Twenty-first century psycholinguistics: four cornerstones. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.
9. Grimes-Maguire, R & Keane, M.T. Evidence of Muddy Knowledge in Reaching for the Stars: Creating Novel Endings to Event Sequences. Proceedings of the twenty-Sixth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2004.
10. Levelt W. Speaking: From intention to articulation. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
11. Meyer, W. V., Reizenzein, R& Schützwohl, A. Towards a Progress Analysis of Emotions: The Case of Surprise // Motivation and Emotion, 21(3), 1997.
12. Schank, R.C.& Abelson, R.P. Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.
13. Sternberg R.J. Cognitive psychology. Fort Worth etc.: Holt, Rinehart and Winston, 1996.
14. Ungerer F. & Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. London; New York: Longman, 1996.

И.А.Стернин (Воронеж)**Психолингвистика и концептология**

Когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания. Именно ее возникновение и бурное развитие на современном этапе является характерной чертой языкознания рубежа веков.

По определению В.З. Демьянкова и Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [Краткий словарь когнитивных терминов: 53-55].

В когнитивной лингвистике мы видим новый этап изучения сложных отношений языка и мышления, проблемы, в значительной степени характерной именно для отечественного теоретического языкознания. Когнитивные исследования получили признание в России, как справедливо подчеркивает Е.С. Кубрякова, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11].

Начало такому изучению положили нейрофизиологи, врачи, психологи (П. Брока, К. Вернике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов и др.). На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия). Стало ясным, что языковая деятельность протекает в мозге человека, что разные виды языковой деятельности (освоение языка, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) связаны с разными отделами головного мозга.

Следующим этапом развития проблемы соотношения языка и мышления стала психолингвистика, в рамках которой изучались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека, соотношение системы языка и ее использования, функционирования (американские психолингвисты Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., российские лингвисты А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов и др.).

Размышления об участии языка в познании мира можно найти в трудах мыслителей разных времен и народов от античности до наших дней. Их подробные обзоры сделаны Л.Г. Зубковой [2000] и Н.А. Кобриной [2000].

Однако фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем начинается лишь в последние десятилетия XX века, и основные публикации по когнитивной лингвистике приходится на этот период.

Современная когнитивная лингвистика принадлежит к числу ряда наук, исследующих своими специфическими методами один общий предмет – когницию.

В связи с этим сейчас можно говорить о существ-

вовании *когнитивной науки*, которая, по определению Е.С.Кубряковой, междисциплинарна и представляет собой зонтичный термин [Кубрякова 2004: 7] для целого ряда наук – когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, философской теории когниции, логического анализа языка, теории искусственного интеллекта, нейрофизиологии; «уже сложились такие дисциплины как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т.е почти в каждой гуманитарной науке выделилась специальная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» [Кубрякова 2004: 10-11]. Когниция как процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании, в настоящее время в современной науке понимается расширительно – «означавший ранее просто «познавательный» или «относящийся к познанию», термин когнитивный все более приобретает значение «внутренний», «ментальный», «интериоризованный» [Кубрякова 2004: 9].

В задачи когнитивной науки «входит и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2004: 8-9].

Таким образом, когнитивная лингвистика – одно из направлений междисциплинарной когнитивной науки.

С нашей точки зрения, сегодня можно говорить по крайней мере о следующих направлениях в когнитивной лингвистике, которые определились на сегодняшний день (называем типичных представителей данных направлений):

культурологическое – исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С.Степанов). Такие исследования обычно де-факто междисциплинарны, не связаны исключительно с лингвистикой, хотя могут выполняться и лингвистами (что и позволяет рассматривать данный подход в рамках когнитивной лингвистики); язык в этом случае выступает лишь как один из источников знаний о концептах (например, для описания концепта используются данные об этимологии слова, называющего этот концепт);

лингвокультурологическое – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи

с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (В.И.Карасик, С.Г.Воркачев, Г.Г.Слышкин, Г.В.Токарев);

логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис);

семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова);

философско-семиотическое – исследуются когнитивные основы знаковости (А.В. Кравченко).

Каждое из этих направлений можно считать уже достаточно оформившимся в современной лингвистике, все они имеют свои методические принципы (объединяет их все прежде всего теоретическое представление о концепте как единице сознания) и все они имеют своих сторонников среди лингвистов-когнитологов, их представляют достаточно известные научные школы.

Разумеется, предлагаемые разграничения направлений, как и отнесение отдельных ученых к тем или иным направлениям достаточно условно (многие ученые на разных этапах своей научной деятельности работали в рамках разных концепций), но, с нашей точки зрения, подобная классификация отражает основные действующие в современной отечественной когнитивной лингвистике тенденции.

Таким образом, когнитивная лингвистика как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова 2004: 13]. При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004: 10].

Отличие когнитивной лингвистики от других когнитивных наук заключается именно в ее *материале* – она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале), а также в ее *методах* – она исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Современная когнитивная лингвистика неоднородна, «представлены разные направления в когнитивном исследовании и определились лидеры и ведущие фигуры в разных школах когнитивной лингвистики» [Кубрякова 2004: 11].

Материалом лингвокогнитивного анализа является язык, а цели такого исследования в разных конкретных направлениях (школах) когнитивной лингвистики могут различаться – от углубленного

исследования языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата до конкретного моделирования содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы).

Развиваемый нами подход к лингвокогнитивным исследованиям мы обозначаем как *семантико-когнитивный*, подчеркивая этим названием основное направление исследования – исследование *соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными*.

Когнитивная лингвистика стала возможной после оформления теоретических постулатов психолингвистики. Именно психолингвисты обосновали концепцию невербальности мышления, существование в сознании людей концептосферы, состоящей из единиц мышления – концептов, постоянно изменяющейся и обновляющейся. Установлено, что знаки языка создаются людьми для обмена важной информацией, то есть для наиболее общераспространенных и коммуникативно востребованных концептов, что знаки языка лишь пунктир на пространстве концептуальных смыслов, что концептосфера намного объёмнее и шире, чем та её часть, которая обозначена языковыми средствами. Эти теоретические достижения психолингвистики стали основой для создания методологии когнитивной лингвистики.

Главное положение этой методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно описать концептосферу народа.

Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт – путь к описанию вербализуемой части концепта.

Причины вербализации или отсутствия вербализации концепта – чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов. Значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации.

Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о номинативной плотности [термин В.И. Карасика 2004: 111] данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

Концепт может быть вербализован в случае коммуникативной необходимости различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое

описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта.

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Структура концепта образована когнитивными признаками разного ранга, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полевому признаку.

Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта. Концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемичные концепты, возможна лакунарность концепта.

Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания – когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация – тот этап семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках лингвистической семантики.

Обеспечив выявление и описание соответствующих концептов, семантико-когнитивный подход предоставляет исследователям две дальнейшие возможности использования полученных данных [Попова, Стернин 2007: 9]:

возвращение к языку: использование полученных когнитивных знаний для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного изучения лексической и грамматической семантики; такое направление исследования представляет собой *когнитивную семасиологию*;

движение к сознанию: моделирование концептов как единиц национальной концептосферы, национальной культуры; данное направление будет представлять собой *лингвокогнитивную концептологию*.

В *когнитивной семасиологии* исследуется, какие компоненты концепта как глобальной мыслительной единицы вошли в семантическое пространство языка (т.е. в семантику единиц, стали семами языковых единиц), какие когнитивные процессы определили и определяют формирование и развитие семантики соответствующих языковых единиц. Когнитивный терминологический аппарат используется для объяснения языковых явлений и процессов. «Соотнесение языковых форм с их когнитивными аналогами и прежде всего ... соотнесение их с разными когнитивными структурами – этот только *способ объяснить* (выд. нами – З.П., И.С.) их особенности или функциональные характеристики» [Кубрякова 2004: 13].

Когнитивная семасиология использует понятие *концепт*, во-первых, как *инструмент для ограничения* исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и

структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединяемых репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, во-вторых, как инструмент объяснения и углубленного описания семантики единиц языка.

Лингвокогнитивная концептология использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы.

Задача лингвокогнитивной концептологии: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт и, описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, тендерном, территориальном) своеобразии и определить место концепта в национальной концептосфере.

Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен, и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт (сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств – музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

Языковые средства выступают средством материализации языкового сознания. В рамках Московской психолингвистической школы языковое сознание рассматривается как сознание, овнешняемое языковыми средствами и формируемое в процессе речевого общения. Оно исследуется через овнешняющие его содержание языковые средства.

К языковым средствам, овнешняющим языковое сознание, в данной концепции относятся отдельные слова, словосочетания, фразеологизмы, паремии, тексты и ассоциативные поля. Ср.: языковое сознание – это «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов 2003: 3].

Предметом исследования лингвистической концептологии являются значения языковых

единиц, объективирующих тот или иной концепт, т.е. языковое сознание, а конечной целью – реконструкция (моделирование) концепта как мыслительной единицы по данным языка, то есть реконструкция когнитивного сознания.

В связи с этим важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования является *когнитивная интерпретация* результатов описания семантики языковых единиц – именно этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования «переводит» языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта. Другие направления когнитивной лингвистики данного этапа не предусматривают или не выделяют как отдельный этап методики, растворяя его в анализе семантики. В лингвистической концептологии когнитивная интерпретация результатов лингвистического описания номинативного поля исследуемого концепта – важнейший и абсолютно необходимый этап исследования.

Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта.

Все полученные до когнитивной интерпретации семантические описания – еще не описания содержания и структуры концепта, это значения номинативных единиц, называющих отдельные когнитивные признаки или их совокупности, вербализованные теми или иными языковыми средствами.

Без этапа когнитивной интерпретации построение модели концепта невозможно – если данный этап миновать, то при моделировании концепта с *концептом* будут просто отождествлены значения единиц, номинирующих его, что существенно искажает представление о реальном концепте как единице когнитивного сознания.

Проиллюстрируем методику когнитивной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента.

Ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Интерпретация имеет своей конечной целью именно формулирование когнитивных признаков.

Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обобщаются в интегральный когнитивный признак, который словесно формулируется исследователем (интерпретатором). Для наименования формулируемого когнитивного признака выбирается обычно наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Так, в свободном ассоциативном эксперименте с 50-тью ии на слово-стимул *Земля* ассоциаты *большая 20, огромная 3, очень большая 2* интерпретируются как объективация обобщенного

когнитивного признака *большая*, и частотность отдельных ассоциатов суммируется -25; ассоциаты *круглая 24, огромный шар 2, земной шар 4, шарообразная 2* обобщаются в когнитивный признак *круглая 30* и т.д.

В ассоциативном эксперименте со стимулом *русский язык* в результате когнитивной интерпретации выявляются следующие когнитивные признаки данного концепта:

богатый 132 (разнообразный, богатый, масштабный, многообразный, всеобъемлющий, широкий);

хороший 90 (хороший, замечательный, лучший, клевый, обалденный, нормальный, крутой, отличный);

сложный 57 (сложный, трудный, тяжелый, заумный);

легкий 46 (легкий, простой, доступный, понятный, доходчивый) и т.д.

Важно отметить, что в процессе когнитивной интерпретации в качестве когнитивных признаков концепта интерпретируются *все* полученные ассоциаты, включая единичные. Так, при когнитивной интерпретации стимула *правда* в качестве когнитивных признаков формулируются признаки, объективируемые такими единичными реакциями как газета (*есть газета «Правда»*), глаза (*правду говорят в глаза*), жизни (*правда должна отражать реальное положение дел в жизни*), горькая (*может быть горькой, неприятной*), боль (*может доставлять боль*), лучше горькая (*лучше сказать правду, даже если она горькая*), во вред (*правда может быть во вред человеку*), горечь (*может доставить горечь*), иллюзия (*может быть иллюзией*), комсомольская (*есть газета «Комсомольская правда»*), лезвие бритвы (*правду говорить опасно – как ходить по лезвию бритвы*), сила (*говорить правду – это проявлять силу, правда обладает общественной силой*), смелый поступок (*говорить правду требует смелости*), совесть (*совесть человека побуждает его говорить правду*) у волка своя, у зайца своя (*понятие о правде различно у разных людей*), тяжелая ноша (*быть носителем правды тяжело*) и т.д.

Каждый полученный в результате когнитивной интерпретации признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта. Индекс яркости когнитивного признака – это его когнитивная яркость, то есть осознанность, актуальность признака в когнитивном сознании, актуализируемая в частотности объективации данного признака в ассоциативном эксперименте. Индекс яркости когнитивного признака вычисляется как отношение количества испытуемых, объективировавших в эксперименте данный признак, к общему числу испытуемых.

Когнитивная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов показывает, что в структуре концепта могут выделяться и быть при этом достаточно яркими противоречащие друг другу когнитивные признаки, ср. в концептах *английский язык, русский язык – легкий, трудный*; это – одно из

существенных доказательств принципиального различия между концептом и значением слова – в последнем противоречащие признаки исключены.

Вторым этапом когнитивной интерпретации результатов описания концепта является обобщение отдельных когнитивных признаков и выявление на их основе классификационных признаков (когнитивных классификаторов), используемых для концептуализации данного явления. Близкие когнитивные признаки интерпретируются как языковые репрезентации отдельного классификационного признака концепта, а их частотность суммируется для определения яркости, актуальности в структуре концепта тех или иных классификационных когнитивных признаков.

Так, когнитивные признаки *богатый, бедный*, выделенные в концепте *русский язык*, обобщаются классификационным признаком *богатство словарного состава*, когнитивные признаки *хороший, плохой* – классификационным признаком *общая оценка*, когнитивные признаки *сложный, простой* – признаком *доступность освоения*; когнитивные признаки *красивый, некрасивый* – признаком *эстетической оценки*, признаки *распространенный, известный, всемирный, широко изучаемый, многонациональный* – классификационным признаком *распространенность*, признаки *звучный, мелодичный, напевный, лирический, певучий, музыкальный* – классификационным признаком *звуковой образ* и т.д.

Все выявленные когнитивные признаки интерпретируются как объективация определенных когнитивных классификационных признаков, что позволяет выявить особенности концептуализации денотата концепта когнитивным сознанием.

Возможно также проведение процедуры верификации результатов описания концептов.

Под верификацией понимается *проверка полученных данных путем обращения к носителям языка*.

Верификация – не обязательный, но иногда необходимый этап экспериментального лингвокогнитивного исследования, поскольку, во-первых, многие результаты, получаемые традиционными лингвистическими методами (логическим, контекстуальным) нуждаются в проверке на соответствие современному реальному состоянию когнитивного сознания носителей языка, а во-вторых, любое описание концепта, полученное лингвистом, – одна из возможных моделей концепта. Не случайно, описания одних и тех же концептов разными лингвистами даже по сходным методикам получаются далеко не всегда совпадающими.

Полученные данные в связи с этим и желательно подвергать процедуре верификации; особенно это важно при лингвокогнитивных исследованиях, базирующихся на исторических штудиях, культурологической информации, анализе паремий – актуальность получаемой в результате подобных исследований когнитивной информации для современного человека далеко не очевидна.

В процессе верификации можно, что немало-

важно, получить сведения о яркости когнитивного признака в структуре концепта, а также о возрастной, социальной, профессиональной, гендерной специфике концептов.

Верификация осуществляется *после этапа выявления когнитивных признаков*, образующих содержание концепта. Испытуемым предъявляется для верификации набор выделенных когнитивных признаков. Экспериментальная верификация позволяет и ранжировать эти признаки по яркости в структуре концепта

Процедура верификации может понадобиться и в некоторых других случаях. Так, она может использоваться для *прояснения ассоциативной связи стимула и ассоциата*, в случае, если эта связь не поддается когнитивной интерпретации исследователем. Например, какая связь: *долг – мороз, туча – кино* и под. Если в ответах испытуемых в процессе верификации наблюдается определенная согласованность, соответствующую интерпретацию можно принять, если согласованности нет – подобные ассоциативные пары исключаются из когнитивной интерпретации как сугубо индивидуальные реакции.

В целом верификация является дополнительной процедурой семантико-когнитивного анализа, повышающей надежность и достоверность описания содержания и структуры концептов.

Приведем пример экспериментального исследования конкретного концепта. Нами было проведено экспериментальное исследование концептов Москва и Ярославль в сознании молодежи г. Ярославля. Была поставлена задача сравнить эти концепты в молодежной концептосфере как концепты, достаточно известные, объективно и субъективно освоенные, и вместе с тем, достаточно различные по содержанию и «зависимые» от личного опыта носителей языка.

Выдвигалась гипотеза, что исследуемые концепты будут существенно различаться по своей концептуальной структуре в концептосфере провинции.

Использовался метод направленного ассоциативного эксперимента: *Москва – какая?* Было получено 115 ответов от студентов Ярославского государственного педагогического университета. Опрос проводился в ноябре 2006 г.

Обработка результатов включала обобщение сходных ассоциатов, суммирование их частотности и когнитивную интерпретацию ассоциатов.

Результаты эксперимента

Москва – 115 ассоциатов.

Агрессивная, огромная, многолюдная, суетливая 10, шумная 7, столица 6, отвратительная (не люблю) 5, красивая, богатая, златоглавая, древняя, яркая, активная 3, с пробками, грязная, Красная площадь, великая, высокомерная, Город – Герой, чужая, третий Рим, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа 2, многонациональная,

большая деревня, златолюбивая, незнакомая, культурная, бездуховная, политическая, хмурая, знаменитая, чарующая, гламурная, модная, публичная 1.

Обсуждение результатов

Когнитивная интерпретация ассоциатов показывает, что ядро концепта образуют когнитивные признаки *агрессивная, огромная, многолюдная, суетливая, шумная* (40% всех выделенных когнитивных признаков).

Ближнюю периферию концепта составляют признаки *столица, отвратительная (не люблю), красивая, богатая, златоглавая, древняя, яркая, активная* (25%).

Дальняя периферия включает признаки *с пробками, грязная, Красная площадь, великая, высокомерная, город-Герой, чужая, третий Рим, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа* (23%).

Крайняя периферия включает признаки *многонациональная, большая деревня, златолюбивая, незнакомая, культурная, бездуховная, политическая, хмурая, знаменитая, чарующая, гламурная, модная, публичная* (12%).

Макроструктура концепта имеет следующий вид.

Образное содержание концепта включает признаки *шумная 7, златоглавая 3, с пробками, грязная, Красная площадь 2.*

Информационное содержание концепта включает признак *столица 6*.

Энциклопедическая зона – 21

Огромная, златоглавая, древняя 3, с пробками, грязная, Красная площадь, сильная 2, многонациональная, златолюбивая, политическая, модная 1

Остальные признаки образуют обширное интерпретационное поле исследуемого концепта.

Мифологическая зона – 11

красивая, яркая 3, великая, третий Рим 2, знаменитая 1

Социокультурная зона – 7

Город – Герой 2, многонациональная, культурная, бездуховная, политическая, публичная 1.

Утилитарная зона – 74

Агрессивная, многолюдная, суетливая 10, шумная 7, богатая, активная 3, высокомерная, чужая, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа 2, большая деревня, златолюбивая, незнакомая, политическая, хмурая, модная, публичная 1.

Общеоценочная зона – 7

отвратительная (не люблю) 5, чарующая, гламурная 1

Заметна яркость утилитарной зоны и слабая представленность в концептосфере испытуемых остальных концептуальных зон.

Был также проведен эксперимент по выявлению

оценочной акцентуации концепта. 12-ти испытуемым – студентам ЯГПУ было предложено прочитать список всех когнитивных признаков концепта, выделенных в результате проведенного эксперимента (см. результаты эксперимента) и выписать отдельно положительно-оценочные, отрицательно-оценочные и неоценочные признаки.

Как показали результаты, оценочный когнитивный слой (положительно-оценочные и отрицательно-оценочные признаки – 72%) ярко выражен в концепте и в два с половиной раза ярче неоценочного слоя (28%), что позволяет сделать вывод о преимущественно оценочном характере концепта *Москва* в исследуемой концептосфере. При этом наблюдается более чем двукратное преобладание негативных оценок по сравнению с позитивными – 50% против 22%; таким образом, концепт *Москва* в сознании испытуемых – преимущественно неодобительно-оценочный. Неодобительная акцентуация содержания концепта в основном сформирована утилитарной зоной интерпретационного поля, которая практически целиком является неодобительно-оценочной.

В эксперименте с концептом *Ярославль* было получено 145 ответов от студентов Ярославского государственного педагогического университета.

Результаты эксперимента

Ярославль – 145 ассоциатов.

Родной 21, древний 14, провинциальный 12, красивый 11, волжский 9, тихий 8, душевный 7, промышленный, уютный, деревня 4, зеленый, развивающийся, маленький, богатая история 3, церкви, степенный, Ярослав Мудрый, любимый, Золотое Кольцо, грязный 2, отсталый в информационных технологиях, современный, исторические памятники, ориентируется на Москву, великий, интересный, город, раньше мыслился как вторая столица, медведь, Стрелка, набережная, суетливый, памятники искусства, областной, лесной, скучный, северный, компактный, удобный, солнечный, большой, шумный, величественный, алкоголики, разный, пустой, спортивный 1.

Обсуждение результатов

Проведенная когнитивная интерпретация ассоциатов позволила выделить когнитивные признаки концепта, которые были подвергнуты полевой стратификации.

Ядро концепта образуют когнитивные признаки *родной 21, древний 14, провинциальный 12, красивый 11, волжский 9, тихий 8, душевный 7- 82* (56%).

Ближнюю периферию концепта составляют признаки *промышленный, уютный, деревня 4, зеленый, развивающийся, маленький, богатая история 3 -27* (18 %).

Дальняя периферия включает признаки *церкви, степенный, Ярослав Мудрый, любимый, Золотое*

Кольцо, грязный 2 -12 (8%).

Крайняя периферия включает признаки *отсталый в информационных технологиях, современный, исторические памятники, ориентируется на Москву, великий, интересный, город, раньше мыслился как вторая столица, медведь, Стрелка, набережная, суетливый, памятники искусства, областной, лесной, скучный, северный, компактный, удобный, солнечный, большой, шумный, величественный, алкоголики, разный, пустой, спортивный – 27 (18%).*

Макроструктура концепта имеет следующий вид.

Образное содержание концепта включает признаки:

волжский 9, зеленый 3, церкви, грязный 2, Стрелка, набережная, солнечный 1- 20 .

Информационное содержание концепта включает признаки:

город, областной 1 -2

Энциклопедическая зона – 43

Провинциальный 12, волжский 9, промышленный, деревня 4, развивающийся, маленький, город, раньше мыслился как вторая столица, Стрелка, набережная, памятники искусства, лесной, северный, алкоголики, большой, спортивный 1.

Остальные признаки образуют интерпретационное поле исследуемого концепта.

Мифологическая зона – 6

Ярослав Мудрый 2, медведь, великий, величественный, солнечный 1.

Социокультурная зона –23

Древний 14, богатая история 3, церкви, Золотое Кольцо 2, исторические памятники, памятники искусства 1.

Утилитарная зона – 56 .

Родной 21, тихий 8, душевный 7, уютный 4, зеленый, любимый, грязный 2, отсталый в информационных технологиях, современный, интересный, суетливый, скучный, компактный, удобный, шумный, разный, пустой 1.

Общеоценочная зона –13.

Красивый 11, любимый 2.

Анализ оценочной акцентуации концепта показал следующее.

Неоценочные признаки (32%):

Древний 14, волжский 9, промышленный, маленький 3, церкви, Ярослав Мудрый, Золотое Кольцо 2, исторические памятники, ориентируется на Москву, город, раньше мыслился как вторая столица, медведь, Стрелка, набережная, памятники искусства, областной, лесной, большой, разный 1-45

Положительно-оценочные признаки (50,5%):

Родной 21, красивый 11, тихий 8, душевный 7, уютный 4, зеленый, развивающийся, богатая история 3, степенный, любимый, 2, великий, интересный, компактный, удобный, солнечный, величественный, спортивный – 71.

Отрицательно-оценочные признаки(17,5%):

Провинциальный 12, деревня 4, грязный 2, отсталый в информационных технологиях, суетливый, скучный, алкоголики, пустой 1 – 23.

Как видно из полученных данных, оценочный когнитивный слой (положительно-оценочные и отрицательно-оценочные признаки – 68%) ярко выражен в концепте и в два раза ярче неоценочного слоя (32%), что позволяет также сделать вывод об оценочном характере концепта *Ярославль* в исследуемой концептосфере. При этом в концепте *Ярославль* наблюдается трехкратное преобладание позитивных оценок по сравнению с негативными – 50,5% против 17,5%; таким образом, концепт *Ярославль* в сознании испытуемых – преимущество положительно-оценочный.

Позитивно-оценочная акцентуация содержания концепта в основном сформирована утилитарной зоной интерпретационного поля (в которой доминирует признак «родной») и общеоценочной зоной.

Сопоставим выявленные параметры двух исследованных концептов. Процентное выражение того или иного концептуального параметра отражает количество соответствующих когнитивных признаков, выявленных в структуре концепта и, соответственно – яркость соответствующего параметра в структуре концепта.

Параметры концепта	«Москва»	«Ярославль»
Объем ядра	40%	56%
Объем ближней периферии	25%	18%
Объем дальней периферии	23%	12%
Объем крайней периферии	12%	18%
Объем образного содержания	14 %	13,8%
Объем информационного содержания	5,2%	1,4%
Объем интерпретационного поля	80,8%	84,8%
Энциклопедическая зона	18,3%	29,6%
Мифологическая зона	9,6%	4,1%
Социокультурная зона	6,1%	15,8%
Утилитарная зона	60,2 %	38,6%
Общеоценочная зона	6,1%	8,9%
Доля неоценочных признаков	28%	32%
Доля позитивно-оценочных признаков	22%	50,5%
Доля негативно-оценочных признаков	50%	17,5%
Оценочная акцентуация	негативная	позитивная

Таким образом, сопоставление концептов *Москва* и *Ярославль* в провинциальной концептосфере позволяет сделать следующие выводы.

Оба концепта имеют достаточно объемное и яркое ядро, что характерно для широко известных испытуемым топонимических концептов; при этом ядро концепта *Ярославль* включает более половины всех выявленных когнитивных признаков.

Объем ближней периферии двух концептов существенно не отличается, а крайняя периферия оказывается объемней в концепте *Ярославль*, что, очевидно, обусловлено большей близостью концепта участникам эксперимента и в силу этого концепт содержит больше индивидуально-личностных признаков, которые и образуют крайнюю периферию.

Оба концепта включают образное содержание, информационное содержание, энциклопедическую зону и интерпретационное поле. Характерно, что существенных различий в объеме этих структурных компонентов у исследуемых концептов не выявлено – соотношение данных компонентов в структуре исследуемых концептов примерно совпадает.

Образные компоненты в основном отражают топонимические достопримечательности, в концепте *Ярославль* отражены и природные условия (*Волга, зеленый, солнечный*), в концепте *Москва* – *пробки на улицах*.

Информационное содержание обоих концептов невелико и отражает фактически правовой статус соответствующего города (*столица, областной город*).

Энциклопедическая зона более ярко представлена в концепте *Ярославль*, а мифологическая – в концепте *Москва*.

Наибольший объем содержания обоих концептов занимают интерпретационные признаки.

Социокультурная зона существенно заметнее представлена в концепте *Ярославль* (*древний, богатая история, церкви, Золотое Кольцо, исторические памятники, памятники искусства*), в

концепте *Москва* социокультурная зона представлена менее ярко и более «формально» – *город – Герой, многонациональная, культурная, бездуховная, политическая, публичная*. Очевидно, для участников эксперимента культурное значение их родного города ближе и очевидней, чем Москвы.

Аналогично яркость общеоценочной концептуальной зоны выше в концепте *Ярославль* – общая оценка своего родного города для испытуемых ближе и естественней, чем аналогичная оценка Москвы.

Обращает на себя внимание преобладание в концепте *Москва* утилитарной концептуальной зоны и более равномерное распределение когнитивных признаков по всем концептуальным зонам в концепте *Ярославль*.

При этом следует констатировать выявившуюся в эксперименте важность утилитарных зон для исследованных топонимических концептов, которые оказываются наиболее яркими и важными для сознания носителей языка.

В обоих присутствует мифологическая зона, отражающая мифологические сведения о городе.

Интересно, что энциклопедическая, социокультурная и общеоценочная зоны концепта *Ярославль* превышают по яркости соответствующие зоны концепта *Москва* – в этом, очевидно, отражается «эмоционально-патриотическое» отношение сознания к родному городу, в то время как *Москва* рассматривается преимущественно утилитарно, причем утилитарные признаки отражают в основном «утилитарные трудности» испытуемых в отношениях с Москвой.

Оба концепта оказываются преимущественно оценочными, но если в концепте *Москва* преобладает негативная акцентуация, то в концепте *Ярославль* – позитивная.

Таким образом, экспериментальные психолингвистические методы – один из возможных путей исследования и описания концептов, наряду с традиционными лингвистическими методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов, 2000.
2. Карасик В.И. Языковой круг. М., Гнозис. 2004.
3. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов, 2000.
4. Краткий словарь когнитивных терминов. /Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., Изд. МГУ 1996.
5. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004. –№ 1.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. / Антология концептов. М.: «Гнозис». 2007.
7. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования //Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН, 2003.

С.В. Власенко, Ю.А. Сорокин (Москва)

Текст как плотно лакунизированное пространство

Цель статьи состоит в аналитическом описании в терминах психолингвистики, в частности, с позиции теории лакун, определенных проблем восприятия и понимания английского текста русскоязычными реципиентами.

Исходя из установки Ю.М. Лотмана на то, что «текст рассматривается как манифестация языка» и что, «поскольку язык выступает в качестве устройства, кодирующего текст, то само собой разумеющимся полагается, что все релевантные элементы текста даны в языке <...>, поэтому *текст всегда есть текст на данном языке* (курсив – Ю.М.Л.)» [Лотман 1986: 104], представляется целесообразным рассматривать проблему понимания текста с точки зрения понятности и прочитываемости манифестаций языка/речи в тексте.

Показательно также и мнение Р.У. Лангаккера, утверждавшего, что грамматика языка не есть порождающий или алгоритмизированный механизм и что «она не строит выражений и не выдает их на выходе», представляя «просто реестр символических ресурсов», которым распоряжаются пользователи языка. При этом, «эксплуатируя эти ресурсы, пользователи языка осуществляют деятельность, связанную с категоризирующими суждениями. Результаты этих действий опираются на весь массив знаний говорящего и его когнитивную способность» [Лангаккер 1992: 16]. С такой позицией нельзя не согласиться.

Таким образом, можно сделать чрезвычайно важный для нас вывод о том, что корреляция представленных текстовых манифестаций с соответствующими единицами/категориями языка обязательна и непреложна. В том случае, если текстовые фрагменты непонятны реципиентам, то есть лакунизированы, необходимо прежде всего апеллировать к тем или иным явлениям языка, восприятие которых представляет трудность, и детально их анализировать. Однако независимо от детальности и тщательности анализ может оказаться бесплодным и не дать желаемой ясности.

Заметим в этой связи, что нас преимущественно интересуют лакунизированные фрагменты текста, ибо, в нашем понимании, лакуны маркируют непосредственный обрыв смыслового контура текста в сознании реципиента-интерпретатора. Факт неизбежной смысловой непрозрачности текста, представляющего другую локальную культуру, подробно рассматривался в основополагающей работе по лакунам [Марковина, Сорокин 1989: 71-162]. По мнению названных авторов, речевые и текстовые лакуны отражают объективные различия в строении контактирующих языков, вследствие чего уместно предположить прямую корреляцию лакун с механизмами интерпретации и понимания текстов [там

же, 103; Сорокин 1977]. Именно лакуны как маркеры культурологической маргинальности сигнализируют о появлении проблемного поля (появлении иного/чужого) корпуса того или иного текста [Этнопсихолингвистика 1988]. Следовательно, лакунизированность текста или его фрагментов препятствует поиску адекватных средств его осмысления, являясь тем барьером, «взятие» которого характеризует языковую компетентность реципиента-интерпретатора, а также сформированность его перцептивной парадигмы.

Анализ большого корпуса текстов дает основание утверждать, что текстовая лакуна маркирует либо (1) отсутствие связей текста с фрагментами описываемой действительности (реальной, гипотетической, виртуальной), представляя неопределенный, незнакомый дейксис и/или отсутствие какого-то одного или нескольких типов знаний у коммуникантов (общих или частных) и/или (2) нарушение текстовой когезии. В последнем случае речь должна идти о смысловом разрыве внутритекстовых связей. Однако, основными препятствиями при интерпретации знаний в ходе коммуникации (о типах знаний см. подробнее исследование О.Т. Йокоямы [Yokoyama 1986]) являются не столько лакуны, сколько их «знаки», *лакунизаторы*, расшифровка которых предполагает использование ситуационного анализа, или анализа прототипической ситуации, актуализированной в тексте [Власенко 1996а, 1996: 7, 11, 14, 21, 26, 40].

Предложение использовать понятие *лакунизатор* в парадигме психолингвистики основано на необходимости – прямо или косвенно стоящей перед реципиентом – управлять процессами восприятия и понимания иноязычных текстов [Власенко 1994]. Под *лакунизатором*, или *оператором лакун*, понимается *актуализатор* лакун, основной носитель смысловой и контекстуальной неопределенности текста, маркирующий разрыв его смыслового контура либо на уровне внутритекстовой, либо на уровне внетекстовой референции. Лакунизаторы представляют языковые/речевые¹ факторы, которые детерминируют степень и плотность лакунизации пространства иноязычного текста [Власенко 1995, 1996].

Будем считать основными *лакунизаторами* текстового пространства – вне зависимости от конкретной пары контактирующих языков – следующие языковые средства:

- дейктические средства языка;

¹ Рассматриваемая в статье проблематика в равной мере касается языка и речи, поэтому дифференциация этих двух понятий представляется нерелевантной.

- слова широкой семантики, которые не имеют явной референтной соотнесенности, означая «все и ничего» в предметной зоне определенной понятийной области;

- реалии, включая не только социо-культурные, страноведческие или географические, но и отраслевые: профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, а также иную безэквивалентную лексику;

- языковые единицы (лексические, грамматические, синтаксические), выражающие пространственно-временные и модальные отношения, которые закодированы на уровне глубинных языковых структур: модальность, времена, наклонения.

Учитывая мнение ранее названных авторов, утверждавших способность лакун различаться по мощности, или глубине, [Марковина, Сорокин 1989: 97-98], попробуем конкретизировать феномен лакунизации, предложив понятие **плотности лакунизации** текстового пространства. Плотной лакунизированное пространство текста является результатом наложения лакунизаторов.

Описание факта явления наложения лакун в рамках одной или нескольких текстовых последовательностей возможно на основе дифференциации степени и плотности лакунизации текста, что, по нашему мнению позволяет различать **двойную** и **тройную лакунизацию**.

Свойственные речи отношения «между словоформами в речевой цепи и системой наслаивающихся на них грамматических значений» свидетельствуют о «наложении» грамматических значений словоформ на их лексические значения [Адмони 1988: 136]. Некоторые лингвисты рассматривают такое взаимодействие значений, используя понятие **семантической интегрированности**. В то же время значительно реже обсуждается факт наслаивания (наложения) грамматических значений отдельных категорий языка в рамках словоформы (см., например: [Готлиб 1984]).

Представляется, что **темпоральная лакунизация** относится к одной из сложнейших форм лакунизации, так как обычно сочетается с залоговыми (или видовыми) характеристиками глаголов, что делает правомерным рассмотрение темпорально-залоговых характеристик в качестве феномена **двойной лакунизации**. В частности, рассматривая формы прогрессива английских глаголов, Е.С. Кубрякова отмечает несогласованность воззрений англистов на их статус и на нерешенность вопроса о том, что выражают эти формы – видовые, временные или же видо-временные значения, а также каково соотношение отдельных значений, передаваемых формами прогрессива [Кубрякова 1980: 340].

Интересно мнение Е.С. Кубряковой о том, что форма английского прогрессива (ранее традиционно называемого *Continuous*) передает грамматическое значение, образуемое такой иерархической структурой, в которой доминирующую роль играет представление времени, обозначенного вспомогатель-

ным глаголом, указывающим на протяженность, и представление признака, обозначенного смысловым глаголом или другим признаковым словом (например, прилагательным) как преходящего и непостоянного. Взаимодействие этих значений, одно из которых связано со спрягаемым глаголом, а другое – с атрибутивной (причастной) формой смыслового глагола, создает уникальное **интегрированное грамматическое значение видо-временного характера**, т.е. выражающее одновременно отношение говорящего и к фактору времени, и к способу протекания действия [там же, 343-344].

Небезынтересно ее замечание о том, что, приобретая форму *Continuous*, английский глагол становится носителем нового грамматического значения и какой бы ни была его лексическая семантика, он становится выразителем значения, «заимствованного» из смысловой структуры данной формы. Из этого следует, что «наблюдаемые сдвиги в значениях глаголов при их использовании в форме *Continuous* всегда можно объяснить взаимодействием конкретной семантики глагола и общей грамматической семантики его формы» [там же, 343]. Вероятно, именно взаимодействие значений, одно из которых трудно прочитываемо, лежит в основе явления лакунизации. Явление **тройной лакунизации** возникает при сочетании темпорально-залоговой лакунизации глагольных форм с признаками модальности. Например, в английском языке модальность характеризуется более тонкой, чем в русском, разграниченностью отношений на оси координат вероятность-невероятность [Баранов 1993]. Вполне правомерно ожидать, что присущая английскому языку тонкая разграниченность хронометрирования времени [Хайруллин 1992, 1995] вкупе с тонким дроблением континуума отношений на оси координат вероятность-невероятность способны обусловить плотную лакунизацию текстового пространства для русскоязычного реципиента.

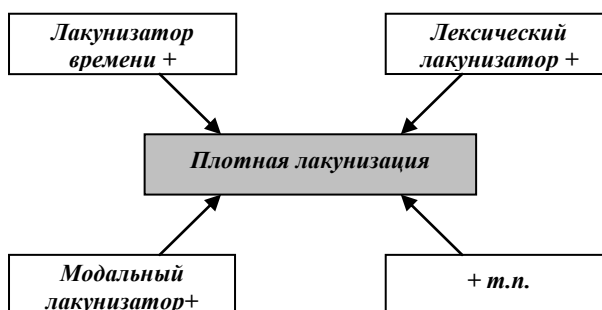

Рис. 1 – Упрощенная схема гипотетического восприятия русскоязычным реципиентом плотно лакунизированных текстовых фрагментов английского текста с учетом системных расхождений английского и русского языков и неизбежности «зависания» процесса распредмечивания смысла

Другими словами, когда пространственно-временные отношения английского текстового фрагмента с внетекстовой действительностью скоординированы с категорией модальности в широком смысле, то это приводит к образованию национально-специфических глагольных форм, таких, например, как: *might have been done, could have spoken, would be using* или *is likely to be developing*.

Следующий пример иллюстрирует двойную лакунизацию английской фразы с точки зрения русскоязычного реципиента-интерпретатора, для которого реализация средств передачи модальности в английском связана, в частности, с изменением синтаксического статуса высказывания вследствие разноравности передачи модального значения:

Perhaps less obviously, his offer led to a furor within the faculty [Brigham 1989: 251]. **Возможно, менее очевидным был тот факт, что его предложение вызвало толки среди профессорско-преподавательского состава** [Бригхэм 1998: 223].

Приведем следующий пример плотной – двойной – лакунизации текстового фрагмента, подтверждая мнение В.Г. Адмони о наложении значений друг на друга в рамках одной формы, в котором особенности передачи предикативно выраженного модального значения сочетаются с формой прогрессива, относящегося к будущему:

Investors in the stock market tend to look into the future in order to justify the purchase of sale of stock. If their perception of the future is changing, stock prices will most likely also be changing [Gitman et al. 1987: 275]. **Инвесторы на фондовом рынке склонны заглядывать в будущее с тем, чтобы оправдать приобретение или продажу акций. Если их восприятие будущего меняется, то можно с большой вероятностью ожидать и изменения курсов акций** [Гитман, др. 1996: 325].

Этот пример иллюстрирует реструктурирование внутритекстовых референтных связей, вплетенных в передачу модальности. Предикативно маркированное модальное значение в английской фразе трансформируется в русской фразе в безличный предикативный комплекс с квантификатором «большой». Наряду с этим, важно отметить, что представление смысла английской фразы на русском языке сопряжено с изменением залоговых характеристик глагольной группы, а также с изменением синтаксического статуса фразы: личного в английском на безличный в русском (о тенденции английского к персонификации см. подробнее в: [Швейцер 1980]).

Кроме того, яркая хроносическая лакунизированность английского языка/речи усложняет средства передачи сослагательного наклонения, структура которого имеет две формы в зависимости от точки отсчета на временном континууме – относительно настоящего момента речи или относительно момента совершения действия, зафиксированного в прошлом (о точке отсчета подробнее см. [Иоанесян 1990]). Из этого

можно заключить, что в любом типе текста, в котором представлена вторая форма *Subjunctive II*, обозначающая условность описываемых действий, событий, состояний в контексте прошлого времени и отсутствующая в русском, сослагательное наклонение переплетается с хроносическими лакунами, приобретая характерную временную направленность и способствуя возникновению феномена двойной лакунизации текстового пространства. В этом случае она представляет гипотетическую для русскоязычной аудитории схему ориентации во времени. Приведем пример, иллюстрирующий отнесенность описываемого действия к настоящему моменту посредством формы *Subjunctive I*:

If Blacksbury had a pronounced seasonal sales pattern, or if it grew rapidly during the year, how might that affect the validity of your ratio analysis? How might you correct for such potential problems? [Brigham 1989: 293]. **Если бы структура продаж «Блэксбург ферниче кампени» имела ярко выраженный сезонный характер или если бы объем продаж этой компании стремительно вырос за один год, то как это повлияло бы на обоснованность вашего анализа коэффициентов? Каким образом вы смогли бы учесть и соответствующим образом скорректировать свой подход в случае возникновения такого рода потенциальных проблем?** [Бригхэм 1998: 269].

Этот пример свидетельствует о разноравности передачи условного действия в двух языках, а также связанную с этим неизбежную экспликацию референционного пространства гипотетического действия (состояния). Однако эта условность не связана с контекстом прошлого, т.е. не соотносится с действием, совершенным в прошлом.

Наряду с этим, данный пример указывает и на внутритекстовую лакунизацию английской фразы, обусловленную дейктическим средством – местоимением *it*. Означивание *it* через «объем продаж» достаточно условно, поскольку не исключен вариант «рост компании». Следует заметить, что дейктическое значение *that* также может толковаться несколькими путями: ...как эти условия могли бы повлиять на..., или ...как каждое из названных условий могло бы сказаться на..., или ...как каждое из возможных условий смогло бы повлиять на... Иными словами, приведенный пример убедительно свидетельствует о наличии нескольких лакунизаторов в небольшом фрагменте текста и позволяет говорить о большой плотности его лакунизации для русскоязычного реципиента.

Что касается толкования высказывания, содержащего форму *Subjunctive II*, которая выражает условное (желаемое, ожидаемое, предвкусываемое и т.п.) действие через гипотетические референтные связи высказывания с действительностью и поэтому диктует активную тактику интерпретации, то оно должно проводиться с обязательным учетом точки временного отсчета в английском тексте (известной или предполагаемой).

Рассмотрим пример, вновь иллюстрирующий разную уровневость средств передачи грамматического значения условности и гипотетичности действия (события, состояния) в английском и русском языках:

Ten years ago she would have said, "We don't take Negroes," if any had had the courage or spunk to inquire [Hudges 1973: 109].

Десять лет назад она **объявила бы**: «Мы не размещаем у себя негров», – **если бы** у кого-либо из негров **вообще хватило** мужества или дерзости **спрашивать** о наличии свободных мест [Хьюз 1995].

Выделенные в примере формы глаголов *to say* и *to have* в форме *Subjunctive II*, фиксирующей событие в прошлом относительно иных событий в прошлом, исчерпывающе передают значение условности (гипотетичности) описываемого действия. Квантор «десять лет назад», несомненно, фиксирует точку отсчета в прошлом относительно момента речи, что и служит главной причиной употребления данной формы. Однако в русской фразе значение условности передано частицей **бы**, которая в сочетании с формой прошедшего времени обычно является необходимым и достаточным средством передачи значения условности. Подтверждением этому служит мнение В.Г. Адмони, который, рассматривая синтаксический статус частицы **бы**, утверждал, что «непосредственно относясь (альтернативно) к одному из компонентов предложения» частица **бы** нередко способна «окрасить семантику предложения в целом, внося в него момент условности»¹ [Адмони 1988: 149]. Вместе с тем В.Г. Адмони констатировал, что «подключаясь к тому или иному неглагольному слову», частица **бы** получает **сложное грамматическое значение**, придавая «модальное – гипотетическое в самом широком смысле слова – значение всему высказыванию в целом и соответственно окрашивая его предикативные компоненты», она также «характеризует неглагольное слово», к которому непосредственно подключена [там же: 151].

Этот пример позволяет говорить о принципиальной разноразмерности средств передачи значений условности-гипотетичности в английском и русском языках. В английском для этого, как правило, используется предикативный комплекс и преимущественно глагольные формы, а в русском – коммуникативно значимые частицы модально-эмоционального характера, модальные слова [там же: 149-152; СРЯ 1989: 521-522] и дискурсивные слова [Путеводитель по дискурсивным словам... 1993].

Две схемы позволяют кратко суммировать сказанное:

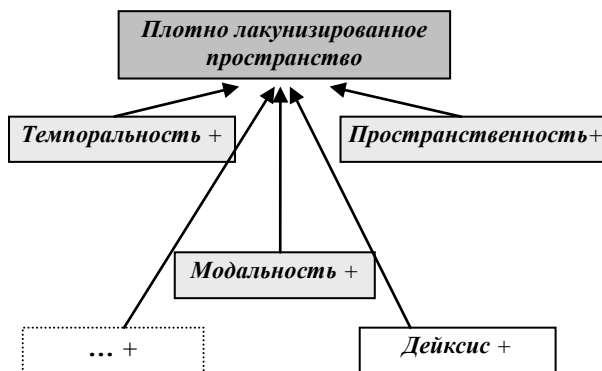

Рис. 2. – Плотно лакунизированный текстовый фрагмент: упрощенная схема областей лакунизации²

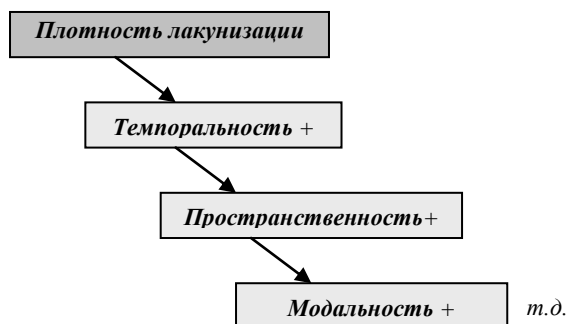

Рис. 3. – Плотность лакунизации: упрощенная схема наложения областей лакунизации

Таким образом, можно утверждать, что гипотетическая (или телеологическая) установка английского текста указывает на сложные внетекстовые референтные связи, которые могут рассматриваться русскоязычным реципиентом в качестве лакунизаторов текста [Власенко 1995]. По всей видимости, плотно лакунизированными могут быть признаны и такие текстовые фрагменты, в которых интегрированы внутритекстовые и внетекстовые смысловые связи и которые, вероятно, лежат в основе «ментального обрыва» смыслового контура текста в сознании либо русскоязычных, либо англоязычных реципиентов.

Наличие степеней лакунизации знаменует **высокую плотность лакунизации** текстового фрагмента. Поскольку лакунизация характерна и для внетекстовых связей, традиционно рассматриваемых как референтные, и для внутритекстовых связей, традиционно относящихся к сугубо лингвистическим, в частности, к когезии, текст способен выступать как **плотно лакунизированное пространство**. Предложенные понятия позволяют детализировать форму существования языковых/речевых структур, кодирующих иноязычные имплицитур, понимание которых и составляет основной лингво-когнитивный барьер для реципиента-интерпретатора

¹ В.Г. Адмони также отмечал сложность синтаксической природы этой частицы, ее способность дистанцироваться от глагола, сростаться с иными компонентами предложения, образуя союзы *если бы...*, *чтобы...* [Адмони 1988: 150], как, в частности, в нашем примере.

² Стрелки, вероятно, могут быть двунаправлены вследствие непрерывности и двунаправленности рефлексии русскоязычного реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1988.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.
3. Баранов А.Г. Модальности текста // Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Дон, 1993.
4. Бригхэм Ю.Ф. Энциклопедия финансового менеджмента: Сокр. пер. с англ. С.В. Власенко, др. – 5-е изд. – М.: РАГС–Экономика, 1998.
5. Власенко С.В. Управление пониманием дискурса: стратегические и тактические уровни целеполагания // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика. Материалы XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.
6. Власенко С.В. Интерпретация социального контекста: гипотетическая референция как проблема перевода // Problems of Sociolinguistics. Language and Social Contacts. Proceedings of the Fifth International Sociolinguistic Conference, Sofia: INSOLICO, Bulgaria. 1995.
7. Власенко С.В. Лакунизаторы ментального и текстового пространства // Социально-психологические проблемы ментальности. Материалы 2-й общероссийской научной конференции. Смоленск, 1996а.
8. Власенко С.В. Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: ИЯ РАН, 1996.
9. Гитман Л., Джонк М. Основы инвестирования. Изд. 4-е / Пер. с англ. М.: Дело Лтд, 1997.
10. Готлиб О.М. О соотношении категории модальности и категории времени и о функциональной нагрузке суффиксов *-ла* и *-го*//Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Сб. ст. Ч.1. М., 1984.
11. Иоанесян Е.Р. Противоречивость и точка отсчета // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
12. Кубрякова Е.С. О грамматической семантике форм Continuous в современном английском языке // Zeitschrift fur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin: Akademie-Verlag, 1980, Bd. 33, N 3.
13. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
14. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика // Пер. с англ. М., 1992.
15. Лотман Ю.М. К современному понятию текста // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 736. Тарту, 1986.
16. Лотман Ю.М. Текстовые и внетекстовые структуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
17. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Лакуны как инструмент исследования понимания инокультурного текста: постановка проблемы // Антипов Г.А., др. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
18. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Сост. А.Н. Баранов, В.А. Плуныян, Е.В. Рахилина. М.: 1993.
19. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
20. СРЯ: Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. Изд-е 2. М., 1989.
21. Хайруллин В.И. Перевод научного текста (Лингвокультурный аспект). М., 1992.
22. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995.
23. Хьюз Д. Человек на один раз / Пер. с англ. С. Власенко. М., 2007. (в печ.)
24. Швейцер А.Д. О взаимодействии разноуровневых средств выделения темы и ремы высказывания // Zeitschrift fur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin: Akademie-Verlag, 1980, Bd. 33, N 3.
25. Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988.
26. Brigham E.F. Fundamentals of Financial Management. 5th ed. Chicago etc.: The Dryden Press. 1989.
27. Gitman L. J., Joehnk M.D. Fundamentals of Investing. 4th ed., Harper Coffins Publ., USA, 1987.
28. Huges D. The Expandable Man. London, 1973.
29. Yokoyama O.T. Discourse and Word Order. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publ. Comp., 1986.

Экспериментальные исследования

Н.А. Алмаев, Г.Ю. Малкова (Москва, Институт психологии РАН)

Формальные коэффициенты оценки речевой продукции в интервью: опыт разработки и применения

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 03-06-80106-а и при поддержке гранта Президента РФ «Ведущие научные школы» № 1870.2003.6

ВВЕДЕНИЕ

Анализ речи как основного способа коммуникации несет в себе значительный диагностический потенциал. Об этом свидетельствует многообразие подходов к изучению речевого поведения. Эти подходы основываются на учете трех параметров: формально-динамических характеристик речи, структурно-грамматических особенностей языка и содержательных компонентов текста.

К формально динамическим характеристикам речи относятся акустические параметры (высота основного тона, спектральные и темпоральные особенности), речевая динамика (скорость, ритм, паузация) [Витт 1991; Носенко 1975].

При анализе структурно-грамматических особенностей оценивается тезаурус автора, длина периодов, частота употребления различных частей речи и их сочетаний [Mahl 1963].

В рамках содержательного анализа речи (контент-анализ) сформировалось множество направлений, которые можно объединить в следующие группы:

1) выявление особенностей индивидуального состояния человека по содержанию и формальным характеристикам речи [Манеров 1996; Frank, Murray 1955; Gottschalk, Gleser 1969].

2) отражение многообразных феноменов, связанных с различными коммуникативными ситуациями (дискурс-анализ [Поттер 1998]; диалог-анализ [Павлова 1996; 2000] различные техники анализа психотерапевтических сессий [Люборски Л., Люборски Э. 1996; Хоровитц 1996]).

3) подход, при котором текст используется, как средство для реконструкции напрямую не выраженных в нем содержаний психики и социального взаимодействия (социальный конструкционизм [Schutz, Luckmann 1973], «деконструкция текста» [Деррида 1999], интен-анализ [Слово в действии... 2000] и др.).

В контексте задач психотерапевтической практики речь используется для диагностики наиболее тревожащих и значимых содержаний для клиента. Выявление этих содержаний служит для определе-

ния психологической проблемы клиента и стратегии дальнейшей психотерапевтической деятельности.

Для анализа психотерапевтических сеансов разработан ряд методик. Одной из них является CCRT (Core Conflict Relationship Theme – Центральная конфликтная тема взаимоотношений), разработанная Л. и Э. Люборски [1996]. Выделение из рассказов центральной темы происходит в два этапа:

а) «выявление и идентификация рассказов (называемых эпизодами взаимодействия)»,

б) «анализ эпизодов взаимодействия и выделение из них темы центрального конфликта отношений» [Люборски Л., Люборски Э. 1996: 20].

Затем несколько экспертов, на основе психодинамических теорий, усматривают в дискурсе пациента темы «желаний», образующих внутренний конфликт. В ряду таких «желаний» эксперты выделяют, например, следующие: «делать по-своему, противостоять давлению близких», «не обижать других, выполнять их ожидания», «сблизиться с людьми, общаться и делиться» и т.п. Как формулировки тем, так и количество суждений, относящихся к ним, существенно варьируются у разных экспертов, так же и длина анализируемых фрагментов меняется от одной фразы до целого абзаца, состоящего из нескольких предложений [Люборски Л., Люборски Э. 1996: 22-23].

Кроме того, как отмечает М. Хоровитц, метод CCRT «предполагает стабильность состояний, и единый взгляд на Я,...и не учитывает в достаточной мере того, что ядерный набор конфликтов может принимать разные формы в зависимости от состояния психики пациента» [Хоровитц 1996: 31].

Этот недостаток М. Хоровитц попытался учесть в своей методике RRMC (Role-Relationships Models Configuration – Модели конфигурации ролевых отношений). К уже существующим элементам модели CCRT были добавлены новые: черты роли и характеристики Я и других. По мнению автора «это отражает множественность схем Я, каждая из которых встроена в схематизированное отношение к другому человеку или людям» [Хоровитц 1996: 32]. В новой модели (RRMC) всевозможные вербальные проявления пациента относились к четырем

«квадрантам»: «проблематичная», «адаптивная», «пугающая», «желаемая» модели ролевых отношений.

Однако, это усложнение вызвало большую неоднозначность критериев оценки, и как следствие значительное рассогласование в мнениях экспертов. Как отмечает сам автор, оценка надежности шкал показывает низкие результаты [Хоровитц 1996: 35].

Признавая важность и ценность подобных работ как несомненных признаков движения психотерапии в сторону большей проверяемости суждений, следует все же отметить недостаток четкости в критериях выделения тем. Такой подход затрудняет количественную обработку собственно текста испытуемого, и ведет к тому, что он постепенно вытесняется из анализа конкурирующими мнениями экспертов по поводу ситуации пациента. Кроме того, в представленной литературе нам не удалось найти указаний на то, что при таком анализе психотерапевтической беседы как-то учитывается активность психотерапевта. Между тем, очевидно, что содержание такой беседы есть продукт взаимодействия двух людей и без учета активности одного из них результаты не будут валидными.

Анализ взаимодействия коммуникантов является предметом исследования большого числа психолингвистических работ [Павлова 1996]. Это направление получило название диалог-анализа (conversation analysis). Его целью является реконструкция правил, по которым организуется диалогическое общение. В работах Г. Сакса [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974] анализировались соседствующие реплики, образующие смежную пару, например, вопрос – ответ, просьба – принятие или отклонение и т.д.

В последствии на основе этого принципа были развиты модели, позволяющие анализировать сложные речевые взаимодействия [Павлова 2000; Franke 1990]. В частности, в модели, предложенной Павловой Н.Д. рассматриваются такие параметры как постановка темы, участие в развитии темы, перебивание, реакция на перебивание и т.д. Устойчивые сочетания речевых реакций образуют паттерны коммуникативного поведения («лидер», «светский человек», «инертный, неуверенный» и т.д.).

Значительную помощь в анализе речевой продукции способен оказать анализ тематической прогрессии [Смулевич, Колоцкая и др. 2002: 131-135]. В нем рассматривается соотношение темы и ремы. «К составу темы («тема» – данное), относились слова, связанные с удержанием в речи прежде введенного содержания, к составу ремы («рема» – новое) – слова, вводящие сообщаемое, т.е. приписывающие предмету или объекту суждения новые свойства и характеристики» [Смулевич, Колоцкая и др. 2002: 133].

При этом возникает проблема идентификации темы. Действительно, если мы будем определять тему по буквально повторяющимся словам, то это существенно ограничит анализ, поскольку одно и то же тематическое содержание зачастую задается различными словами. Кроме того, явление синонимии

может исказить подлинную картину тематической прогрессии, подменив содержание слова пустой буквенной или фонетической оболочкой.

Если же тема определяется на основе субъективных критериев исследователя, то возникает риск некорректно интерпретировать процесс развития тем, имеющий место в психике субъекта.

В современной литературе [Hogenraad, McKenzie & Péladeau 2003; Iker & Klein 1974; Noel-Jorand 1997], как правило, предлагаются подходы, основанные на вычислении «близости» слов друг другу, т.е. их совместной встречаемости. Конечно, анализ, основанный на подсчете близости слов, может дать большую достоверность результатов, чем интуитивная интерпретация. Однако сами по себе формальные алгоритмы указывают лишь на наиболее вероятно связанные друг с другом слова текста, что в силу упомянутых выше причин (омонимии и синонимии), еще не гарантирует тематическую связанность различных содержаний в психике субъекта, порождающего текст. Подробнее об этом см. [Алмаев, Малкова, Селяева 2003]

Определение актуальных содержаний психики по речи

Выявление наиболее актуальных содержаний психики, их взаимодействие, характер связанности друг с другом, их соподчинение может использоваться в самых разных областях психологии. Под актуальными содержаниями психики нами понимаются любые феномены внешнего и внутреннего мира человека, наиболее значимые для него в данный момент времени.

Объединение внешнего и внутреннего миров человека осуществляется здесь на том основании, что при подобных исследованиях мы всегда имеем дело с репрезентациями каких либо содержаний реальности (как внешней, так и внутренней) в психике. Т.е. рассказ, например, о матери или муже как реальном человеке, о каком-либо травмирующем событии, как реальном факте и т.п. будет неотделим от аффективной компоненты, переживаний, связанных с данными лицами и событиями.

Актуальность содержаний может существенно изменяться с течением времени, отражая изменения картины мира субъекта.

Одним из наиболее адекватных методов доступа к различным содержаниям психики является анализ речевой продукции человека. Речевая продукция порождается в определенной социальной ситуации, которая более или менее жестко структурирована. Наименее жестко структурированной для порождения речи является ситуация свободного ассоциирования, наиболее жесткая форма – вынужденный выбор, как это имеет место в опросниковых методиках. В этом континууме среднее положение занимают проективные тесты и метод интервью. Последний так же разделяется на структурированное, полуструктурированное и интервью в свободной форме. В данном исследовании применялась свободная форма интервью.

Метод интервью широко используется как в

фундаментальных, так и в прикладных исследованиях. По сравнению с опросниковыми и экспериментальными тестовыми методиками он обладает более широкими возможностями в оперативной коррекции направленности сбора информации. Если в опросниковых и экспериментальных тестовых методиках пункты заранее определены и не могут быть изменены, то в интервью исследователь всегда может задать уточняющий вопрос и скорректировать направление беседы. Эти особенности делают интервью незаменимым на стадии поисковых и пилотажных исследований. При анализе уникальных случаев метод интервью так же является одним из ведущих способов сбора информации.

Однако, метод интервью подвержен действию ряда факторов, понижающих валидность получаемых результатов и выводов.

1. Одним из таких источников является неравномерность распределения интереса интервьюера к различным темам. Это приводит к тому, что в дискурсе респондентов преобладают суждения на темы, о которых их больше всего спрашивают. При этом вывод экспертов основывается на ответах респондента, однако активность интервьюера не учитывается.

2. Следующим источником снижения валидности при анализе интервью может выступать субъективность экспертной оценки «важности» содержаний в речи респондента. Интервьюер и эксперты придадут различную значимость суждениям респондента, что приводит к субъективности и произвольности трактовок, основанных на качественном анализе дискурса.

3. Наконец, как было указано выше, при рассмотрении систем Л. Люборски и М. Хоровитца, значительную угрозу валидности данного метода представляет субъективность в отнесении суждений к темам.

Целью данной работы было: 1) разработать количественные коэффициенты, позволяющие контролировать некоторые из источников, понижающих валидность интервью; 2) Обеспечить возможность статистического обоснования выводов, относящихся к уникальным случаям.

В рамках поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. разработка формальных средств, позволяющих учитывать роль вопросов интервьюера в содержании дискурса респондента.

2. предложить способы оценки актуальности различных содержаний психики респондента вне зависимости от мнения экспертов.

3. найти критерии, позволяющие оценивать меру связанности тематических блоков между собой.

МЕТОДИКА

В 2001 году в клинике НЦПЗ РАМН (под руководством академика РАМН Смулевича А.Б.) было начато широкомасштабное исследование взаимодействия ПТСР (посттравматическое стрессовое

расстройство) и эндогенных психических расстройств (МДП, циклотимия и шизофрения) [Алмаев, Малкова 2003; Смулевич, Колоцкая и др. 2002]. В исследовании приняло участие 96 испытуемых: 58 женщин, 38 мужчин; средний возраст 42,4 года. Все пациенты прослежены катamnестически. У всех испытуемых было диагностировано ПТСР, коморбидное либо одной из форм шизофрении (n=74), либо МДП (n=5), либо циклотимии (n=17).

Поскольку в анализируемую выборку изначально входили больные и с ПТСР, и с эндогенным заболеванием, основной акцент ставился на изучении характера и динамики взаимодействия патологических симптомов.

Поэтому перед психологами была поставлена задача разработать средства анализа интервью, которые позволяли бы доказательно судить о преобладании того или иного симптомокомплекса, основываясь на его представленности в речи больного. Такие методические средства должны обеспечивать возможность статистической проверки гипотез путем введения формальных коэффициентов, описывающих речевую продукцию.

При разработке данных методических средств основным положением было: наиболее часто встречающиеся в тексте темы имеют наибольшую актуальность для говорящего.

Это положение лежит в основе любой контент-аналитической методики, в частности и тех, которые применяются в клинике [Gottschalk, Gleser 1969] или генетически восходят к анализу проективных тестов [Hogenraad, McKenzie, Péladeau 2003; McClelland 1987; Murray and others 1938].

Поэтому содержательный анализ полученного текста состоял в отнесении суждений¹ к заданным темам, затем производился подсчет частоты встречаемости интересующих тем. Вывод об актуальности делался на основании сопоставления этих частот.

Однако положение о том, что наибольшая частотность темы свидетельствует о большей актуальности содержания, имеет два исключения:

1) сознательное сокрытие каких-либо содержаний от собеседника,

2) психологическая защита от травмирующих содержаний.

Что касается первого ограничения, то в ситуации действительного, достаточно сильного страдания (как это имело место в данном исследовании) пациент не заинтересован в укрывании каких-либо подробностей от врача.

Сам по себе факт психологической защиты от определенных содержаний свидетельствует об их актуальности для говорящего [Гринсон 1994: 55-74], однако, в этом случае критерием является количе-

¹ Под суждением понималась любая связка субъект-предикат. Незаконченные высказывания типа «вообще-то я...», «один раз мама...э-э-э...» суждениями не считались, а классифицировались как отсутствие ответа на вопрос.

ство уходов от заданной темы, незаконченных суждений, молчаний (см. «Идентификация психологических защит»).

Процедура обследования и сбор данных

Данные средства анализа интервью применялись к пациентам, прошедшим первичное консультирование при госпитализации, где устанавливалось наличие у них как ПТСР, так и эндогенного заболевания. В дальнейшем полный сбор анамнеза проводился врачом и фиксировался на диктофон с последующей расшифровкой. При госпитализации больные подписывали договор о том, что они согласны сотрудничать с клиникой в научных целях, в том числе согласны на аудио-видеозапись и опубликование результатов в научных изданиях при условии сохранения их анонимности. Отнесение суждений к той или иной теме осуществлялось на основе согласия трех экспертов, врачей-психиатров, руководствовавшихся критериями МКБ-10.

Категории речевой продукции

В структуре суждений респондента выделяются следующие категории:

- 1) ответы на вопрос,
- 2) спонтанные переходы к другим темам,
- 3) отсутствие ответа.

Определение актуальности тем

Предложенные коэффициенты могут применяться в тех случаях, когда темы заранее установлены и существуют четкие критерии отнесения суждений к этим темам. Остальные суждения, не относящиеся к заданным темам, попадают в категорию «прочие» и рассматриваются для определения общей речевой активности респондента.

Актуальность тем, насколько они представлены в сознании респондента, предлагается регистрировать, отмечая число:

- 1) развития соответствующих тем;
- 2) спонтанных переходов к темам.

Соответственно могут быть введены два коэффициента актуальности содержания:

АР – коэффициент актуальности развития и АП – коэффициент актуальности переходов.

Обычно на вопросы, относящиеся к более интересующим темам, даются развернутые ответы со значительным количеством суждений. Нейтральные темы подвергаются умеренному развитию в зависимости от индивидуальной речевой активности. Поэтому АР может быть рассчитано как отношение количества суждений респондента к количеству вопросов интервьюера по данной теме. Соответственно чем выше коэффициент АР, тем больше суждений в среднем приходится на один вопрос.

Значимость определенных тем для респондента проявляется также в спонтанных обращениях к этим темам. Однако само по себе количество переходов может определяться индивидуальным стилем человека (например, частые перескакивания с темы на

тему, свойственное людям в состоянии мании). В силу этого для определения значимости темы важно учитывать также количество уходов от данной темы.

АП определяется отношением числа переходов к данной теме к числу переходов от данной темы. Другими словами, для определения актуальности темы, число переходов к данной теме нужно делить на число переходов от данной темы.

$$АП = (\rightarrow A) / (A \rightarrow)$$

Пример 1. Больная С. (36 лет), пережившая автомобильную аварию, с дальнейшим затяжным судебным разбирательством, обратилась в клинику с жалобами на повышенную утомляемость, трудности концентрации, бессонницу, частые воспоминания о травматическом эпизоде, тревогу об исходе дела в суде. Так же стала отмечать усиление навязчивых сглатываний слюны, которые иногда наблюдались и ранее. После курса терапии симптоматика частично редуцировалась. Через полгода - повторная госпитализация в связи с резким ухудшением состояния. Нарастание навязчивостей, идей отношения (казалось, что все вокруг замечают ее сглатывания, смеются над ней). Прежняя симптоматика ПТСР частично сохранилась, однако вспоминается гораздо реже, наряду с тем, что объективно ситуация в суде разрешилась не в ее пользу.

Таблица 1.

Соотношение коэффициентов на момент первой госпитализации.

Тематическое содержание	Коэффициент АР	Коэффициент АП
ПТСР	3,3	1,2
Общие симптомы	4,2	1,4
Эндогеня	2,5	1,1
Прочие	2,0	0,3

Таблица 2.

Соотношение коэффициентов на момент повторной госпитализации.

Тематическое содержание	Коэффициент АР	Коэффициент АП
ПТСР	1,5	0,5
Общие симптомы	2,8	1,2
Эндогеня	3,1	1,6
Прочие	1,9	0,7

Наблюдаются значимые различия¹ между показателями АРПТСР ($p < 0.000$) первой и второй госпитализации, равно как и между АРЭНД ($p < 0.01$) обеих госпитализаций. При этом актуальность первого снижается, а второго возрастает. Таким образом, можно судить о динамике обоих процессов. Относи-

¹ Для определения статистической значимости различий между средними значениями АР применялся U-критерий Манна-Уитни.

тельную актуальность содержаний на момент каждого обследования можно оценить на основе сравнения коэффициентов АРПТСР и АРЭНД в рамках одного замера. В случае первой госпитализации симптоматика ПТСР преобладала ($p < 0.05$), в то время как при повторном замере через полгода на первое место вышла эндогенная симптоматика ($p < 0.000$).

Результаты анализа коэффициентов АП выявляют сходную тенденцию¹.

Анализ связанности тематических блоков

Большую роль в исследовании речевой продукции имеет связь тем между собой. Для оценки меры этой связи могут использоваться некоторые коэффициенты, построенные на подсчете переходов в рамках ограниченного набора тем. Прежде всего, это коэффициент взаимосвязи тематических блоков (КВ), определяющий актуализацию друг друга двумя тематическими блоками.

$$KB = \frac{(A \rightarrow B) + (B \rightarrow A)}{(A \rightarrow \neg B) + (B \rightarrow \neg A)}$$

где $A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$ – взаимные переходы от А к В и от В к А;

$(A \rightarrow \neg B)$, $(B \rightarrow \neg A)$ переходы от А и В к прочим содержаниям (к «не-А» и к «не-В»).

Значение коэффициента КВ может быть сведено к процентному отношению и оценено с помощью статистики $2\arcsin\sqrt{p}$ (угловое преобразование Фишера).

При этом возможна неравномерность тем в отношении взаимной актуализации. Например, одна тема стабильно вызывает переход к другой, но обратный процесс наблюдается очень редко. Для оценки преобладающего направления актуализации (НА) темы можно подсчитать отношение:

$$NA = (A \rightarrow B) / (B \rightarrow A).$$

Пример 2. Больной Е. (46 лет), обратился в клинику в связи со снижением работоспособности, потерей сна и многочисленными соматическими жалобами. Отмечает, что это состояние началось, когда умерла его любимая собака, «единственное понимавшее его существо». Оказалось, что это не первая пережитая им травма: 20 лет назад погибла его невеста. Все это время хранит ей верность, два раза в неделю посещает могилу, в комнате девушки устроил мемориал, вход в который был запрещен всем кроме него и покойной собаки. У больного было

диагностировано хронифицированное ПТСР и шизофреническое расстройство. Симптомы обоих заболеваний находились в тесной взаимосвязи, формируя новообразования (устройство мемориала, шизофреническая реакция² на смерть собаки). Результаты анализа тематических переходов показывают следующее: $KB(ПТСР \leftrightarrow ШИЗ.) = 73\%$, что наглядно демонстрирует связанность этих тематических блоков в психике пациента. При этом направленность $ПТСР \rightarrow ШИЗ. = 0,7$, в то время как $ШИЗ. \rightarrow ПТСР = 1,4$. Преобладание переходов от шизофренической симптоматики к ПТСР свидетельствует о том, что шизофренический процесс в значительной степени определяет течение постстрессовых реакций.

Идентификация психологических защит

Критерием проявления психологической защиты в речи, со времен Фрейда [5, с.55-74], введшего это понятие, считается молчание или уход от темы.

В данной методике для определения психологической защиты от нежелательных тем учитывались следующие параметры:

- молчание (пауза, длящаяся до следующей реплики интервьюера),
- эмоциональные реакции вместо содержательного ответа (плач, смех и подобные реакции, прерывающие содержательное общение),
- уход от вопроса (прямой отказ отвечать или инициация другой темы, в частности, ответ вопросом на вопрос, за исключением вопросов-уточнений).
- краткие ответы (например, «не знаю», «не помню», «не уверен», «не думал об этом» и т.д.),
- отсутствие спонтанных переходов к данной теме.

В целом для психологических защит свойственны минимальный коэффициент актуальности развития тем (АР), зачастую меньше 1, и невозможность вычисления коэффициента актуальности переходов (АП) ввиду отсутствия переходов к этим темам.

Пример 3. Больной Б. (24 года), госпитализирован по настоянию родителей в связи с резким изменением характера: стал грубым, раздражительным, с неадекватными реакциями. В разговоре с врачом агрессивен, считает госпитализацию неправомерной, жалуется на головные боли. Эти жалобы носят ипохондрический характер. Родители связывают начало заболевания с имевшимся, по их мнению, эпизодом

¹ Характер распределения, лежащего в основе коэффициента АП, представляет отдельную задачу исследования. В данном случае мы переводили число переходов к интересующим нас темам в проценты от общего числа переходов во время беседы и сравнивали их между собой по критерию ϕ^* -угловое преобразование Фишера (статистика $2\arcsin\sqrt{p}$).

² Шизофреническими реакциями называются состояния, при которых сила реагирования не адекватно велика относительно стимула, и которые продолжаются, когда травматический агент уже не воздействует. [Гиляровский 1973; Lindemann 1994]

изнасилования сына 2,5 года назад. Б. пришел ночью домой избитым, с характерными телесными повреждениями и без брюк. Факт избиения и изнасилования был установлен в травмпункте на следующий день. Сам Б. отрицает факт изнасилования, однако признает, что был избит в нетрезвом состоянии группой подростков.

В последующий месяц Б. практически не выходил из своей комнаты, избегал любого общения, уволился с работы, стал регулярно выпивать. Обеспокоенные состоянием сына родители переехали в другой город. Однако и в новом городе Б. так же алкоголизировался и часто менял места работы. Свои увольнения связывал с участвовавшими головными болями. По настоянию родителей успешно закодировался от алкоголизма, но психическое состояние не улучшилось.

В беседе с врачом отрицает факт изнасилования, анализ беседы показал наличие следующих реакций в ответ на вопросы по теме изнасилования:

1. молчание – 2 раза
2. эмоциональные реакции – 0
3. уход от вопроса – 4 (отказ: «не хочу вспоминать»; инициация другой темы: «все случилось из-за того, что я был пьяный, все беды от пьянства...»)
4. краткие ответы – 3 («не помню», «ничего не было»)
5. спонтанные переходы к теме изнасилования отсутствуют.

$AP_{ИЗНАС} = 0,78$.

В данном примере присутствует практически весь набор реакций, характерных для психологических защит.

Общая речевая активность

Давно замечено [Блейлер 1920: 382, 389], что объем речевой продукции тесно связан с состоянием говорящего. Действительно, мы наблюдали существенные изменения речевой активности у одного и того же человека в зависимости от его состояния. Причем, состояние подъема сопровождается увеличением речевой продуктивности, в то время как в состоянии подавленности речевая активность угнетена.

В качестве показателя общей речевой активности может служить усредненный коэффициент актуальности развития (УАР). Он рассчитывается как отношение общего количества всех суждений респондента к количеству всех задаваемых ему вопросов.

По предварительным данным в депрессивных состояниях этот коэффициент не превышает 2,5; при значениях коэффициента больше 6 можно говорить о состоянии возбуждения.

Для оценки актуальности какой-либо темы в общем контексте беседы показательным является

соотношение УАР и АР анализируемой темы. Если АР превышает УАР, то это может свидетельствовать, что данная тема является одной из наиболее актуальных для обсуждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предложенные формальные средства описания интервью помогли выявить три типа взаимодействия ПТСР и эндогенных заболеваний:

- а) вытеснение симптомов одного заболевания симптомами другого,
- б) взаимное усиление симптомокомплексов,
- в) автономное развитие (сосуществование) обоих заболеваний.

В зависимости от типа взаимодействия подбиралась наиболее эффективная терапия. Например, нарастание симптомов эндогенного расстройства, вытесняющих симптомы ПТСР, является сигналом к началу применения нейролептиков, к приостановлению или изменению характера психотерапии.

Самыми трудными для лечения являются случаи второго типа, где симптомы обоих заболеваний переплетаются, подпитывают и взаимно усиливают друг друга. Для таких больных характерны значительные и прогрессирующие изменения личности. Эти случаи требуют сочетания интенсивной психотерапии с фармакотерапией, хотя, в целом прогноз весьма неблагоприятен [Смулевич, Колюцкая и др. 2002].

Наиболее полно картина взаимодействия симптомов ПТСР и эндогенных прослеживалась в случаях повторной, и тем более, многократной госпитализаций. Сравнение коэффициентов речевой продукции первой и последующих госпитализаций позволяло судить о характере и направленности процесса взаимодействия симптомокомплексов.

Предложенные коэффициенты позволяют проконтролировать источники снижения валидности, сопровождающие экспертные заключения. В частности, неравномерность распределения интереса интервьюера к различным темам контролируется с помощью коэффициента актуальности развития (АР), в котором учитывается соотношение вопросов интервьюера и ответов респондента.

Анализ переходов фиксирует спонтанную смену направленности сознания респондента. Коэффициенты актуальности переходов (АП), взаимосвязи тем (КВ) и преобладающего направления актуализации (НА) дают возможность более детально проанализировать взаимодействие тем и тематических блоков в психике респондента.

Эти коэффициенты помогают существенно формализовать область экспертных оценок речевой продукции, сделать ее результаты более доказательными посредством применения статистических процедур оценки значимости различий.

При применении данных коэффициентов элемент

произвольности остается лишь на уровне отнесения суждений к темам. Для его контроля можно предпринять «наложение» суждений различных экспертов друг на друга и ограничить анализ теми суждениями, которые всеми экспертами были отнесены к данным темам.

Однако представляется что сам по себе феномен «темы» разговора возникает лишь в социальном взаимодействии и является одним из способов конструирования социальной реальности. Поэтому предложенные методические средства фиксируют социальную природу феномена темы, и позволяют объективировать данные исходя из целей исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные методические средства были разработаны в ответ на непосредственный запрос психиатрической практики. Проблема заключалась в анализе взаимоотношений и взаимодействий актуальных содержаний психики, определение которых являлось ключевым для прогноза развития осложненных заболеваний и назначения терапии.

Однако представляется, что предложенные

формальные коэффициенты могут применяться также и за рамками клинической практики, поскольку никак специфически не связаны с содержанием анализируемых тем. Фактически, эти коэффициенты приложимы к любой области знания, где используется метод интервью и имеются критерии для выявления содержательных единиц. Они контролируют следующие факторы, понижающие валидность экспертных заключений сделанных на основе свободного интервью:

1. Контроль активности интервьюера. Коэффициента AP позволяет в существенной степени абстрагироваться от тех установок, интересов и предпочтений, которые были у интервьюера во время получения вербального материала, и тем самым, корректировать экспертное заключение.

2. Учет спонтанных переходов респондента к различным темам, позволяет корректировать предвзятость экспертов в оценке важности и не важности затрагиваемых респондентом тем.

3. Предлагаемые коэффициенты позволяют продвинуться вперед в решении проблемы статистической обоснованности выводов при анализе уникальных случаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю.* Применение психолингвистических методов при изучении посттравматического стрессового расстройства, осложненного эндогенными психическими заболеваниями // Психология: современные направления междисциплинарных исследований (под ред. Журавлева А.Л., Тарабриной Н.В.) Материалы конференции. М., 2003.
2. *Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю., Селяева Е.В.* Группировка и кластеризация семантических категорий и тем в литературном произведении // Исследования высших когнитивных процессов (под ред. Т.Н.Ушаковой и Н.И.Чуприковой), 2003.
3. *Блейлер Э.* Руководство по психиатрии. Издательство товарищества «Врач», Берлин, 1920.
4. *Витт Н. В.* Личностно-ситуационная опосредованность выражения и распознавания эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991, №1.
5. *Гиляровский В. А.* Избранные труды. М., 1973.
6. *Гринсон Р.Р.* Практика и техника психоанализа. САГУНА, Новочеркасск, 1994.
7. *Деррида Ж.* Голос и феномен. СПб., Алетейя, 1999.
8. *Люборски Л., Люборски Э.* Объективные методы измерения переноса. // Иностранная психология. 1996, №7.
9. *Манеров В.Х.* Речь как средство психодиагностики. // Практическая психология: Методологические и методические научные исследования. РГПУ, С-Пб, 1996.
10. *Носенко Э. Л.* Особенности речи в эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975.
11. *Павлова Н.Д.* Диалог-анализ // Иностранная психология. 1996, №6.
12. *Павлова Н.Д.* Коммуникативные функции речи: интенциональная и интерактивная составляющие. Автореф. докт. дисс., М, 2000
13. *Поттер Дж.* Дискурс-анализ как метод исследования естественного протекания речи // Иностранная психология. 1998, №10.
14. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса (под. ред. Ушаковой Т. Н., Павловой Н. Д.) С-Пб., 2000
15. *Смулевич А.Б., Колоуцкая Е.В., Алмаев Н.А., Ильина Н.А., Тухватулина Л.Ш.* Постстрессовый синдром и эндогенные заболевания // Руководство по реабилитации лиц, подвергшихся стрессовым нагрузкам. М., 2002.
16. *Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А.* Речь человека в общении. М., «Наука», 1989
17. *Хоровитц М. Д., Илс Т. Д.* Использование моделей речевых отношений для описания клинических случаев. // Иностранная психология. 1996, №7.
18. *Frank Ault, Jr., E.Murray* Content-analysis studies of psychotherapy. // Psychol. bulletin 1955, vol.52 # 5.
19. *Franke W.* Elementare Dialogstrukturen. Tuebingen, 1990.

20. *Gottschalk L.A., Gleser G.C.* The Measurement of Psychological States through the Content Analysis of Verbal Behavior. Berkely: of Californian Press, 1969.
21. *Hogenraad R., McKenzie D.P. & Péladeau N.* Force and influence in content analysis: The production of new social knowledge // *Quality & Quantity*, 37(1), 2003.
22. *Iker H. P. & Klein R. H.* WORDS: A computer system for the analysis of content // *Behavior Research Methods & Instrumentation* 6: 430-438, 1974
23. *Lindemann.* *Am J Psychiat.* 1994, vol. 101.
24. *Mahl G.F.* The Lexical and Linguistic levels in the Expression of emotions. N.Y., 1963.
25. *McClelland D. C.* Human Motivation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987
26. *Murray H. A. and others.* Explorations in Personality. N. Y.: Oxford University Press, 1938
27. *Noel-Jorand M.C., Reinert M., Giudicelli S., Dassa D.* A new approach to discourse analysis in psychiatry, applied to a schizophrenic patient's speech // *Schizophrenia Research.* 1997, vol. 25.
28. *Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* A simplest systematic for the organization of turn-taking in conversation. In: *Language*, 1974, vol. 50.
29. *Schutz A., Luckmann T.* The Structures Of The Life-World. Northwestern U.P., 1973

Е.И. Горошко (Харьков)

Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ)

На сегодняшний день общение в формате блога становится одним из самых популярных, существенно опережая такие коммуникативные сервисы¹ Сети как чаты, форумы или же персональные страницы.

Блог (сокращенное от веблог)² представляет собой достаточно часто обновляемую веб-страницу, состоящую из датированных записей (комментариев), расположенных в обратном хронологическом порядке. Как коммуникативный сервис Сети блоги (или сетевые дневники) являются самой новой и популярной «услугой». Некоторые ученые указывают, что первым блогом в 1992 году стала персональная страница Тима Бернерса-Ли, где он публиковал сетевые новости. Систематически блоги стали появляться в Интернете с 1995 года и представляли модифицированные персональные странички людей, связанных с компьютерными и сетевыми технологиями (Аструк, Лейх-Томпсон, Вейд, Вайнер) [McNeill 2004; Ваш личный Интернет

– блоги 2005]. Широкое распространение блогов началось с 1996 года. Первые блоги в Сети представляли ежедневно обновляемые списки аннотированных ссылок на другие нужные и полезные, по мнению владельцев блогов, сайты. Эти блоги вначале составлялись без расширенных комментариев или личных описаний и служили своеобразными фильтрами к различной постоянно увеличивающейся в объеме сетевой информации (наподобие указателя маршрута или пути к ней).

В 1999 году был разработан первый бесплатный программный продукт «Питас», позволяющий пользователям Интернета, не знающим языка HTML, создать, разместить и поддерживать свой блог в Сети [Herring et al, 2004]. С этого момента (в 1999 году в Интернете насчитывалось примерно 50 блогов) начался экспоненциальный рост этого сетевого сегмента: в 2003 году блогов насчитывалось около 1.3 миллиона [NITLE Blog Census 2003], а в 2004 – от 2.4 до 4.1 миллионов [Ваш личный Интернет – блоги 2005]. В 2005 году количество блогов превысило 10 миллионов. Сегодня каждые шесть секунд на нашей планете появляется ещё один блоггер. В день число блоггеров в Сети пополняется на 800 человек [Там же; Sifry 2006].

Такая необычная популярность блога как ещё одного коммуникативного сервиса Сети объясняется не только доступностью и дешевизной необходимого для его создания и функционирования программного обеспечения и простоты работы с ним, но также и уникальной социальной ролью блога в различных коммуникативных практиках, протекающих в **Интернете** (политической, образовательной, научной, медийной и т.д.) или отчасти **реализуемых с его помощью** [Burstein 2005; Miller & Shepherd

¹ На данном этапе изучения Интернет-пространства словосочетание *коммуникативный сервис* можно считать синонимическим таким понятиям, как «коммуникативная платформа», «ситуация использования Интернета», «формат коммуникации» или «дигитальный жанр». Употребление того или иного термина обычно определяется дисциплинарными рамками, в которых проводится то или иное исследование, языка или акцентуируемого смысла. Так, в лингвистике чаще говорят о жанрах, в теории коммуникации о форматах, в социологии для описания разновидностей общения в Сети чаще употребляется слово «коммуникативная платформа». В данной работе мы не делаем принципиального различия между этими понятиями, и они являются взаимозаменяемыми терминами.

² На английском языке «веб» означает (*всемирную*) *паутину*, а одним из значений слова *лог* являются такие словосочетания, как: *бортовой журнал* или *группа записей*.

2004; Nardi et al. 2004]), что, по мнению ряда ученых, позволяет говорить о *блоггике*¹ как ещё одной форме социальной практики [Волков 1997; Herring et al 2004].

Вероятно, этому отчасти способствовал тот социально-трансформационный потенциал, которым обладает этот формат коммуникации, и демократичность Сети в целом. Так, среди современных медиа блоги рассматриваются как мощные альтернативные и независимые источники новостей и средство выражения общественного мнения. Они распространены в образовании и науке, а в политике практически ни одна крупная выборная компания (например, в США) не обходится сегодня без привлечения блоггеров и блогов как средств получения и распространения информации и формирования нужного политического имиджа, а также для отбора и консолидации своего электората [Drezner & Farrell, 2004; Miller & Shepperd 2004]. На уровне межличностного общения, человек использует блог прежде всего, как средство самовыражения, создания нужного образа и в целях личностного самообогащения. Ребекка Блад полагает, что блог делает людей более внимательными, критичными и профессиональными наблюдателями окружающего их мира [Blood 2002].

Проведенные исследования этого сегмента сети показали, что основными мотивами создания блога является следующее: информировать других о своей деятельности и о том, что вокруг происходит; выразить свое мнение и каким-либо образом повлиять на мнения других лиц; найти единомышленников и получить обратную связь; средство структуризации, «оттачивания» своего мышления путем его вербализации (по принципу *думаю, когда пишу* (на англ. “think by writing”); снизить эмоциональное напряжение [Nardi, et al 2004]. Ряд исследователей особенностей коммуникации в блогах указывает, что тут чтение осуществляется через письмо, и слушание через говорение (reading as writing and listening as talking) [Там же].

Итак, по приведенным мотивам видно, что в блоге воплощаются различные социальные функции, и при этом «реализуются» основные функции языка в человеческом обществе (сообщения, общения и воздействия). Однако прагматическая сторона здесь преобладает, делая блог мощным средством в организации и поддержании социальных коммуникативных практик. Блоги становятся корпоративной и глобальной практикой общения, меняя и

¹ Слова *блог*, *блоггер*, *блоггика* и *блогосфера* появились в русском языке (а точнее в его функциональной «электронной» разновидности) несколько лет назад как сетевые термины, определяющие: вначале формат коммуникации и её продукт (блог); затем описывающие человека, создающего и ведущего свой блог (блоггер); а также обозначающие любую деятельность, связанную с функционированием блогов в коммуникативном пространстве Сети (блоггика) или этот сетевой сегмент в целом (блогосфера).

воздействуя на наш язык, архитектуру знания и способы взаимодействия с миром [Burstein 2005: xxvi].

В зависимости от своих структурных характеристик и целей создания среди блогов различают фильтры, личные дневники и записные книги. Вначале появились *фильтры*, представляющие собой определенные текстовые записи в форме комментариев, снабженные внешним гиперссылочным аппаратом (т.е. гиперссылками, ведущими на внешние, другие сайты Сети). Эти ссылки обычно указывали на внешнюю информацию для блоггера (события в мире, в Интернете и прочее).

Затем появились *онлайновые дневники*, в которых содержалась практически только личная (внутренняя) информация блоггера (его размышления, отзывы, ссылки на личные работы и опыт и т.д.).

Третьей возникшей формой блога стала *записная книга*, в которой содержалась как внешняя, так и личная информация о её владельце (как бы для внутреннего пользования). Эту форму блога отличало и наличие более длинных текстовых вставок в форме сфокусированных эссе [Blood 2002]. В этом веке появилась ещё одна разновидность блогов – *к-логи* (сокращение от английского *knowledge-blog*), в которых размещается обычно тематическая научная или образовательная информация о проектах, продуктах, проблемах с соответствующим ссылочным аппаратом [Herring et al 2005].

В последнее время вследствие развития цифровых технологий стали появляться *фотоблоги*, т.е. блоги, содержащие текстовые комментарии и фотографии, или только фотографии. Информация в таких блогах также обновляется с помощью или одних фотографий, или фотографий и текста [Cohen 2005].

Существуют и аудио (музыкальные) блоги, когда вместо графически презентуемой и обновляемой информации (фото) и текстовых комментариев к ней, подается и обновляется звуковая (музыкальная) информация [Herring et al. 2005]. Появляются и видеоблоги [Herring et al. 2007].

Некоторые исследователи говорят о блогах как определенном коммуникативном формате или жанре, выделяя целую систему жанрообразующих признаков, с учетом временных, текстовых и технологических характеристик блогов [см. Горошко, Саенко 2006]. Сезанна Херринг с коллективом ученых, проведя контент-анализ случайным образом составленных нескольких выборок блогов [200-300 единиц], относит блог к так называемым гибридным (переходным) жанрам [Herring et al. 2004: 2; Herring et al. 2005]. По её мнению, этот жанр является своеобразным мостом (de facto) между мультимедийными Интернет-документами, написанными на языке HTML, и электронным текстом, сглаживая традиционно существующие в парадигме Интернет-студий противопоставление между текстовым и

мультимедийными форматами представления информации. В скором будущем именно благодаря блогам это противопоставление должно исчезнуть вовсе.

Описывая жанр блога, ученая выделяет ряд его конститутивных характеристик. К ним относятся: цель создания блога; личностные характеристики его владельцев (возраст, гендер, профессия, род занятий и прочее); структурные характеристики: количество и характер гиперссылок, временной фактор (когда был создан блог, частота его обновления, последнее обновление), наличие комментариев, их количество и структура (заголовок, ссылка и т.д.), длина сообщений в комментариях и прочее; язык представления информации в блоге; тематические рубрики блога: наличие календаря, ленты заархивированных записей или комментариев, баннерной рекламы и иной символики; тематическая направленность блога, его моно или политематичность; наличие мультимедийных элементов (графических, аудио и видео фрагментов, а также анимации). Всего свыше 50 характеристик [Herring et al 2004a; 2004b; 2005].

Одной из наиболее значимых характеристик блогов, по мнению Херринг, считается наличие гипертекстовых связей между материалом, размещенными на блогах и другими тематическими «рефлексиями». Проведенный контент-анализ позволил автору сделать вывод, что блог является гибридным жанром, который соединил в себе как характеристики стандартной персональной веб-страницы, так и свойства других форматов электронной коммуникации. При этом в процессе формирования жанров на первый план выходит технологический критерий: именно технологии передачи информации всё больше и больше будут влиять на выработку формата общения и на структурные характеристики языка, «задействованного» для этого формата. А гибкий гибридный характер формата блога позволяет продуцировать разнообразные жанровые формы в зависимости от коммуникативных целей их пользователей, что существенно, по мнению С. Херринг, видоизменяет жанровую экологию сети. Ученая также полагает, что со временем блоги из отдельного коммуникативного сервиса могут стать определенной мультимедийной социо-технической средой, своевременно реагирующую на постоянно расширение коммуникативного репертуара её пользователей [Herring et al. 2005].

Анализ теоретического материала по общению в блогах показал, что проводились исследования не только структурных характеристик блога, но и организации блогосферы Интернета в целом: её географии, ареалов распространения языков написания блогов, степени коммуникативной связанности этой среды и крепости её социальных связей [Herring et al. 2005; Herring et al. 2007; Nardi et al. 2004]. Так, была установлена определенная зависимость между полом и возрастом блоггеров и языковым фактором: среди блогов, написанных на польском языке больше авторов-женщин (около 2/3)

и подростков. Польско-говорящие блоггеры значительно моложе англо-говорящих блоггеров [Trammell et al. 2006]. Среди русскоязычных блоггеров мужчин больше чем женщин [Ваш личный Интернет – блоги 2005].

Проведенный языковой анализ блогосферы живых журналов показал глобальное доминирование английского языка (84%), затем русского (11%), португальского, финского и голландского (4%) в этом сегменте Сети. Однако при столь широком распространении англоязычной коммуникации в последнее время появляются сильные тенденции к смешению языков в блоге и созданию многоязычных сайтов, что показал анализ гиперссылочного аппарата блогов [Herring 2007]. Лонгитюдный структурный анализ блогосферы показал, что со временем тексты блогов становятся длиннее, а также увеличивается «уровень анонимности» блога (стало больше блогов, где отсутствует персональная информация о его владельце (фамилия и/или имя) [Там же]. А такие структурные характеристики блога как информация о количестве авторов блога и присутствие графического изображения его автора (фотографии, аватара, ника и пр.) являются наиболее стабильными. По остальным параметрам блоги показали высокую неустойчивость (изменчивость) своих структурных характеристик, что может быть объяснено тем, что блог является достаточно молодым и не устоявшимся жанром сетевой коммуникации.

Проведенный анализ коммуникации в блогах показал, что существует ряд и практически не затронутых вопросов и проблем в этой предметной области. Например, отсутствуют работы по анализу взаимоотношений между автором и читателем блога, прогнозирования тенденций в развитии блогосферы сети в целом. Аудитории блогов и её воздействие на структурные характеристики блогов также не изучено. Недостаточно описаны принципы формирования и функционирования сетевых сообществ блоггеров и, наверное, многое другое. Однако неоспорим тот факт, что в силу своей крайней динамичности, нестабильности и увеличения размеров аудитории блогосфера должна стать объектом изучения в рамках междисциплинарного подхода с использованием социологического, лингвистического, психологического инструментария. Данный список является открытым, и ни одна гуманитарная (и не только) дисциплина может здесь смоделировать свой исследовательский объект и предмет.

Нас заинтересовали гендерные аспекты общения в блогах в русскоязычном коммуникативном пространстве с позиций восприятия этого формата общения (с точки зрения психолингвистики). К данной теме мы обратились в силу ряда обстоятельств. Во-первых, коммуникативная практика русскоязычных блогов практически является terra incognita для научного изучения с точки зрения лингвистического анализа. Существуют только единичные работы, посвященные особенностям лингвистики блогов [Новикова 2005; Сидорова 2004; Яковлев 2006;

Мы начали свое исследование с проведения с помощью нескольких поисковых систем (Yahoo, Google, Exquick, META) анализа украинского сектора Сети. Он показал, что блогов в украинском сегменте сети немного и в основном они русскоязычные. Один из самых мощных ресурсов сосредоточен на UaBlog.info. На данном портале находится свыше 70 украинских блогов, рассредоточенных по определенным рубрикам: *комьюнити, авторские, тематические* и т.д. На сайте этого ресурса содержится также информация об украинском рейтинге блогов UA TOP Bloggers. В этом рейтинге на январь 2007 года участвовало уже 222 блога. С учётом того, что Blog.net.ua сам по себе является сервисом бесплатных блогов, думаю можно сделать вывод о некоторых положительных тенденциях развития украинской блогосферы, однако сравнить её по масштабности с российской блогосферой или англоязычной невозможно.

Практически сейчас украинский сегмент находится в том зачаточном состоянии, которое представляла вся блогосфера Интернета в конце 90-х годов прошлого века. Предметный анализ украинской блогосферы показал, что украинская блогосфера в основном «отражает» достаточно разносторонние интересы украинского общества: много блогов посвящено искусству, политическим новостям, бизнесу, развлечениям, спорту. В основном все они выполнены в формате интернет-дневника или ЖЖ. При этом практически отсутствуют так называемые *к-блоги*, содержащие образовательную или научную (за исключением сетевых и компьютерных технологий) информацию. Ни разу нами не было найдено и фильтров – разновидностей блога, которая крайне популярна в англоязычном Интернете. Среди тематических блогов, на наш взгляд, интересны "КіноБлог", "Блогобіг", "Менеджмент блог". Как произведения персонального сетевого опыта любопытны авторские блоги "Enter.Lviv", "Shostak Blog", дневники Владимира Павлюка, Богдана Гдаля, и других. Особенное внимание следует обратить и на блоги на livejournal.com поскольку там будущее пополнение рядов "standalone" блогов в Уанете. Существует в Уанете и портал частных блогов (UBlog.name).

После анализа блогосферы Уанета, был разработан и проведен ряд психолингвистических экспериментов (с использованием метода свободных и цепных ассоциаций, неоконченных предложений, специальных вопросников и семантического дифференциала), направленный на изучение гендерных особенностей в организации коммуникативного пространства Интернета и их отражения в языковом сознании мужчин и женщин, носителей русского языка и украинско-русских билингвов.

Вначале была разработана анкета, где содержался ряд вопросов по поводу практики общения в Интернете. Анкета была выполнена в форме электронного вопросника и распространена среди нескольких электронных списков рассылок,

функционирующих на сервисах электронной почты среди пользователей Интернета на Украине, а также через сервер дистанционного образования одного из вузов г. Харькова. Таким образом, в основу формирования выборки был положен географический фактор, т. к. её информанты постоянно проживали на территории Украины¹.

Опрос проходил в течение 2006 года. Всего было собрано 340 анкет. Из них 105 анкет были заполнены мужчинами, остальные – женщинами. Для первоначального анализа и удобства подсчетов было выбрано по сто мужских и сто женских анкет. По возрастному параметру аудитория как мужская, так и женская колебалась от 19 до 45 лет, уровень образования – неоконченное высшее и высшее. Родной язык – русский и украинский, хотя 10 информантов указали, что они в равной степени владеют двумя языками. Все опрошенные пользовались когда-либо услугами Интернета и были знакомы с сетевыми технологиями как на уровне пользователя, так и на профессиональном уровне. Среди мужской аудитории сетью как профессионалы пользовались 15% опрошенных, среди женщин этот процент составил 5%. В анкете содержались также такие вопросы:

- Какой языковой сектор Интернета Вами наиболее посещаем (выберите нужное): русскоязычный, украиноязычный или англоязычный Интернет или сайты на других языках (укажите)?;

- Каким из перечисленных форматов электронной коммуникации вы наиболее часто пользуетесь в Интернете и почему (выберите три по степени убывания с указанием причин, если можно) (электронная почта, форум чат ICQ персональные веб-страницы, живые журналы (блоги) электронные конференции, BBS, Muds, Mucks и прочие виртуальные миры и игры)?

- На каком языке вы чаще всего общаетесь в Интернете?

Мы получили следующие результаты. По мужской выборке самым посещаемым был русскоязычный сектор сети и самым популярным язык общения в Сети для мужчин стал русский язык. На втором месте по посещаемости находились украиноязычные сайты, а затем англоязычные. Из форматов коммуникации на первое место по популярности вышла электронная почта, затем чат, персональные страницы, форум, ICQ. Только три раза в мужской выборке было зарегистрировано слово *блог*, занимающие третье место по частоте использования. Все три респондента, его написавшие, при этом указали, что блоги они только

¹ К сожалению, мы не фиксировали специально регион проживания информантов на Украине. В последствии должно быть проведено исследование на «квотной» стратифицированной выборке, учитывающей всю специфику населения Украины по примеру изучения аудитории Российского Интернета, проводимой социологической службой ФОМ «Опросы "Интернет в России"» (<http://bd.fom.ru/reports/>).

читают, но сами его не ведут.

Обработка женских анкет выявила следующую картину: среди женщин также самым посещаемым был русскоязычный сектор Интернета, затем следовали примерно в одинаковой пропорции украиноязычный и англоязычный сектор Сети. При этом женщины также указывали, что они посещают и другие «языковые» сегменты Интернета: немецкоязычные и польскоязычные сайты, а также сайты на китайском языке. Самым популярным коммуникативным сервисом у женщин стала также электронная почта, затем следовали примерно в равных пропорциях ICQ, чат и электронные конференции. В женской выборке также как и в мужской всего три из опрошенных женщин в качестве средства коммуникации указали блоги, однако поставили по частоте использования на первое место. Основным языком общения в Сети для женщин также является русский язык.

Второе исследование также происходило в 2006 году и касалось гендерных особенности в восприятии информационных технологий. Была проведена серия психолингвистических экспериментов, позволяющих довольно точно регистрировать и описывать отражение некоторых реалий в обыденном сознании людей, а также конструировать наивное знание о них, господствующее в массовом сознании на настоящий момент. На одной стадии из этих серий была использован метод свободных ассоциаций. Группе информантов (121 мужчине и 124 женщинам – носителям русского или украинского языков (35% отмечались случаи украинско-русского двуязычия) в возрасте от 18 до 23 лет с высшим неоконченным компьютерным или экономическим образованием) предлагалось ответить первым пришедшим в голову словом на список стимулов, в которые входили в частности слова, относящиеся к области Интернет – технологий (*виртуальный, Интернет, компьютер, электронный, гипертекст, чат, ник, аватар, блог, киберпространство, общаться в Интернете, e-мэйл, форум*) а также к восприятию этих технологий *я в сети, женщина в Интернете, мужчина в Интернете.*

Для нашего анализа мы отобрали только ассоциативные поля (группы ассоциаций), собранные на стимулы, имеющие непосредственное отношение к предмету исследования и коммуникации в Сети – к блогосфере: *ник, аватар, и блог*, а также различным коммуникативным сервисам сети: *форум, чат, e-мейл*, и словосочетание *общаться в Интернете.*

Анализ ядер ассоциативных полей реакций (самых высокочастотных реакций) показал следующую картину:

Так на слово *блог* самыми частотными женскими реакциями стали: «Системный – 11, питание – 5, совокупность – 3, не знаю – 2, раздел – 2, livejournal.com, без вариантов, живая жизнь, живой журнал, запрет, информации, кирпич,

коммуникации, куб, много нового, мысли человека, недоступный, объединение, партия, писатель, псевдоним, связь, сидеть в Интернете, качать информацию, стоп, схема, техника, Тимошенко, чат (23+24=47, отказы 77)¹.

Мужчины определили *блог* как: «Система – 6, дневник – 3, еще одно ругательство – 3, журнал – 3, коробка – 3, новости – 3, схема - 3 ящик –3, питания – 2, Internet - программирование; vottica; анлайн; блог это блог; выборы; жизнь людей на экране; знания; интересно; информация; кирпичи; количество информации; кратко о себе; куча сайтов с хламом; мало знаком; модуль; не знаю; не правильно написанный БОГ?; незнаком; ненормативная лексика; общение; объект; объем памяти; онлайн; опять таки словарь; отдел; ошибка; пакет; память; поэт; работа; сайт; связанный суррогат; сердце; серый; сигарет; системный блок; слишком красиво; совокупность; совокупность текста; совокупность узлов; твердое; тегов; хроника; цемент; часть; часть чего-либо; человек к которому подключена куча проводов; эл. журнал; электроника (29 + 48 = 77, отказы – 44)».

По приведенным реакциям и крайне большому числу отказов от реагирования становится понятным, что данная реалия является практически незнакомой как мужчинам, так и женщинам, вызывая в основном реакции, опосредованные другими словами, одинаково звучащими со словом *блог* (блок) или Интернет – сферой в целом. Также становится понятным, что ни с чем определенным пока это понятие не ассоциируется, что косвенно свидетельствует, что за ним на настоящий момент нет ни устоявшегося значения, ни определяемой им реалии. Однако мужчины имеют всё же несколько более реальное представление о блогах, чем женщины: в их ассоциативном поле встретились реакции «дневник» и «журнал», которые могут обозначать или разновидность блога или быть синонимичным данному понятию полностью. Для женщин – это просто «системный», «питание», «совокупность» и «не знаю».

Женские реакции на слово *аватар* выглядят следующим образом: «Игра – 3, термин – 2, 10x10, автор, анкета, блок памяти, взаимодействие, герой Bar Kranta, главный, иконка, имя, картинка, любитель, нет ассоциаций, ни чего, общение, отражает внутренний образ, представление облика человека, сеть, фотка, что это?, чудовище (5 + 20=25, отказы - 99)».

Мужские реакции на *аватар* такие: «Картинка – 20, фото – 7, изображение – 5, рисунок – 5, лицо – 3, не знаю – 3, сверж – 3, герой в Доте –2, смайлик – 2, юзерпик – 2, forum; а что – это; алгоритм; воплощение Господа в физическом мире; готика;

¹ В скобках (23+24=47, отказы 77) приводятся цифровые показатели, обозначающие: 23 – количество реакций, встречающихся более одного раза; 24 – количество единичных реакций; 77 – число отказов от реагирования.

иконка; интересное слово; информация; исключительность; красиво; летающий; личный символ; логотип; моя виртуальная физиономия; неуязвимость; облик; персонаж; персонаж из телесериала; писания; представление своего образа; прикол; прикольный; проекция бога на Землю; разновидность коня?; рожа; серп и молот; символ; словарь; смешно; список знакомого; тигр; уход от реальности; цементный (52 + 33 = 85, отказы – 36)».

По приведенным двум ассоциативным полям становится ясно, что мужчины гораздо более женщин знакомы с данным понятием, которое у них ассоциируется с фото, картинкой, изображением и рисунком. Для женщин *аватар* представляется игрой или термином. Большое количество отказов от реагирования, встретившееся именно в женской выборке, также свидетельствует о незнании женщинами этой реалии блогосферы.

Реакции женщин на *ник* были такими: «Имя – 50, кличка – 9, название – 7, псевдоним – 6, прозвище – 5, логин – 3, пароль – 3, name – 2, адрес – 2, аноним – 2, второе – 2, красный – 2, виртуальное имя, внутреннее я, интерес, интригующий, кодовое имя, магия, мегазвезды, логотип, нет ассоциаций, отражает сущность, переписка, общение, сеть, собака, тусовка (93 + 15 = 108, отказы – 16)».

Реакции мужчин на слово *ник* следующие: «Имя – 36, псевдоним – 17, имя в сети – 9, кличка – 9, Характер – 7, Name – 5, прозвище – 5, 2-е имя – 5, погребуха – 3, ругательство – 3, chat, login – 2; Slam; Джон – американец; идентификатор; имя в интернете; имя пользователя; кликон; кликуха; кличка в чате; маска; пароль, шифр; попытка сострить; приоритет (статус); притворство; самолет; смешно; чат (95+17=112, отказы - 9)».

Приведенные два поля ассоциаций, собранных на термин «ник», показывают, что как мужчинам и женщинам это слово является более знакомым, чем *аватар* или *блог*. Это видно по малому количеству отказов от реагирования. Это слово также четко ассоциируется с закрепленным за ним значением, о чем свидетельствуют такие реакции как «изображение», «прозвище», «кличка», «название», «псевдоним» и частотность их встречаемости в описываемых полях.

Если сравнить реакции на все три реалии блогосферы – *блог*, *аватар* и *ник* – то самым незнакомым из этих слов как для мужчин, так и для женщин является *блог*. *Аватар* четче определяется мужчинами, чем женщинами. *Ник* одинаково воспринимается и понимается как мужчинами, так и женщинами, что косвенно показывает, что он достаточно «закрепился» в языковом сознании пользователей Интернета. Очевидно, лучшее знание о никах и аватарах у пользователей сети обусловлено тем, что оба эти понятия используются довольно часто и в других коммуникативных сервисах Интернета – чатах, форумах, виртуальных играх, а *ники* могут использоваться в ICQ и других службах мгновенной передачи сообщений.

На слово *чат* мужчины отреагировали таким ассоциативным рядом: «Общение – 56, знакомства –

6, болтовня – 5, сборище дураков – 5, множество людей – 4, разговор – 4, беседа – 3, имя – 3, поболтать – 3, пошлость – 2, IRC; room; беспредел; бред; бываю; виртуальность; время убийство; групповое общение; идиотизм; иногда интересно; куча бреда; куча идиотов, тратящих деньги; люди; место общения; неожиданность; переписка; переписка, знакомство; потеря времени; рынок; самовыражение; собрание любителей; трата времени; штучное общение (91 + 26 = 117, отказы – 4)».

Ассоциативный женское поле реакций на *чат* – «Общение – 67, знакомство – 10, переписка – 4, всеобщее общение – 3, дружба – 3, разговор – 3, болтовня – 2, имя – 2, Интернет – 2, свободное общение – 2, бесполезно, беседа, неестественно, обмен информацией, интересно, кружок разговаривающих людей, люди, можно высказать все что на душе, мой друг, море эмоций, не нужен, бессмысленность, друзья, куча людей, увлечение, объемный текст, одинокие, пользователь, пообщаемся, потеря времени, прикольно, хочу увидеть, развлечение, сайт, собрание скучающих людей, тачанка (103 + 26 = 124, отказов – 0).

По двум ассоциативным полям на слово *чат* становится понятно, что он нужен равно как мужчинам, так и женщинам для того, чтоб общаться. Обращает количество реакций как положительно, так и отрицательно окрашенных связанных с прагматическим фактором – оценкой этой коммуникативной услуги: это и «потеря времени», и «болтовня», и «бессмысленность», и «сборище дураков», и «беспредел».

С другой стороны, в этих ассоциативных полях четко проступает коммуникативная цель чата – он нужен для общения людей. Гендерных различий в мужских и женских ассоциативных полях практически не наблюдается, за исключением того факта, что мужчинами чат воспринимается несколько негативнее, чем женщинами, о чем свидетельствует наличие отказов от реагирования только у мужчин, а также большее количество слов с отрицательным общеоценочным значением в их ассоциативном поле.

Женское ассоциативное поле на *форум*: «Обсуждение – 19, общение – 11, информация – 4, интересно – 3, мнение – 3, развлечение – 3, чат – 3, вопрос-ответ – 2, новости – 2, тема – 2, полезная информация – 2, совещание – 2, узнать новое – 2, web-сайт, болтовня ни о чем, взаимный интерес, выступление, галдеж, голосование, дебаты, диалог на тему, если есть польза, знание, извращение, конференции, красивый парень, люди, мысли вслух, не люблю, неинтересно, новая информация, нужен, обмен мыслями, общение и умение это выразить, переписка, подобие конференции, полезные, советы, Полтава, почитать, собрание, съезд, то же, ужас (70 + 31 = 101, отказы – 23)».

Мужские реакции на *форум* выглядят таким образом: «Обсуждение - 21; общение - 11; дискуссия - 7; болтовня - 5; вопросы- ответы -5; информация - 5; собрание - 5; мнение - 4; мышление - 3; интересно

- 2; объявления - 2; narod.ru, жрецы; Spombboardargo1.hrex; базарить; беседа на тему; выражение своей точки зрения; доска объявлений; игры; источник информации; место для обсуждения различных тем; много умных мыслей...или наоборот; моя страничка; не сильно удобно; новая информация; обмен мнениями; обсуждение; общественное мнение; опрос; площадь; поиск информации; полезная информация от пользователей; политика; помощь; пост; приколы; свои мысли; советчик; спор; средство общения; статистика; форум; хакер; чат; чатовать по крупному; человек; чувак; чушь (70 + 37 = 107, отказы - 14)».

По этим двум ассоциативным полям видно, что форум также связан с общением, но по форме он более статичен, чем чат, что отражается в таких реакциях как «место для обсуждения различных тем», «доска объявлений», «общественное мнение». Также в сравнении с чатом в ассоциативных полях на *форум* (как в мужских, так и в женских) встретилось довольно большое количество отказов от реагирования, что также косвенно может свидетельствовать о незнании или не использовании в повседневной практике этого коммуникативного сервиса. Гендерных особенностей в реакциях тут не наблюдается вовсе.

Женские реакции на e-мэйл: «Письма – 28, почта – 18, адрес – 14, электронная почта – 8, удобно – 5, информация – 4, общаться – 4, e-mail – 3, быстро – 2, интересно – 2, мнение – 2, обмен информацией – 2, письмо всегда радость – 2, получать – 2, посылать – 2, английский, безграничность, бумага, быстрая почта, глобус, домашняя почта, доступность, друзья за границей, знание, классно, код, много знакомых, мой адрес, мыло, один, ожидание, переписка, полезно!!!, почта обычная, почтовый адрес, приятные новости, свобода слова, связь, скидывание учебы, ящик, @ (98 + 26 = 124)».

Мужские реакции на e-мэйл: «Почта – 39; мыло – 12; письмо – 11; информация – 5; почтовый адрес – 5; e-mail – 3; mail.ru – 3; адрес – 3; бред; быстрая почта – 3; обсуждение – 3; работа – 3; писем – 3 нереальный – 2; "ящик"; данные; дела; достучаться до небес; конверт; личное; не интересно; не плохая связь; обмен любезностями; общаться в Интернете; очень помогает; передача информации; полезная вещь; полезно; получение информации; связь; сообщении; старо как мир; удобно; электронная; ящик для (95 + 20 = 115, отказы – 6)».

Как видно, реакции на слово e-мэйл вполне стандартные и предсказуемые. Это слово ассоциируется с письмом, почтой, общением. Встречается довольно много оценочных реакций, в основном описывающих удобство этого коммуникативного сервиса: «полезная вещь»; «полезно», «удобно», «письмо» и «всегда радость». В плане гендерных различий: у мужчин прослеживается более отрицательное отношение к этой услуге, о чем говорит наличие отказов от реакций, а также реакций с негативным элементом в коннотативном значении. У женщин превалирует в

целом только положительно восприятие этой Интернет-реалии.

Общаться в Интернете у женщины ассоциируется с «Знакомиться – 14, интересно – 8, чат – 8, друзья – 7, чатиться – 7, ICQ – 5, переписка – 4, удобно – 3, e-mail-3, быстро – 2, получать информацию – 2, chat, ICQ – 2, напрасная трата времени – 2, новые знакомства -2, нравится – 2, обмен информацией – 2, письма – 2, познавательное – 2, почта – 2, развлечение – 2, форум – 2, communicat, SMS, безнадежность, бесполезное занятие, болтать, все ложь, глупо, данные, издалика, информация, каждый день, которые не рядом, может быть полезно, можно бесконечно, не лично, неискренность, обмен информацией, общаться косвенно, общее развитие, общение с людьми, общение, он-лайн, подруга, полезно, получать много нового, получение необходимой информации, почта, противно, развиваться, развлечение, разговор по телефону, расстояние, родственники, свидания, тупо, убивать время, удовольствие, узнавать, узнать что-то новое, фото, хочу (89+41=124)».

Для мужчин *общаться в Интернете* - это «ICQ – 11, чат – 11, общение – 7, форум – 7, терять время – 6, знакомство - 5, переписка – 5, чатиться – 5, знакомиться - 4, Аська – 3, сокращать время – 3, разговор – 3, делать нечего – 2, удобно – 2, безнаказанность; бродить; важность; веселье; говорить; договориться на завтра; интересно; информация; классно; легко; мыло; новое сообщение; новости; общение неудачников; подруга; полезно; получать удовольствие от общения; почта; работа; радость; развлечение; разводить/знакомство; размышлять; рассылка; сближает далекое; сидеть в чате; скукота; со всеми подряд; трата денег; увлекательно; формулы; хорошо проводить время (74+33=107, отказы 14)».

Как мы видим, общение в Интернете для наших респондентов как мужчин, так и женщин происходит во всех форматах, кроме блога. Общение – это и интересно, и в Интернете можно познакомиться и завести друзей, и даже с ними переписываться, и в целом оно нравится. По собранным ассоциативным полям можно предположить, что женщинам общаться в Сети нравится больше чем мужчинам (в их ассоциативном поле встречается большее количество позитивных реакций), что подтверждает результаты, полученные в различных дисциплинах и самых разнообразных секторах и сервисах Сети, что главное, что ищет в Интернете женщина, – это общение [Goroshko 2006: 109]. Это становится вполне понятно, т.к. по данным, например, социальных психологов, только у женщин понятие *общение* коррелирует с понятием *счастье* [Ильин 2002: 178].

Анализ мужских и женских ассоциативных полей, полученных от терминов, связанных с общением в Интернете, но прямого отношения к блогосфере не имеющих, (*чат, форум, e-мэйл и общаться в Интернете*) не зафиксировал ни разу употребление слова «блог» в качестве реакции, что

также подтверждает тот факт, что блог на настоящий момент не мыслится в обыденном сознании украинских пользователей Интернета как средство коммуникации или же социальная практика. Наиболее популярна электронная почта, чат, затем форум. Блог и неизвестен, и непопулярен среди простых пользователей Сети. Как можно судить по результатам опроса, трудно говорить и об общественной значимости этого явления в отличие от Запада или России. Столь низкая популярность блогов среди украинских пользователей может быть объяснена целым рядом факторов: неразвитость в целом этого сектора Уанета, дороговизной сетевых услуг по стране, отставанием в целом в медийных и цифровых технологиях по сравнению с другими странами.

В целом, проведенный ассоциативный эксперимент показал, что можно говорить о некоторых гендерных особенностях в восприятии

коммуникативного пространства Сети и его отражении в языковом сознании. Однако для каких-либо фундаментальных выводов естественно требуется расширение как эмпирической базы исследования, так и изучение различных национальных сегментов Сети с учетом гендерного разрыва (gender digital divide) в доступе к коммуникативным ресурсам Интернета [Prino 2003]. Мне кажется, что использование психолингвистического инструментария для изучения новых коммуникативных практик, появляющихся в XXI веке, компьютерного общения в целом ещё не до конца осмыслено и востребовано, и психолингвистика (особенно на постсоветском пространстве) значительно отстает от других дисциплин, в рамках которых уже ведутся достаточно активные исследовательские работы по изучению лингвистики Интернета [Горошко 2007].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блогосфера в Уанете. Блоги на МЕТЕ: внимательный взгляд на новый сервис. Аналитика на 12.10.2006 года URL: <http://www.vsesmi.ru/news/164620/> - 2006.
2. Ваш личный Интернет – блоги. URL: www.content-filtering.ru/doc.asp?ob_no=1610. – 2005.
3. Волков В.В. О концепции практик в социальных науках URL: www.eu.spb.ru/socio/courses/sp15_02.doc. - 1997.
4. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. -2007 (в печати).
5. Горошко Е. И. Гендер у мережі: становлення теоретичної парадигми // Вісник слов'янського університету. – Харків, 2006. – Т.IX. – №2.
6. Горошко Е. И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма). Диск. докт. филол. наук, М. - 2001.
7. Горошко Е. И., Саенко А. Н. Жанровая экология Интернета // Наукові записки Луганського національного університету. Вип.6, Т.3 Серія “Філологічні науки”: Зб. наук. праць [Норми та парадокси свідомості й мислення]/ Луган. Нац. Пед. Ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганськ: Альма-матер. - 2006.
8. Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002.
9. Кремлева С.О. Сетевые сообщества URL: www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/08/10/0000172683/Weglova_Soobwestvo_coshiolog.rtf. - 2001.
10. Нестеров В. В. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов. URL: <http://flogiston.ru/articles/netrjsv/nesterov>. - 1999.
11. Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневника. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук., Ставрополь. - 2005.
12. Сидорова М. Ю. Интернет-дневники как лингвистический источник. URL: <http://marmadoma.narod.ru/> - 2004.
13. Шевченко И. С. Некоторые психологические особенности общения посредством Internet. URL: <http://flogiston.ru/projects/articles/>. - 1999.
14. Филиппович Ю. Н., Черкасова Г. А., Дельфт Д. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках. С предисловием Н. В. Уфимцевой. – М.: МГУП - 2001.
15. Яковлев П. А. Идентичность и способы первичной самопрезентации в Интернет-дневниках (на примере ников) Дип. раб., Москва, МГУ. - 2006.
16. Blood, R. The Weblog Handbook: Practical Advice on Creating and Maintaining your Blog. Cambridge MA: Perseus Publishing. - 2002.
17. Burstein, D. From Cave Painting to Wonkette: A Short History of Blogging // Kline, D., Burstein D. Blog. How the Newest Media Revolution is Changing Politics, Business and Culture, New York: CDS Books, 2005.
18. Cohen, K. What does the photoblog want? // Media, Culture and Society. – 2005. - Vol. 27(6).
19. Cook, T. Up against reality: Blogging and the cost of content. Paper presented at the meeting of the Blogtalk Downunder, Sydney. 2005 URL: http://incsub.org/blogtalk/?page_id=42. – 2005.
20. Drezner, D., Farrell, H. The power and politics of blogs // Proceedings of the annual meeting of the American Political Science Association. Chicago IL: American Political Science Association. URL: <http://archive.allacademic.com/publication/getfile.php?file=docs/apsa> - 2004.
21. Eckert, P., McConnel-Ginet, S. Communities of Practice: Where Language, Gender and Power All Live // Language and Society (Reader), UK (Firstly published in 1992). - 2003.
22. Gorny, E. Russian LiveJournal: The Impact of Cultural Identity on the Development of Virtual community // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt. – 2006.
23. Goroshko, O. Netting Gender // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt. – 2006.
24. Herring, S. C., Scheidt, L. A., Kouper, I. and Wright, E. A Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003-2004 // M. Tremayne (Ed.), Blogging, Citizenship and the Future of Media. London: Routledge. (In press). – 2007a.

25. Herring, S. C., Paolillo, J. C., Ramos-Vielba, I., Kouper, I., Wright, E., Stoerger, Sh., Scheidt, L. A. and Clark, B. Language Networks on LiveJournal, Indiana University, Bloomington // Proceedings of the Fortieth Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-40). Los Alamitos: IEEE Press. – 2007b.
26. Herring S. C., Paolillo, J. C., Gender and Genre Variation in Weblogs // Journal of Sociolinguistics, Indiana University, Bloomington (in press) - 2006.
27. Herring, S. C., Kouper, I., Paolillo, J., Scheidt, L. A., Tyworth, M., Welsch, P., Wright, E. and Ning Yu. Conversations in the blogosphere: An analysis 'from the bottom up' // Proceedings of the Thirty-Eighth Hawai'i International Conference on System Sciences. Los Alamitos, California: IEEE Computer Society Press. – 2005.
28. Herring, S. C., Kouper, i., Scheidt, L. A. and Wright, E. Women and children last: The discursive construction of weblogs // In Laura Gurak, Smiljana Antonijevic, Laurie Johnson, Clancy Ratliff and Jessica Reyman (eds.), Into the Blogosphere: Rhetoric, Community, and Culture of Weblogs. Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota. 2004. URL: http://blog.lib.umn.edu/blogosphere/women_and_children.html. -2004a.
29. Herring, S. C., Scheidt, L. A., Bonus, S. and Wright, E. Bridging the gap: A genre analysis of weblogs // Proceedings of the Thirty-Seventh Hawai'i International Conference on System Sciences. Los Alamitos, California: IEEE Computer Society Press. – 2004b.
30. Huffaker, D. A., Calvert, S. L. Gender, identity, and language use in teenage blogs // Journal of Computer-Mediated Communication 10 (2), article 1. - 2005. URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol10/issue2/huffaker.html>. -2005.
31. Krishnamurthy, S. The multidimensionality of blog conversations: The virtual enactment of September 11. Paper presented at Internet Research 3.0., Maastricht, Netherlands, 2002.
32. Miller, C. R., Shepherd, D. Blogging as social action: A genre analysis of the weblog // Laura Gurak, Smiljana Antonijevic, Laurie Johnson, Clancy Ratliff and Jessica Reyman (eds.), Into the Blogosphere: Rhetoric, Community, and Culture of Weblogs. Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota, 2004. URL: http://blog.lib.umn.edu/blogosphere/blogging_as_social_action_a_genre_analysis_of_the_weblog.html.
33. McNeill, L. Gender under Construction: The Diary on the Internet. URL: <http://www.language@internet.html>. – 2006.
34. Nardi, B., Schiano, D., & Gumbrecht, M. Blogging as social activity, or, would you let 900 million people read your diary? // Proceedings of Computer Supported Cooperative Work 2004. URL: <http://home.comcast.net/%7Ediane.schiano/CSCW04.Blog.pdf> - 2004.
35. NITLE Weblog Census // National Institute for Technology & Liberal Education (NITLE). URL: <http://www.blogcensus.net/>. – 2005.
36. Prino, N. Gender Digital Divide // Gender Issues in Information Society. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), Paris. - 2003.
37. Schmidt, H., Teubener, K., Zurawski N. Virtual (Re)Unification? Diasporic Cultures on the Russian Internet // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt. – 2006.
38. Sifry, D. State of the Blogosphere, February 2006. Part 1: On Blogosphere Growth. Sifry's Alerts. URL: <http://www.sifry.com/alerts/archives/000419.html/> - 2006.
39. Trammell, K. D., Tarkowski, A., & Hofmokl, J. Rzeczpospolita blogów [Republic of Blog]: Examining the motivations of Polish bloggers through content analysis // Journal of Computer-Mediated Communication, 11(3). URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol11/issue3/trammell.html>. – 2006.

Л.В. Величкова, О.В. Абакумова (Воронеж)

Анализ восприятия детьми эмоционально окрашенной звучащей речи: экспериментальное исследование

В наиболее общем виде «восприятие – это целостное отражение предметов, явлений, ситуаций и событий в их чувственно доступных временных и пространственных связях и отношениях» [Головин 1988: 86].

Проблемы восприятия речи в широком смысле слова представляют интерес для различных наук: физиологии, неврологии, психологии, психолингвистики.

Рассмотрим сущность восприятия как физиологического процесса. Вся совокупность физиологических механизмов, участвующих в формировании речи, можно, согласно Н.И. Жинкину, разделить на две группы – механизмы восприятия речи и меха-

низмы воспроизведения речи¹, в их функционировании принимает участие целый ряд систем. Восприятие речи начинается с уха, где звуковые импульсы возбуждают чувствительные образования, расположенные вдоль основной/базилярной мембраны улитки. Каждое чувствительное образование на мембране связано с определенными нервными волокнами, идущими к головному мозгу через слуховой нерв. При этом восприятие речи оценивается как особая область, в которой воспринимается не сам объект, а его символ. Восприятие речи проходит

¹ Заслуживает внимание тот факт, что в такого рода описаниях присутствует термин "механизм воспроизведения речи" (Большая медицинская энциклопедия, 1984), а не "порождения речи" [Жинкин Н.И. 1958].

через некое сито, оно связано со слуховым анализатором.

При исследовании восприятия описанию подвергаются следующие области: 1) формирование органов чувств; 2) внимание; 3) сенсорные системы (вкус, обоняние, слух, зрение); 4) процессы восприятия во всех сенсорных системах; 5) иллюзии и константность восприятия.

Н.И. Жинкин считает, что «наличие двойного анализа и синтеза выделяет речевой процесс среди других видов человеческой деятельности. При зрительном восприятии вещей в оптическом рецепторе тоже происходит первичный анализ и синтез признаков пространства, цвета и освещения. В корковой части синтез продолжается и завершается синтезом этих признаков. Однако вторичного анализа и синтеза при зрительном восприятии не происходит» [Жинкин 1958: 131]. При восприятии речи действуют звуковой и слуховой анализаторы. Две фазы аналитико-синтетического процесса: в первой фазе – услышанное слово разлагается в слуховом анализаторе на звуковые элементы и снова объединяется в сложное целое. Эта фаза может быть соотнесена с восприятием слова; во второй фазе – более сложной, возбуждение, возникшее в слуховом анализаторе, распространяется выборочно. Эта вторая фаза может быть соотнесена с пониманием значения слов и вообще речи.

«Каждый из наших органов чувств можно уподобить сити, задерживающему только маленькую крупицу всей доступной информации. Наше представление об окружающем мире ограничено, потому что ограничен тот диапазон энергий, на который мы в состоянии реагировать. Мы способны прямо ощущать только те виды энергии, которые наши преобразователи или органы чувств могут обнаружить и превратить в нервные импульсы» [Восприятие 1974: 58]. Таким образом, отбор информации ограничен устройством соответствующих органов чувств.

При исследовании речи различают типы восприятия: слуховое и зрительное. Нас интересует прежде всего слуховое восприятие. Важен учет двух каналов восприятия через органы слуха и непосредственно через костную проводимость. Если человек слышит только звуки, проводимые воздухом, то в этих звуках некоторые низкочастотные компоненты колебаний голосовых связок теряются. Этим объясняется тот факт, что человек с трудом узнает свой собственный голос, когда слышит его в магнитофонной записи. «При обычном восприятии собственного голоса низкочастотные колебания наших голосовых связок, передаваемые к улитке через кость, придают звукам собственной речи гораздо больше силы и динамичности по сравнению с чистыми звуковыми волнами, которые доходят до слушателя или воспроизводятся магнитофоном» [Там же: 113].

Д. Бекеши в своей статье говорит об обратной связи голоса. Контроль за речью и пением требует участия сложной системы обратной связи. Система

обратной связи между глазами и мышцами руководит движениями руки, когда человек собирается взять какой-либо предмет, такая же система обратной связи непрерывно регулирует параметры нашего голоса в процессе речи и пения. Начало звука воспринимается с точки зрения его высоты, и мы немедленно изменяем натяжение голосовых связок, если звук взят неверно. Эта обратная связь требует исключительно сложного и быстрого механизма. Функционирование этого механизма еще недостаточно исследовано полностью. Однако не приходится удивляться тому, что ребенок учится говорить несколько лет, а для взрослого практически невозможно научиться говорить на иностранном языке без акцента. Любое нарушение обратной связи немедленно нарушает речь.

На особенностях зрительного восприятия останавливается У.Нейссер в своей статье «Зрительные процессы» и отмечает избирательность в использовании информации, получаемой глазом. Хотя глаза называют окнами души, это не столько «смотровые отверстия», сколько входные ворота, через которые поступает сырой материал для конструктивной зрительной системы.

Представление о взаимоотношении деятельности слухового и зрительного анализаторов помогает понять механизмы восприятия речи. Механизмы речи формируются у ребенка в сложном взаимоотношении многих анализаторов, в результате воздействия языка взрослых. Словесный раздражитель является реальным, как и все прочие, только более объемлющим. Н.И. Жинкин говорит о роли времени включения каждого из анализаторов в процессе анализа сложного словесного раздражителя. Общение людей при помощи речи возможно только в результате полной согласованности в работе слухового и двигательного анализаторов. Нам важно добавить, что в детской речи зрительное восприятие играет большую роль.

В классической, старой психологии восприятием называется процесс анализа наличного объекта. С устранением этого объекта вступает в действие память, которая хранит образ данного объекта. Охарактеризуем память на основании работы Н.И. Жинкина «Речь как проводник информации».

Различают память долговременную и непосредственную, кратковременную, ее называют также оперативной. Для понимания сказанного прежде всего надо произвести синтаксический анализ предложения таким способом, как это делает грамматист. Действительно, как можно понять речь, если наличный объект восприятия отсутствует или никогда не встречался слушателю, как это бывает при восприятии иностранной речи. Но все-таки произвести такой анализ в процессе слушания речи невозможно не только вследствие большой скорости прохождения потока слов, но также из-за объема того материала словоформ и правил их сочетаний, который должен быть интегрирован. Отсюда следует, что речевая память должна быть долговременной. Непосредственная десятисекундная краткая

память недостаточна для такого анализа.

Ошибки прежних исследователей восприятия речи заключались в том, что они исходили из предположения о возможности опознавания компонентов знаковой системы непосредственно в самом восприятии, минуя работу долговременной памяти, в которой заложен опыт опознавания и автоматическое устройство подачи опознанного материала.

Само восприятие и его свойства зависят, с одной стороны, от объекта, с другой стороны, от долговременной памяти потому, что кодирующее и декодирующее устройство не могут создавать код вследствие сложности реального объекта. Коды – не готовые механизмы. Их надо создать в опыте коммуникации. Надо научиться смотреть, видеть, слышать, осязать.

Таким образом, восприятие речи человеком происходит не просто. Легкость, с которой человек узнает слова и понимает сказанное, это лишь последняя фаза сложного информационного процесса обработки знаковой системы.

Восприятие иноязычной речи интересно не только с точки зрения методики преподавания, т.к. процессы дают возможность глубже проникнуть в его сущность, ибо речь идет о переходе на другую знаковую систему и о взаимодействии двух систем: родной и неродной. И.Н. Горелов пишет по этому поводу, что «сложность смыслового восприятия обусловлена тем, что каждое слово в речи проявляет такие свойства, как многозначность и омонимия. Упрощенная линейная модель понимания речи наблюдается лишь в случае восприятия текста на иностранном языке. Изучающие неродной язык часто сталкиваются с трудностями идентификации значения лексем, которые не «желают» складываться в целостные высказывания. Трудности эти преодолели, если усвоение языка опирается на коммуникативные методики, использующие речевые контексты и ситуации, в которых употребляются языковые единицы. Речевые контексты и конкретные коммуникативные ситуации в ходе восприятия родной речи позволяют адресату общения выбрать из множества вариантов значений слова то, которое подразумевает говорящий» [Горелов 1997: 86].

При важности лексико-грамматической стороны декодирования знания языка недостаточно для полноценного смыслового восприятия речевого сообщения. Большое значение здесь имеет адекватная референция, т.е. соотнесение высказывания с реальной событийной ситуацией. И.Н. Горелов подчеркивает верность мысли Н.И. Жинкина о том, что «понимаем мы не речь (не текст), а действительность» [там же: 87].

Значительную роль в процессе восприятия высказывания играет встречная мыслительная активность адресата речи, запускающая механизм предупреждающего понимания, прогнозирования в речевой деятельности.

Рассмотренное выше относится к восприятию речи на родном языке. Восприятие иноязычной речи

должно представлять собой более сложный процесс. При восприятии иноязычной речи слушающий всегда имеет дело не только с системой другого языка, но и с системой родного языка, т.е. они вступают во взаимодействие. Первым, кто обратил внимание на субъективный характер, т.е. на необъективность восприятия иноязычной речи, был Е.Д. Поливанов. Он выдвигает известный тезис о субъективном характере восприятия иноязычной речи и пишет по этому поводу: «Фонемы и тому подобные элементарные фонологические представления настолько тесно ассоциируются у представителя каждого данного языка с его апперцепционной деятельностью (т.е. с актами восприятия слышимой речи), что он склонен бывает производить привычный для него анализ на свои элементарные фонологические представления (фонемы и т.п.) – даже в отношении слышимых им слов или фраз чужого языка, т.е. с иной системой элементарных фонологических представлений; иначе говоря, слыша чужое незнакомое слово (или вообще отрезок чужой речи, по своему объему способный быть схваченным слуховым вниманием), слушающий пытается найти в нем комплекс (т.е. последовательный ряд) своих фонологических представлений, т.е. разложить на свои фонемы, и даже сообразно своим (т.е. присущим родному языку слушающего) законам сочетаний фонем» [Поливанов 1968: 236]. Таким образом, звуковосприятие у представителей различных языков носит субъективный характер, причем эта субъективность и эти различия в восприятии одного и того же звукокомплекса разноязыковыми мышлениями зависят не от расовых особенностей, а от комплекса языковых навыков, приобретенных каждым данным индивидуумом в процессе усвоения его материнского (родного) языка [там же: 246].

Для нас особую важность представляет проблема процесса восприятия в детском возрасте, т.е. его становление и эмоциональный характер как порождения, так и восприятия речи. Л.С. Выготский в своей лекции «Восприятие и его развитие в детском возрасте» [1997] отмечает, что в процессе детского развития возникает связь функции восприятия с функциями эйдетической памяти и, тем самым, возникает новое единое целое, в составе которого, восприятие действует как его внутренняя часть, возникает непосредственное слияние функций наглядного мышления с функциями восприятия, и это слияние оказывается таким, что мы не в состоянии отделить категориальное восприятие от непосредственного восприятия, т.е. восприятие предмета как такового от значения, смысла этого предмета. Опыт показывает, что здесь возникает связь речи и слова с восприятием, что обычный для ребенка ход восприятия изменяется, если мы рассмотрим это восприятие сквозь призму речи, если ребенок не просто воспринимает, а рассказывает воспринимаемое. Мы видим на каждом шагу, что всюду имеются эти межфункциональные связи, и что благодаря возникновению новых связей, новых единств между восприятием и другими функциями возникают

важнейшие изменения, важнейшие отличительные свойства развитого взрослого восприятия, которые необъяснимы, если рассматривать эволюцию восприятия в изолированном виде, не как части сложного развития сознания в целом.

Исследования показали, что характер межфункциональных связей проявляется в том, что на ранних ступенях развития восприятие непосредственно связано с моторикой, оно составляет только один из моментов в целостном сенсомоторном процессе и лишь постепенно, с годами, начинает приобретать значительную самостоятельность и отрешаться от этой частичной связи с моторикой. По выражению немецкого психолога К. Левина, который больше других трудился над этой проблемой, только с годами восприятие ребенка получает динамическое выражение в ряде внутренних процессов. В частности, К. Левин показал, что только с освобождением, с дифференциацией восприятия от этой формы целостного психомоторного процесса становится возможной связь восприятия с наглядным мышлением.

Процесс восприятия у детей был экспериментально исследован в работе Т.П. Хризман, В.П. Еремеевой, Т.Д. Лоскутовой «Эмоции, речь и активность мозга ребенка» [1991]. При обобщении экспериментальных данных ЭЭГ, полученных у детей 3-7 лет при восприятии и осмыслении речевых сигналов (вне текста и в контексте рассказа, сказки), были сделаны выводы, что мозг маленького ребенка становится наиболее функционально активным только тогда, когда любое слово имеет для ребенка личностный смысл, становится эмоционально значимым. При этом за счет включения и совершенствования механизмов смыслообразования на уровне корковых систем формируется активное, избирательное отношение ребенка к речевым воздействиям.

Таким образом, существует тесная функциональная зависимость направленности, избирательности психических процессов от механизмов осмысления речевой деятельности. Ведущая роль в регуляции последних принадлежит ассоциативным – лобным отделам коры [Леонтьев 1969].

Было установлено, что у детей 3-7 лет при восприятии и осмыслении речевых сигналов, имеющих разную эмоциональную значимость, на уровне корковых систем происходят существенные изменения в функциональной организации межцентральных взаимодействий: возрастает уровень межцентральных связей всех исследованных зон, что свидетельствует о повышении уровня функциональной активности мозга ребенка при речевой деятельности. Кроме того, на этом фоне весьма избирательно усиливаются внутрислоушные и межполушарные взаимодействия передних ассоциативных лобных областей преимущественно с моторными и височными зонами, эти отделы коры становятся фокусами взаимосвязанной активности и усиливаются функциональные взаимодействия симметричных центров лобных областей правого и левого

полушарий.

Также было установлено, что корковые процессы восприятия, семантического анализа и осмысления слова у детей имеют сложную динамическую локализацию и латерализацию, а включение эмоциональных компонентов активизирует эти процессы и, главное, придает им особый динамизм как в отношениях между правым и левым полушариями, так и в отношениях между передними и задними отделами коры. Это проявляется: а) в усилении межполушарной функциональной асимметрии (тотальной и парциальной) и смене ее знака; б) в избирательном усилении межполушарных связей симметричных отделов коры и их динамическом перераспределении; в) в повышении уровня внутрикорковых взаимодействий в передних отделах коры и снижении этого уровня в задних отделах.

При *восприятии речи* эмоции неоднозначно активизируют правое и левое полушария у детей, усиливая и стабилизируя внутрислоушные взаимодействия в правом полушарии и особенно активизируя динамику перестройки внутрислоушных взаимодействий в левом полушарии.

«Восприятие на ранних ступенях, в такой же мере, как оно неотделимо от сенсомоторного процесса, так же неотделимо от эмоциональной реакции» – согласно данным Г. Фолькельта, Ф. Крюгера и других лейпцигских исследователей. В связи с этим Ф. Крюгер, немецкий психолог и философ, основатель лейпцигской школы «целостной психологии», предложил назвать восприятие раннего возраста «чувствоподобным», «эмоциональноподобным восприятием». Его исследования показали, что лишь с течением времени восприятие постепенно освобождается от связи с непосредственным эффектом, с непосредственной эмоцией ребенка» [Выготский 1997: 27].

Восприятие речи детьми дошкольного возраста (3-7 лет) является сложным малоисследованным явлением. Это восприятие происходит по-разному в ситуации языкового общения в естественной и учебной среде.

Прежде всего, нас интересует проблема восприятия эмоциональности детьми раннего возраста в родной звучащей речи. В качестве материала исследования выступила сказка.

При исследовании реакции детей на эмоционально окрашенную речь мы использовали в качестве основных эмоциогенных стимулов фрагменты всемирно известных сказок "Гадкий утенок" Г.-Х. Андерсена, "Волк и семеро козлят" (народная сказка) и "Золушка" Шарля Перро. Эти сказки имеют определенное социальное и эмоционально значимое содержание и способны через слово вызывать у дошкольника специфические человеческие эмоции в виде радости, интереса, горя/страдания, страха или нейтрального состояния. При отборе классификации эмоциональных состояний для проведения исследования было решено использовать классификацию по К. Изарду, потому что автор освещает все три критерия, характеризующие эмоциональное состояние:

биологический, физиологический и психологический.

Мы придерживаемся точки зрения, что все эмоции разделяются на положительные и отрицательные и могут быть рассмотрены по соответствующим векторам. Лучше всего это положение отражено у Е.Н. Винарской [1989], которая считает, что «в основе эмоций личности обычно различают три основные эмоциональные модальности: 1. радость, 2. горе, 3. гнев/страх».

Эксперимент состоял из двух частей:

Каждому ребенку предлагалось прослушать фрагмент одной из сказок. Во время прослушивания фиксировались изменения поведения ребенка (его мимика, жесты, действия, отдельные слова). Через обучающие элементы отмечалась реакция ребенка.

Во второй части эксперимента ребенку были предложены визуально эти же фрагменты из сказок. Затем также фиксировалось эмоциональное отношение к картинке из сказки.

Зная содержание сказки, и прослушав отдельные ее фрагменты, дети демонстрировали отдельные переживания, отражающие их отношение к звучащему тексту. Был использован аудиовизуальный канал, когда дети могли прослушать и воспринимать фрагменты сказок при их предъявлении в качестве наглядно-зрительных образов. Велось наблюдение за экспрессивной стороной реакции испытуемых в ответ на предъявление им фрагментов сказок, в которых со сказочными персонажами происходили события, способные вызвать положительные или отрицательные чувства-сопереживания. Кроме того, детям предлагалось оценить переживания героев сказок, испытывающих положительные (радость) или отрицательные (горе/страдание, страх) эмоции. При этом в зависимости от преобладающих эмоциональных состояний, которые приписывались героям сказок, дети экспериментальной группы указывали на модели: 1. образец лица, несущего на себе переживания положительных (радость)/отрицательных (горе/страдание, страх) эмоций; 2. цвет-ассоциация.

Для исследования детской звучащей речи были использованы следующие методы:

наблюдение за детьми во время игры и при восприятии ими звучащей речи в виде сказки, в частности, за экспрессивной стороной;

беседы с детьми, во время которых обсуждалось их отношение к прослушанным фрагментам сказки;

индивидуальные эмоциональные реакции детей исследовались с помощью оценочных критериев.

Адекватность переживаний ребенка характеристикам экспрессивной составляющей звучащей речи анализировалась на основании ряда критериев. В частности, на обучающем этапе детям 3-7 лет предлагались способы выражения их отношения к сказке. Для детей 6-ти, 7-ми лет были выбраны определенные цветовые показатели. Дети осваивали

возможность выразить свое эмоциональное состояние посредством определенного цвета:

эмоция	эмоциональное состояние	цвет
радость	я радуюсь	красный
горе/страдание	мне жалко	коричневый
–	нейтральное	белый
интерес	мне интересно	розовый
страх	мне страшно	черный

Мы исходили из традиционных в европейской культуре представлений о символике цвета. «Цвет может иметь коммуникативное значение, определяющее значение, определяющее связь между элементами и предметами природы; символическое, указывающее на явление, предмет или сущность; выразительное (экспрессия), передающее определенное чувство и вызывающее соответствующие эмоции» [Криулина 1993: 71]. Так, красный, розовый цвета отражают положительные эмоции, связанные с радостью, воодушевлением, черный и коричневый цвета содержат признаки отрицательных эмоциональных состояний, связанные со страхом, горем/страданием, и белый цвет – цвет света, чистоты, легкости - говорит о нейтральном состоянии [Яньшин 1996].

Предварительные исследования показали, что дети в возрасте 3-5 лет недостаточно хорошо ориентируются в цветовых показателях, поэтому в качестве критериев эмоциональных состояний детей был выбран набор экспрессивных мимических выражений. Положительные эмоции представлялись в виде улыбающегося лица ☺, отрицательные эмоции в виде лица, запечатляющего состояние плача ☹, отсутствие эмоциональных переживаний выражалось в виде лица без определенных эмоциональных переживаний ☹ [Темпл, Дорки, Амен 1995: 110-121].

Были исследованы реакции детей в возрасте 3-7 лет на предъявленные фрагменты 3-х сказок: «Гадкий утенок», «Волк и семеро козлят» и «Золушка». При аудиальном варианте использовано 253 фрагмента, несущих переживания типа «радость», и 404 фрагмента с преобладанием ситуаций, способных вызвать сопереживание типа «горе/страдание, страх». При включении в процесс восприятия визуального канала использован 241 фрагмент, несущий эмоционально положительно окрашенные ситуации, способные пробудить сопереживания типа «радость», и 500 фрагментов, в которых сказочные персонажи попадали в ситуации, способные вызвать у детей чувства типа «горе/страдание, страх».

В таблице представлена динамика адекватного восприятия детьми эмоций типа «радость», «горе/страдание, страх» (по возрастным категориям).

возраст	Число случаев (в %) адекватного восприятия детьми эмоциональных переживаний сказочных героев			
	Эмоции «радость»		Эмоции «горе/страдание,страх»	
	При аудиальном предъявлении	При аудиови-зуальном предъявлении	При аудиальном предъявлении	При аудиовизу-альном предъявлении
3 года	79,0	89,0	43,8	60,6
4 года	92,0	89,0	58,8	60,3
5 лет	75,0	100,0	55,8	75,6
6 лет	65,0	86,0	56,5	66,6
7 лет	60,0	80,0	70,2	81,3
	74,2	88,8	57,2	68,9

Как видно из таблицы, в большинстве случаев положительные эмоции типа «радость» фиксируются детьми как адекватные предъявленной ситуации чаще, чем отрицательные переживания. При аудиальном и аудиовизуальном предъявлении стимульного материала в младших возрастных группах (3-5 лет) положительные эмоциональные переживания отличаются чаще, чем в возрастных группах (6-7 лет). В возрасте 5 лет выявлена умеренно выраженная корреляционная связь (0,38) адекватности восприятия положительно окрашенной ситуации с характером предъявляемых аудиовизуальных фрагментов. В старших возрастных группах данные сказки, видимо, в силу того, что дети их хорошо знают, вызывают заметно меньший эмоциональный отклик. Число адекватно воспринимаемых фрагмен-

тов-ситуаций как несущих угрозу горя/страдания, страха при аудиальном восприятии имеют тенденцию к возрастанию при переходе от 3 лет к 4-6 годам и в возрасте 7 лет, однако достоверных различий этих показателей в зависимости от возраста не обнаружено. Более высока частота случаев адекватного сопереживания эмоциональных состояний страха в возрасте 5 и 7 лет при аудиовизуальном предъявлении.

Эксперимент позволил выделить некоторые закономерности восприятия эмоционально окрашенной речи детьми в зависимости от возрастной группы, характера эмоции, способа предъявления речевой информации и взаимодействия экспрессивных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). - М.: Высш. шк., - 1989.
2. Восприятие. Механизмы и модели. Москва, 1974.
3. Выготский Л.С. Лекции по психологии / Спб.: СОЮЗ, 1997.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Учеб.пособие. - М.: Лабиринт, 1997.
5. Жинкин Н.И. Механизмы речи. - М.:Изд-во АПН РСФСР, 1958.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. / Предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова. - М.: Наука. 1982.
7. Изард К.Е. Эмоции человека.-М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980.
8. Криулина А.А. Цвет в нашей жизни. Курскинформпечать, 1993.
9. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М.: Просвещение, 1969.
10. Словарь практического психолога/Сост. С.Ю Головин. - Минск: Харвест, 1998.
11. Хризман Т.П., Еремеева В.П., Лоскутова Т.Д. Эмоции, речь и активность мозга ребенка. - М.: Педагогика, 1991.
12. Яньшин П.В. Эмоциональный цвет. Самара. Изд-во СамГПУ, 1996.

М.Е. Новичихина (Воронеж)

Из опыта экспериментального исследования коммерческих названий

Нами исследуется так называемая коммерческая номинация, т.е. слова-названия магазинов, фирм, товаров и т.п. (например, магазин «Ваш дом», кафе «Гулливер», ателье «Стиль»).

Особую актуальность в наши дни приобретает разработка методик оценки эффективности того или иного коммерческого наименования. В работе были

использованы несколько методик соответствующей оценки – метод свободных ассоциаций, метод дефиниций, метод определения субъективных ожиданий, метод зрительных образов, метод определения субъективных предпочтений, метод фоносемантического анализа. Каждая методика потребовала обращения к информантам – носителям языка.

Для иллюстрации комплексного анализа коммерческой номинации было отобрано 20 коммерческих названий: «Монолит», «Витязь», «Домовенок», «Ваш дом», «Постоялый двор», «Олимп», «Риф», «Обувь», «Усма», «Юлия», «Лорнет», «Карандаш», «Самсон», «Мустанг», «Башмачок», «Альянс», «Каштан». «Эврика», «Ритм». Среди приведенных слов – однословные слова и синтаксические конструкции, распознаваемые и нерасознаваемые слова, названия из разных тематических групп.

А) Метод свободных ассоциаций

Восприятие коммерческого наименования носителем языка в значительной степени зависит от тех ассоциативных связей, которые актуализируются данным наименованием в сознании человека.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция:

«Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Вам будет предложен список слов. Мы просим Вас против каждого из них указать слово, приходящее в голову сразу после прочтения данного слова».

Приведем результаты исследования по анализируемым коммерческим названиям в следующем виде: а) слово-стимул; б) характер предлагаемого товара; в) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; г) слова-реакции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); д) количество отказов (т.е. число информантов, не давших реакцию на данный стимул).

МОНОЛИТ (продукты) 65 – камень 22, памятник 3, глыба 2, стена 2, гранит 1, дом 1, единое 1, единство 1, ископаемое 1, кирпич 1, красиво 1, литр 1, магазин 1, мощь 1, мрамор 1, однообразное 1, однородность 1, основа 1, твердый 1, твердь 1 целое 1; отказ – 19.

ВИТЯЗЬ 65 – воин 11, телевизор 9, богатырь 8, рыцарь 5, охрана 3, машина 2, сила 2, шкура 2, в тигровой шкуре 1, главнокомандующий 1, единство 1, Илья 1, Илья Муромец 1, клуб 1, князь 1, корабль 1, меч 1, молодой 1, москвич 1, организация 1, отряд летчиков 1, охранник 1, пиво 1, подразделение 1, Руслан и Людмила 1, спортивная команда 1, телевизор 1; отказ – 4.

ДОМОВЕНОК (товары для дома) 65 - Кузя 33, мультфильм 5, дом 3, печь 3, чердак 2, вор 1, гном 1, дурачок 1, дух 1, идол 1, изба 1, кот 1, магазин 1, маленький 1, охранник дома 1, приведение 1, пушистый 1, сказка 1, чертенок 1, черный 1; отказ – 3.

ВАШ ДОМ (товары для дома) 65 – крепость 7, большой 5, уютный 3, родной 3, квартира 3, двор 2, родина 2, семья 2, в деревне 1, Грибановка 1, Израиль 1, кирпич 1, красивый 1, кирпичный 1, крыша 1, любимый 1, мама 1, мой дом 1, моя крыша 1, они 1, особняк 1, отдых 1, предприятие 1, пицца 1, просторный 1, родители 1, родные 1, сад 1, свой город 1, скукота 1, сок 1, собственность 1, уют 1, хата 1, хороший 1, № 10 1; отказ – 10.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР 65 – гостиница 10, лошади 6, корова 2, хозяин 2, бордель 1, гости 1, дорога 1, животные 1, забегаловка 1, замена лошадей 1, здание 1, кабак 1, колодец 1, колхоз 1, конюшня 1, купеческий 1, курятник 1, лошадь 1, люди 1, много животных 1, мотель 1, мультфильм 1, отель 1, притон 1, проходной 1, свиньи 1, собака 1, средние века 1, старинный 1, стоит 1, ужасный 1, усадьба 1, харчевня 1, хозяйство 1, 17 век 1, 200 лет назад 1; отказ – 13.

ОЛИМП 65 – гора 16, боги 4, Греция 4, соревнования 3, высота 2, Зевс 2, спорт 2, спортивный клуб 2, чемпион 2, бог 1, вершина в спорте 1, возвышенность 1, восхождение 1, горы 1, здоровье 1, игры 1, клуб 1, кофе 1, красив 1, огонь 1, победа 1, пьедестал 1, состязательная площадка 1, Spartak 1, спортивный комплекс 1, стадион 1, школа 1; отказ – 9.

РИФ 65 – море 16, скала 13, коралл 4, коралловый 4, подводная скала 3, скалы 3, айсберг 1, акула 1, атолл 1, барьерный 1, берег 1, возвышенность 1, каменный 1, кораллы 1, крепкий 1, крушение 1, морское животное 1, намок 1, океан 1, опасный 1, подводный 1; отказ – 7.

ОБУВЬ (обувь) 65 – ботинки 24, сапоги 15, туфли 14, магазин 5, лужи 4, лестница 2, боль 1; отказ – 0.

УСМА (обувь) 65 – река 6, прима 2, сигареты 2, вкусно 1, трава 1; отказ – 26.

ЮЛИЯ (обувь) 65 – имя 22, девушка 19, Ивановна 3, красавица 3, Началова 2, сестра 2, Греция 1, жена 1, моя девушка 1, одна 1, одноклассница 1, подружка 1, предприятие 1, Чичерина 1; отказ – 7.

ВОЯЖ 65 – группа 8, Урал 5, такси 3, дискотека 2, мотоцикл 2, путешествие 2, чемодан 2, экипаж 2, аудиокассета 1, багаж 1, балет 1, джип 1, дорога 1, карета 1, красота 1, лошади 1, магазин 1, Париж 1, песня 1, поездка 1, поход 1, приехал 1, пляж 1, сборник 1, сигареты 1, степь 1, турне 1, Франция 1, этикет 1; отказ – 17.

ЛОРНЕТ (оптика) 65 – инструмент 5, музыкальный инструмент 3, кларнет 2, театр 2, девушка 1, друг 1, дудка 1, зрение 1, корнет 1, линза 1, музыка 1, нота 1, очки 1, человек в гольфах 1; отказ – 43.

КАРАНДАШ (канцтовары) 65 – ручка 18, простой 10, бумага 4, цветной 3, острый 2, рисунок 2, тупой 2, чертеж 2, графит 1, дерево 1, деревянный 1, для черчения 1, зеленый 1, красный 1, книга 1, косметический 1, картина 1, пенал 1, резинка 1, рисование 1, сломан 1, стержень 1, стиралка 1, твердый 1, толстый 1, упал 1, цвет 1; отказ – 1.

САМСОН (канцтовары) 65 – бог 6, сила 5, имя 4, гладиатор 3, библейский герой 2, богатырь 2, волосы 2, мужик 2, силач 2, сильный 2, царь 2, библия 1, бык 1, воин 1, герой 1, дед 1, и Данила 1, персонаж 1, лев 1, памятник 1, Самсунг 1, сон 1, спортсмен 1; отказ – 21.

МУСТАНГ 65 – машина 18, конь 9, автомобиль 7, лошадь 7, быстрый 2, дикий конь 3, зверь 2, мотоцикл 2, свобода 2, форд 2, авто 1, гибрид 1,

дикий 1, дикость 1, жвачка 1, ковбой 1, саванна 1, ягуар 1; отказ – 3.

БАШМАЧОК (обувь) 65 – обувь 11, Золушка 8, туфелька 7, хрустальный 7, туфля 4, каблук 3, нога 3, красивый 2, дырявый 1, красный 1, маленькая девочка 1, маленький 1, ножка 1, переулок 1, ребенок 1, сказка 1, тапка 1; отказ – 10.

АЛЬЯНС 65 – союз 6, группа 4, объединение 4, фирма 4, магазин 3, НАТО 3, североатлантический 3, игра 2, северный 2, содружество 2, предприятие 2, ансамбль 1, банк 1, бар 1, группировка 1, земля 1, кабак 1, прочный 1, соглашение 1, спортзал 1, товарищество 1; отказ – 20.

КАШТАН 65 – дерево 41, коричневый 3, колючий 2, колючка 2, плод 2, свечи 2, бар 1, вырос 1, высокий 1, дуб 1, жаренный 1, желуди 1, клен 1, красивый 1, Одесса 1, свиньи 1, школа 1, яблоко 1; отказ – 0.

ЭВРИКА (подарки) 65 – идея 11, открытие 9, Архимед 6, велосипед 3, победа 3, ванна 2, заветное слово 2, мысль 2, Ньютон 2, ура 2, все в порядке 1, восторг 1, клево 1, магазин 1, математика 1, наконец-то 1, ноу хау 1, осенение 1, осенило 1, придумал 1, радость 1, решение 1, салон 1, случайность 1, удача 1, удивление 1, чудо 1; отказ – 6.

РИТМ 65 – музыка 15, темп 6, движение 4, танцы 4, завод 3, жизни 3, такт 3, скорость 3, частота 3, быстро 2, быстрый 2, АО 1, акционерное общество 1, древний 1, жизнь 1, ОАО 1, однообразие 1, организация 1, плохой 1, соло 1, сумасшедший 1, футбол 1, чувство 1, шаг 1; отказ – 4.

Как показывают результаты, некоторая часть ассоциаций носит случайный характер. Видимо, это ассоциации, порождаемые определенной ситуацией и исчезающие при ее изменении. Единичные ассоциации, несмотря на их релевантность с точки зрения конкретного носителя языка, в исследовании не учитывались. Значительная же часть ассоциативных связей носит постоянный характер. Например, при предъявлении в качестве стимула коммерческого наименования «Монолит» 22 информанта из 65 отвечают «камень». Слово-стимул «Домовенок» в 33 случаях из 65 дает реакцию «Кузя», слово-стимул «Каштан» – в 41 случае из 65 – реакцию «дерево» и т.д. При этом в целом ряде случаев возникающие ассоциации прочно связаны с предлагаемой продукцией или услугой, в отдельных случаях таких связей не прослеживается, и соответствующее название вряд ли может считаться эффективным.

Как показывает исследование, к коммерческим названиям, формирующим адекватные ассоциации и ассоциации, создающие «благоприятный» образ называемого объекта в сознании носителя языка, могут быть отнесены: «Ваш дом», «Карандаш», «Эврика», «Башмачок»,

Часть анализируемых слов-названий неадекватно воспринимается носителями языка, о чем свидетельствуют возникающие у испытуемых

ассоциации. К таким названиям относятся: «Лорнет», «Вояж», «Усма», «Витязь», «Монолит».

Следует отметить, что в ассоциативных экспериментах со стимулами-коммерческими названиями встречается много отказов: часто испытуемые затрудняются указать соответствующие ассоциации, например: «Монолит», «Постоялый двор», «Вояж», «Лорнет», «Самсон», «Альянс». В этом случае, видимо, имеет смысл говорить об ассоциативно неориентированных коммерческих названиях. Их также можно причислить к разряду неэффективных.

Думается, что коммерческое наименование должно быть нацелено на актуализацию определенного круга ассоциаций, формирующих в сознании человека образ предлагаемого товара или услуги.

Б) Метод субъективных дефиниций

Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос: «Что, по Вашему мнению, означает данное слово?»

Были получены результаты, представленные в следующем виде: а) определяемое слово; б) количество информантов, опрошенных по данному слову; в) слова-дефиниции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); г) количество отказов (т.е. число информантов, не давших указавших дефиницию данного слова). Однотипные дефиниции были сведены к одной формулировке.

МОНОЛИТ 30 – камень 9, неразборный предмет 5, однородный материал 4, большой камень 2, вид камня 2, здание 1, прочное сооружение 1, что-то связанное с ремонтом 1, клей 1; отказ – 3.

ВИТЯЗЬ 30 – богатырь 12, воин 5, название телевизора 4, фирма, выпускающая телевизоры 3, должностное лицо 2, сильный человек 1, сказочный персонаж 1; отказ – 2.

ДОМОВЕНОК 30 – маленький домовый 9, мистическое существо 6, дух 4, защитник дома 3, фантастическое существо 2, привидение 1, сказочный персонаж 1, сын домового 1; отказ – 3.

ВАШ ДОМ 30 – место жительства 9, родительский дом 5, очаг 3, страна или город, в котором живет человек 3, место, где вы выросли 2, мое жилище 1, моя крепость 1, название агентства недвижимости 1, стены 1, уютное жилое помещение 1; отказ – 2.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР 30 – гостиница 9, в истории: место, где могли остановиться путники 4, место для ночлега 4, скотный двор 4, место, где много народа 1, отель 1; отказ – 7.

ОЛИМП 30 – возвышение, возвышенность 9, гора 6, гора в Древней Греции 5, место сбора богов 3, пьедестал 3, олимпиада 1, спортивные игры 1; отказ – 2.

РИФ 30 – морская скала 13, возвышение на морском дне 6, морской камень 5, кораллы 3, то, на чем растут кораллы 2, рельеф моря 1; отказ – 0.

ОБУВЬ 30 – вид одежды 10, то, что носят на ногах 8, ботинки, туфли, сапоги и т.п. 4, парный предмет для теплоты и удобства 3; отказ – 5.

УСМА 30 – название реки 15; отказ – 15.

ЮЛИЯ 20 – имя 18, женское имя 8, и мужское, и женское имя 2, красивое женское имя 1, полное имя 1; отказ – 0.

ВОЯЖ 30 – путешествие 9, радио 4, большой портфель 2, груз 2, круиз 1, название аудиокассеты 1; отказ – 11.

ЛОРНЕТ 30 – музыкальный инструмент 7, игровой инструмент 3, приспособление для зрения 3, музыкальный сундучок 1; отказ – 16.

КАРАНДАШ 30 – предмет для рисования и письма 16, пишущий предмет 6, вид канцелярского товара 4, простой и цветной 3, предмет удлиненной формы 1; отказ – 0.

САМСОН 30 – герой древнегреческих мифов 9, имя 5, имя царя 3, философ 3, библейский герой 1; отказ – 9.

МУСТАНГ 30 – дикая лошадь 11, название машины 8, вид иномарки 3, животное 3, марка автомобиля 3; отказ – 2.

БАШМАЧОК 30 – вид обуви 14, маленькая обувь 7, детская обувь 3, обувь маленького размера 3, деревянная обувь 1, предмет для обувания 1; отказ – 1.

АЛЬЯНС 30 – объединение, союз 8, объединение стран 4, группировка 2, коньяк 1; отказ – 15.

КАШТАН 30 – дерево 19, плод дерева 6, растение 1, дерево, растущее в черноземной полосе 1, дерево со своеобразными плодами 1; отказ – 0.

ЭВРИКА 30 – идея 11, открытие 6, выражение радости, восторга 3, отдых 2, слово, произнесенное Архимедом 1, слово, произнесенное Ньютоном 1, страна из детской книжки 1; отказ – 5.

РИТМ 30 – движения 12, темп 5, музыкальный термин 2, отрезок времени 2, скорость движения 1, такт 1, танец 1, частота 1; отказ – 5.

Следует отметить, что просьба дать дефиницию в ряде случаев вызывала затруднения у испытуемых. В некоторых случаях это приводило к отказам в ответах (максимальное количество отказов при определении слов «Усма», «Вояж», «Лорнет», «Самсон», «Альянс»), в некоторых же – к появлению слов-ассоциаций, а не реальных определений, например, ответ «моя крепость» применительно к словам «Мой дом». Встречались попытки дать определение слова через конкретные примеры («ботинки, туфли, сапоги и т.п.» применительно к слову «Обувь»). Некоторая часть

определений носила оценочный характер, например: «Юлия» – красивое женское имя. В отдельных случаях указывались некоторые особенности называемого предмета («Карандаш» – простой и цветной).

Важно подчеркнуть, что результаты двух проведенных экспериментов вполне согласуются друг с другом. Именно те коммерческие наименования, которые вызвали наибольшие затруднения в ассоциативном эксперименте, дали наибольшее количество отказов или нечеткие, «размытые», определения в данном исследовании.

В) Метод определения субъективных ожиданий носителей языка

Опрос проводился по схеме, описанной выше. Испытуемым предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы думаете, что можно приобрести в магазине с таким названием?» Ответы на этот вопрос распределились следующим образом:

МОНОЛИТ 30 – строительные материалы 15, ритуальные услуги 3, бустилат 1, все для ремонта 1, инструменты 1, оргтехника 1, видеотехника 1, драгоценности 1, облицовочная плитка 1, сталь 1, цемент 1; отказ – 3.

ВИТЯЗЬ 30 – спорттовары 8, телевизоры 5, видео- и аудиотехника 2, мужская одежда 2, оружие 2, антиквариат 1, бытовая химия 1, военное обмундирование 1, исторические книги 1, книги 1, радиотовары 1, одежда для полных 1, средства охраны 1, товары для охотников 1; отказ – 3.

ДОМОВЕНОК 30 – детские игрушки 10, товары для дома 7, детские товары 4, бытовая химия 3, детская одежда 1, бытовая техника 1, продукты 1, посуда 1, рукомойники 1, хозяйственные товары 1; отказ – 1.

ВАШ ДОМ 30 – товары для дома 12, мебель 7, стройматериалы 4, хозяйственные товары 3, кухонная утварь 2, бытовая техника 1, бытовая химия 1; отказ – 0.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР 30 – продукты 7, мебель 5, спиртные напитки 4, стройматериалы 3, конфеты 2, компьютеры 1, корм для домашних животных 1, посуда 1; отказ – 5.

ОЛИМП 30 – спорттовары 18, спортивная одежда 5, спортивное снаряжение 3, драгоценности 2, зимняя одежда 2; отказ – 0.

РИФ 30 – товары для отдыха 6, продукты моря 3, видео- и аудиотехника 2, доски для серфинга 2, зоотовары 2, корм для рыбок 2, аквариумы 1, оружие 1, подводное снаряжение 1, продукты 1, рыболовные и охотничьи товары 1, спорттовары 1, стройматериалы 1, товары для плавания 1, часы 1; отказ – 4.

ОБУВЬ 30 – обувь 21, сапоги 5, туфли 4; отказ – 0.

УСМА 30 – сигареты 3, драгоценности 1,

картины 1, продукты питания 1, пряжа 1, товары для шитья 1, универмаг 1; отказ – 21.

ЮЛИЯ 30 – косметика и парфюмерия 16, одежда 5, парики 2, продукты 3, книжный магазин 1, спиртные напитки 1; отказ – 2.

ВОЯЖ 30 – все для отдыха 5, косметика 5, товары в дорогу 4, товары для охоты и рыболовства 3, туристическое снаряжение 3, алкогольные напитки 1, все для дома 1, женское белье 1, музыкальные инструменты 1, одежда 1, теле- и видео- аппаратура 1, туристические путевки 1, хозяйственные товары 1; отказ – 2.

ЛОРНЕТ 30 – музыкальные инструменты 10, оптика 8, очки 5, аксессуары 1, спортивные товары 1, футляры для очков 1; отказ – 4.

КАРАНДАШ 30 – канцтовары 27, краски 2, продукты 1; отказ – 0.

САМСОН 30 – спорттовары 7, бытовая техника 4, аудио- и видеотехника 3, мужская одежда 3, продукты 2, канцтовары 1, корм для животных 1, стройматериалы 1; отказ – 8.

МУСТАНГ 30 – автомобили 12, все для конюшни 4, авиасалон 1, запчасти 1, зоотовары 1, кожаная одежда 1, корм для животных 1, мотоциклы 1, мужская парфюмерия 1, сбруи, седла 1, спорттовары 1, товары по уходу за животными 1; отказ – 4.

БАШМАЧОК 30 – обувь 18, детская обувь 7, женская обувь 2, ремонт обуви 2, обувные аксессуары 1; отказ – 0.

АЛЬЯНС 30 – бар 5, аудио-видеотехника 2, закусочная 2, значки 2, канцтовары 2, картины 2, книги 2, посуда 2, продукты 1, ритуальные услуги 1, типа 1000 мелочей 1; отказ – 6.

КАШТАН 30 – цветы, растения 10, овощи-фрукты 5, продукты 3, семена 3, бытовая химия 1, краска для волос 1, минеральные удобрения 1, парфюмерия 1; отказ – 5.

ЭВРИКА 30 – книги 9, компьютеры и компьютерные игры 4, подарки 2, одежда 2, аптека 1, бытовые товары 1, игрушки 1, калькуляторы 1, самые модные вещи 1, спорттовары 1, товары для женщин 1; отказ – 6.

РИТМ 30 – аудио- и видеотовары 9, музыкальные товары 7, спорттовары 6, бар 1, продукты для пловцов 1, секундомеры 1, спортивная одежда 1, часовая мастерская 1; отказ – 3.

Как видим, это задание не вызвало особых затруднений у слушателей. Были случаи единичных отказов, в ряде случаев испытуемыми указывался не товар, а характер объекта с предлагаемым названием, например, «Самсон» – авиасалон, «Юлия» – книжный магазин, «Эврика» – аптека, «Ритм» – бар и др., однако это не повлияло на общий характер результатов.

Отмечены случаи абсолютно точного восприятия всеми опрошенными в случае прямой номинации («Обувь») и в случае названий, примыкающих к прямым («Карандаш», «Башмачок»)

Результаты этого эксперимента также еще раз подтверждают мысль о том, что использование в качестве коммерческих названий слов, незнакомых носителю языка, вряд ли является оправданным (например, в магазине «Лорнет» большая часть опрошенных ожидает увидеть музыкальные инструменты), что связано, очевидно, с неадекватным восприятием самого слова-названия). Сказанное согласуется с результатами предыдущего исследования, связанного с дефиницией значения слова.

Г) Метод зрительных образов

Испытуемым давалось задание: «Опишите словами зрительный образ, вызванный данным названием».

В отличие от предыдущего опроса, не вызвавшего никаких затруднений у информантов, этот опрос в целом ряде случаев привел к отказам в ответе. Так, максимум затруднений вызвали наименования типа: «Альянс», «Усма», «Вояж», «Монолит», «Лорнет» и др., в то время как наименования «Витязь», «Карандаш», «Каштан», «Домовенок» и т.п. вызвали яркие образы в сознании испытуемых.

Например, наименование «Олимп» (одежда) вызвало следующие реакции: «гора, на ней восседают боги», «вершина», «спортивное состязание», «изображение богов древней Греции на картинке» и др.; наименование «Юлия» (обувь): «девушка», «красивая девушка» «светловолосая девушка», «девочка с бантиками», «девушка с распущенными волосами» и др.

Однако в отдельных случаях испытуемые реально описывали не зрительный образ, а предлагали ассоциацию или дефиницию, эти случаи отражены в результатах опроса, но не учитывались в ходе анализа зрительных образов.

Результаты этого эксперимента приведены ниже в виде: слово -коммерческое название; количество опрошенных; зрительные образы в порядке убывания частотности с указанием этой частотности; количество отказов в просьбе описать зрительный образ. Некоторые близкие формулировки были сведены к одной (например, образы «корабль в море, где шторм» и «корабль в шторм» представлены как один, единый образ к слову «Риф»; образы «хрустальная туфелька Золушки», «туфелька из сказки «Золушка», «туфелька Золушки» представлены как один образ к слову «Башмачок» и т.п.).

МОНОЛИТ 30 – камень 5, кирпич 2, горы 2, желтый камень 1, кусок темного блестящего металла 1, подпольное объединение 1, скалолаз пытается залезть на вершину 1, строительство многоэтажного дома 1, стройка 1, цветной камень 1, отказ – 14.

ВИТЯЗЬ 30 – телевизор 6, богатырь из сказки 5, мужчина в доспехах 4, 33 богатыря выходят из моря 3, бородатый мужчина 3, рыцарь со щитом 3, крупный мужчина 2, молодой человек в кольчуге 1, птица типа орла 1, солдат с мечом 1, человек на коне 1; отказ – 0.

ДОМОВЕНОК 30 – Кузя из мультфильма 7, маленький смешной бородатый человечек 5, маленькое лохматое существо 4, маленький волосатый шустрый человечек 3, домовой 2, загадочное существо 2, маленький кусочек меха 1, пушистое существо 1, себя 1, что-то пушистое, черное 1, что-то в углу 1; отказ – 0.

ВАШ ДОМ 30 – уютный, просторный 6, моя квартира 4, дом с садом 3 большой дом с гаражом 2, домик в деревне 2, беспорядок 1, дети 1, замок 1, как у всех 1, кот и собака 1, мои родители 1, моя семья 1, простор 1, родной дом 1, собака в конуре 1, стены, пол и крыша 1, трехкомнатная квартира 1; отказ – 1.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР 30 – лошади во дворе 6, много народу 6, старое заброшенное здание 3, гостиница 2, двор с постройками и живностью 2, грязь и свиньи 1, конюшня 1, двор из фильма о Дон Кихоте 1, многоэтажное здание 1, ночь 1, петухи 1, собака и кролики 1, что-то средневековое 1; отказ – 3.

ОЛИМП 30 – гора, на ней восседают боги 8, вершина 5, гора 3, спортивное состязание 2, изображение Зевса 2, изображение богов древней Греции на картинке 2, мороженое 1, накачанный мускулистый парень взбегаёт по лестнице 1, пьедестал 1, факел 1, ярко освещенная гора 1; отказ – 3.

РИФ 30 – морские скалы 8, кораллы в море 6, корабль в шторм 3, море, волны 3, морское дно, подводный мир 3, небольшие горы 1, разбивающийся корабль 1, что-то весеннее 1, яркий теплый солнечный свет 1; отказ – 3.

ОБУВЬ 30 – ботинки 6, туфли 5, башмаки 3, кеды 2, коричневые спортивные ботинки 2, промокшие ботинки 2, туфли и тапочки 2, высокие сапоги на узком каблуке 1, дождь 1, дорогие модные ботинки 1, зимние сапоги 1, красивые туфли 1, поношенные ботинки 1, туфли на шпильке 1; отказ – 1.

УСМА 30 – геометрическая фигура с вогнутыми краями 1, монголы 1, речка 1, поле 1; отказ – 26.

ЮЛИЯ 30 – девушка 9, красивая девушка 5, девочка с бантиками 3, девушка с распущенными волосами 3, девушка с кудрявыми волосами 2, светловолосая девушка 2, девушка с зелеными глазами 1, девушка надменного вида 1, икона 1, моя подруга 1, моя сестра 1, улыбающаяся девушка 1; отказ – 0.

ВОЯЖ 30 – теплоход 4, автобус 3, путешествие 2, путешествие по красивым местам 2, бар с

приглушенным светом 1, лето, дорога и пыль 1, музыкальная группа во время выступления 1, чемодан 1; отказ – 14.

ЛОРНЕТ 30 – музыкальный инструмент 6, очки на палочке 4, Карл и Клара из фильма 1, очки 1, старый фильм 1, театральная галерка 1, фортепиано 1; отказ – 13.

КАРАНДАШ 30 – обыкновенный простой карандаш 11, графит 4, карандаш для губ 4, художник рисует 3, карандаш с резинкой 1, картина абстракциониста 1, краски и альбом для рисования 1, набор канцтоваров 1, набор цветных карандашей 1, обгрызанный карандаш 1, стержень 1; отказ – 1.

САМСОН 30 – изображение древнегреческого бога 6, большой человек 4, изображение Геракла 3, имя 2, имя 1, картинка из Библии 1, картинка из мифологического словаря 1, магазин канцтоваров 1, старый дед с удочкой 1, фараон 1, фонтан 1; отказ – 8.

МУСТАНГ 30 – автомобиль 10, иномарка 5, прерия 2, сильный бегущий конь 2, каменистая равнина, красивая машина 1, отказ – 9.

БАШМАЧОК 30 – хрустальная туфелька из сказки «Золушка» 13, маленькая туфелька 7, блестящая туфля 2, деревянный башмак 2, картинка из сказки 2, женская туфля 1, тупоносая туфля 1; отказ – 2.

АЛЪЯНС 30 – бар 4, компания 3, группа людей 2, деловое собрание 2, выпускной вечер 1, журнал 1, кофе 1, отказ – 16.

КАШТАН 30 – дерево 8, цветущее дерево 4, орех 3, дерево у забора 1, дерево с колючими плодами 1, дерево с плодами 1, дерево с широкими листьями 1, красивое дерево 1, краска для волос 1, обезьяна 1, раскидистая крона 1, собака Каштанка 1, цветы 1, что-то коричневое 1; отказ – 3.

ЭВРИКА 30 – Архимед в ванной 5, ванна 5, открытие 3, велосипед 2, человек, издающий возглас 2, магазин в Воронеже 1, ученый 1, царские шмотки 1, человек с рукой у лба 1, что-то новое 1; отказ – 8.

РИТМ 30 – музыка 6, бьющееся сердце 5, движущиеся люди 3, ноты 3, дискотека 1, танцующие люди 1, танцы 1, колонки и электрогитара 1, магазин в Воронеже 1, марширующий взвод солдат 1, скрипичный ключ 1, спортивные состязания 1, хор 1; отказ – 4.

Следует отметить, что зрительные образы оказываются более индивидуальными и разнообразными, чем свободные ассоциации, однако в целом результаты выявления зрительных образов хорошо согласуются с результатами свободного ассоциативного эксперимента. Именно те коммерческие наименования, которые вызвали наибольшие затруднения у информантов при описании зрительного образа, характеризуются самой высокой долей отказов в ассоциативном

эксперименте.

Видимо, можно утверждать, что наиболее эффективными оказываются наименования, формирующие конкретный зрительный или чувственный образ. Использование же в качестве коммерческих наименований абстрактных существительных, а также слов, семантически незнакомых аудитории, можно считать не вполне оправданными.

Д) Метод выявления субъективных предпочтений наименования

Испытуемым предлагался приведенный выше список коммерческих названий и вопрос: «В каком магазине Вам хотелось бы сделать покупку?» Испытуемые могли отметить любое количество названий из предложенного перечня. Ниже приводятся коммерческие названия, количество опрошенных испытуемых и частотность упоминания названия в качестве предпочтительного.

Монолит 30 – 9
 Витязь 30 – 8
 Домовенок 30 – 4
 Ваш дом 30 – 18
 Постоялый двор 30 – 6
 Олимп 30 – 8
 Риф 30 – 4
 Обувь 30 – 6
 Усма 30 – 0
 Юлия 30 – 14
 Вояж 30 – 8
 Лорнет 30 – 4
 Карандаш 30 – 6
 Самсон 30 – 4
 Мустанг 30 – 10
 Башмачок 30 – 6
 Альянс 30 – 16
 Каштан 30 – 0
 Эврика 30 – 7
 Ритм 30 – 6

Как видим, высокая частотность упоминаний была отмечена у названий «Ваш дом», «Альянс», «Юлия». Редко упоминались названия: «Домовенок», «Риф», «Лорнет», «Самсон». Ни разу не были отмечены названия: «Усма», «Каштан».

Прямая номинация («Обувь») оказалась недостаточно предпочтительной.

Интересно сопоставить данные этого исследования с результатами эксперимента, в котором изучались индивидуальные дефиниции. Обнаруживается, что непонимание значения слова или неточность понимания совсем не мешает оценивать данное слово как предпочтительное при определении субъективных предпочтений (ср., например «Альянс» и др.). Достаточно любопытным в этом отношении оказывается и коммерческое название «Каштан». Вызывая определенные ассоциации в сознании носителя языка (см. метод

свободных ассоциация), обладая четко выраженным значением, понимаемым носителями языка (см. метод определения дефиниций), оно в то же самое время не попадает в категорию предпочтительных. То есть прямая корреляция между понятиями «предпочтительное коммерческое название», степенью понимания значения лексической единицы, используемой в качестве коммерческого названия, и характером ассоциативных связей слова отсутствует.

Единичные упоминания в качестве предпочтительных названий так называемой прямой номинации, а также случаи единичного упоминания в качестве предпочтительных тех названий, которые с точки зрения большинства опрошенных таковыми не являются, могут быть объяснены предшествующим опытом индивида, местом проживания и частотой посещения учреждения с данным названием. Видимо, контакт с объектом, многократно повторенный, приводит к тому, что человек начинает отдавать предпочтение именно данному объекту. Сказанное целиком и полностью согласуется с мотивационной теорией А. Маслоу.

Е) Метод фоносемантического анализа

В современной психолингвистике уделяется большое внимание исследованиям фонетического значения. Впервые эти значения с помощью опроса большой аудитории стал устанавливать американец Чарльз Осгуд. Для русского языка эти значения в своё время определил А.П. Журавлёв, который с помощью опроса многотысячной аудитории определил качественные характеристики каждого звука русской речи по следующим шкалам:

хороший - плохой,
 красивый - отталкивающий,
 радостный - печальный,
 светлый - темный,
 легкий - тяжелый,
 безопасный - страшный,
 добрый - злой,
 простой - сложный,
 гладкий - шероховатый,
 округлый - угловатый,
 большой - маленький,
 грубый - нежный,
 мужественный - женственный,
 сильный - слабый,
 холодный - горячий,
 величественный - низменный,
 громкий - тихий,
 могучий - хилый,
 веселый - грустный,
 яркий - тусклый,
 подвижный - медлительный,
 быстрый - медленный,
 активный - пассивный.

Каждое слово состоит из комплекса звуков и, естественно, что для оценки воздействия на

человека слова как звукового комплекса необходимо определить общее фоносемантическое значение составляющих данное слово звуков по всем шкалам. В основе компьютерной программы фоносемантического анализа лежит методика А.П. Журавлева с последующей психолингвистической интерпретацией результатов этого анализа.

Использование методики фоносемантического анализа применительно к исследуемой лексике дало следующие результаты (ниже приведены данные в таком порядке: анализируемое слово, соответствующие значимые признаки).

МОНОЛИТ: *хороший, медленный, гладкий, безопасный.*

ВИТЯЗЬ: *светлый, радостный*

ДОМОВЕНОК: *мужественный, сильный, могучий, большой.*

ВАШ ДОМ: *большой, мужественный, простой, сильный, величественный, могучий.*

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР: *грубый, мужественный, шероховатый.*

ОЛИМП: *хороший, нежный, светлый, простой, красивый, гладкий, безопасный, округлый.*

РИФ: *отталкивающий, шероховатый, страшный, угловатый, тихий.*

ОБУВЬ: *хороший, большой, мужественный, простой, сильный, красивый, гладкий, величественный, яркий, округлый, громкий, храбрый, могучий.*

УСМА: *большой, мужественный, темный, простой, холодный, медленный, гладкий, легкий, грустный, низменный, тусклый, печальный.*

ЮЛИЯ: *хороший, нежный, женственный, светлый, слабый, медленный, красивый, гладкий, легкий, веселый, безопасный, яркий, округлый, радостный, добрый.*

ВОЯЖ: *хороший, большой, светлый, простой, сильный, красивый, безопасный, величественный, яркий, округлый, радостный, громкий, храбрый, добрый, могучий.*

ЛОРНЕТ: *хороший, большой, красивый, величественный, громкий, храбрый, могучий.*

КАРАНДАШ: *грубый, мужественный, страшный.*

САМСОН: *простой.*

МУСТАНГ: *большой, мужественный, холодный, могучий.*

БАШМАЧОК: *большой, грубый, мужественный, быстрый, храбрый, могучий.*

АЛЬЯНС: *хороший, большой, светлый, простой, сильный, красивый, гладкий, легкий, безопасный, величественный, яркий, округлый, радостный, громкий, храбрый, добрый, могучий.*

КАШТАН: *шероховатый, страшный, тусклый, тихий, короткий.*

ЭВРИКА: *хороший, большой, мужественный,*

пассивный, простой, сильный, холодный, медленный, красивый, гладкий, безопасный, величественный, яркий, округлый, громкий, длинный, храбрый.

РИТМ: *хороший, яркий, радостный*

Таким образом, анализируя результаты фоносемантического анализа, можем сделать следующие выводы. Яркое фонетическое значение обнаруживается у коммерческих названий: «Ваш дом», «Олимп», «Риф», «Обувь», «Усма», «Юлия», «Вояж», «Лорнет», «Башмачок», «Альянс», «Каштан», «Эврика». Все прочие слова-названия набрали менее пяти ярких характеристик и могут быть отнесены к словам со слабым фонетическим значением. Слова с ярким фонетическим значением могут быть разделены на единицы с позитивным, негативным и неоднозначным фонетическим значением. К числу единиц с позитивным фонетическим значением были отнесены: «Ваш дом», «Олимп», «Обувь», «Юлия», «Вояж», «Лорнет», «Башмачок», «Альянс», «Эврика». В группу слов с негативным фонетическим значением попали: «Риф», «Усма», «Каштан». Неоднозначных (т.е. набравших одинаковое количество позитивных и негативных характеристик) названий в ходе фоносемантического анализа не выявлено.

Комплексный анализ коммерческих названий показывает, что в качестве «благоприятных» коммерческих названий по результатам большинства экспериментов оказываются: «Ваш дом», «Карандаш», «Башмачок». К «умеренно благоприятным» относятся также: «Олимп», «Обувь», «Юлия», «Эврика». Среди «неблагоприятных» коммерческих названий оказались: «Лорнет», «Вояж», «Усма». К последней группе примыкает также название «Монолит».

Опыт комплексного анализа коммерческой номинации показывает, что результаты ассоциативного эксперимента, применение методик определения субъективных дефиниций, субъективных ожиданий, выявления зрительных образов хорошо согласуются друг с другом. Однако выявляется определенное расхождение с результатами опроса, выявляющего субъективные предпочтения. Обнаруживается, например, что непонимание значения слова или неточность понимания совсем не мешает оценивать данное слово как предпочтительное при определении субъективных предпочтений. С другой стороны, четкая ассоциативная ориентированность не является гарантией предпочтительности. Таким образом, прямая корреляция между понятиями «предпочтительное коммерческое название», степенью понимания значения лексической единицы, используемой в качестве коммерческого названия, и характером ассоциативных связей слова отсутствует.

Е.В. Харченко, О.В. Соболева (Челябинск)

Методы исследования образа современного вуза

Исследование поддержано РГНФ № 06-04-854-10а/у

Реформы в области образования, вхождение в общее образовательное пространство Европы, изменение требований к выпускникам вузов спровоцировали изменения в восприятии вуза и процесса образования в целом у носителей разных культур (в первую очередь мы имеем в виду корпоративные, гендерные, возрастные и др.). Целью нашей работы является сопоставление образов вуза, сложившихся в сознании носителей разных культур, что предполагает использование системы методов исследования. Мы считаем, что слишком большие расхождения в восприятии вуза могут вызвать непонимание и конфликты между администрацией вузов, студентами, абитуриентами, родителями, преподавателями и работодателями.

В своей работе мы использовали следующие методы:

- 1) наблюдение за речевыми проявлениями во время ролевых игр;
- 2) изучение рекламных материалов вузов;
- 3) анкетирование;
- 4) метод незаконченных предложений.

1. Наблюдение за речевыми проявлениями во время ролевых игр. При планировании этого эксперимента мы исходили из того, что каждый носитель культуры хранит стереотипы о культурно значимых реалиях, даже если сам человек никогда не был в какой-либо роли. Молодым преподавателям вузов, проходящих повышение квалификации, предложили объединиться в группы: администрация вуза, преподаватели, студенты, абитуриенты, родители. Каждая группа готовила и выступала с предложениями по улучшению работы вуза. Другие группы должны были отгадать, от чьего лица ведется речь. В результате эксперимента был выделен определенный набор стереотипов.

Так, студенты представлены как вечно *недовольные, борющиеся за свои права, такие как уменьшение учебной нагрузки, отмена службы в армии, увеличение стипендии, ослабление контроля знаний*. Также среди желаний студентов фигурирует *наличие высококвалифицированных преподавателей, проведение развлекательных программ, бесплатное питание, введение дополнительных бюджетных мест, гарантированное трудоустройство*.

Преподаватели представляются *опрашиваемым как желающие воспитанных, умных студентов, им требуется гибкий график работы, социальный пакет, профессиональный рост, хороший коллектив, благоустроенные помещения, высокая оплата труда, компетентное руководство*, также важными для них являются *престиж вуза, стажировка за границей*.

Родителей, по мнению опрошиваемых, беспокоит *в государственный ли вуз поступает их ребенок, профессионализм преподавателей, одинаковый подход ко всем студентам, дисциплина, безопасность, недорогое обучение, современность оборудования, большое количество специальностей, престижность высшего учебного заведения, гарантия трудоустройства, перспективность, обратная связь вуза и родителей*.

Группа, отвечающая от лица абитуриентов, отчасти указала те же критерии, что и группа «родителей». Однако также был выделен ряд реакций, характеризующих абитуриентов как *стремящихся к свободному и легкому обучению (неназойливые учителя, экзамены 1 раз в год, большие перемены и т.д.)*.

Администрация, по мнению респондентов, стремится к *дисциплине, профессионализму преподавателей, хорошей материальной базе, высокому статусу вуза, его конкурентоспособности, поддержке власти, обратной связи с выпускниками*.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сознании людей существует набор стереотипов, характеризующий ту или иную группу людей.

2. Изучение рекламных материалов вузов. Для выявления образа вуза, закрепившего в языковом сознании администрации, мы обратились к сайтам ведущих вузов и текстам выступлений на днях открытых дверей. Наибольшее внимание уделяется *техническому оснащению вуза, современному оборудованию, библиотечному фонду, квалификации специалистов («первоклассные специалисты», «ведущие преподаватели», «факультет располагает современной компьютерной техникой»)*.

Выделяются и преимущества обучения именно в конкретных вузах. Так, в большинстве печатных материалов отмечается наличие довольно *широкого спектра специальностей, возможность производства практики на лучших предприятиях области, страны и даже за границей, получение фундаментальных знаний, наличие новейших дисциплин («особое внимание кафедры обращено на научно-исследовательскую работу студентов», «студенты регулярно стажировались в университетах Европы и Америки»)*.

Многие, хотя и не все, вузы также пытаются привлечь абитуриентов интересной внеаудиторной деятельностью: *возможностью занятий спортом, художественной самодеятельностью, а также наличием профилакториев, баз отдыха*. Качество обучения также является одним из приоритетных направлений рекламы российских вузов. Все без исключения вузы отмечают *качественное образова-*

ние, которое получают их выпускники, первоклассных преподавателей, элитное/классическое образование («Выбери качественное обучение», «За период обучения студенты получают фундаментальный комплекс знаний, смогут профессионально ориентироваться...», «Классическое университетское образование в сочетании с новейшими дисциплинами»).

Ориентация на будущее преобладает во всех рекламных материалах и выступлениях. Чаще всего здесь используются такие понятия, как «карьера», «успешные выпускники», «востребованность выпускников», «достойная оплата», «руководящие должности», «престижное трудоустройство». Особого внимания заслуживают такие лозунги, как «Математика + Экономика – это современно!», «Математика + Экономика – это перспективно!»

Таким образом, по мнению администрации вуза современный абитуриент должен стремиться получить престижную и перспективную профессию, быть заинтересованным в самом процессе обучения, быть активным, целеустремленным. Главными приоритетами для него являются престиж, высокая оплата труда, качество образования, современность (инновационность) методик, гибкость.

3. Анкета «важно/ выполнено». Для определения того, что на самом деле важно для студентов, каковы их потребности и представления об идеальном вузе, мы провели письменное анкетирование. В опросный лист были включены 26 критериев, отражающих различные аспекты жизни студента в университете. При подборе критериев мы использовали результаты ранее проведенных исследований. Были проанкетированы студенты восьми челябинских вузов (государственных и негосударственных), разных специальностей, всего 415 человек. Каждый критерий оценивался респондентами в баллах от одного до пяти, где 1 – совсем не важно, 5 – очень важно. Студентам также была предоставлена возможность самим дописать, что, на их взгляд, является важным для вуза. В ходе эксперимента обозначилась довольно отчетливая разница в ответах студентов начальных курсов (1,2) и старших курсов.

Проанализировав результаты данного эксперимента, мы можем утверждать, что самым важным как для абитуриентов, так и для студентов, является следующее: *уважительное отношение к студентам (со стороны преподавателей, администрации, службы безопасности), получать необходимые для профессиональной деятельности знания, хорошее состояние учебных помещений (хорошее освещение, отопление, своевременный ремонт аудиторий, лабораторий), соблюдение прав студента.* Эти критерии в среднем получили 4,8-4,9 баллов. Таким образом, отчасти это совпадает со стереотипным представлением о студентах, полученным при ролевом эксперименте. Однако лишь два из этих критериев четко и полно отображены в рекламе, представляемой вузами.

Затем критерии оценки вуза у абитуриентов и студентов старших курсов расходятся. Так, для

абитуриентов следующими по значимости выступают: *отсутствие конфликтов с преподавателями, наличие в библиотеке необходимых для обучения книг, современное оборудование аудиторий.* Для студентов же на первый план выходят: *наличие свободного от учебы времени, квалификация преподавателей.*

Наименее всего и абитуриенты, и студенты заинтересованы в наличии *систематического контроля знаний и успеваемости студентов, преподавателей из других стран, известности преподавателей за пределами вуза, возможности учиться в небольших группах (10-15 чел.), участия в управлении факультетом.* Эти критерии получили среднюю оценку в 3,2-3,6 баллов. Вместе с этим, студенты считают важным возможность *проявлять свои творческие способности, развлекательные мероприятия в вузе,* также очень часто отмечается *необходимость хорошего питания и наличие оборудованных для этого помещений.* Среди часто указываемых пожелания также фигурируют *«больше понимания и доброго отношения», «повысить уровень практического обучения студентов».*

Таким образом, мы приходим к выводу, что в ходе обучения система ценностей студентов меняется, как меняется и образ идеального вуза. В данном исследовании мы считаем результаты, полученные при анкетировании студентов младших курсов, применимыми к характеристике отношения абитуриентов, их потребностей и представлений. Ответы студентов 3-5 курсов используется для характеристики потребностей студентов.

4. Метод незаконченных предложений. Данное исследование позволило подтвердить и «проиллюстрировать» полученные ранее результаты. Проективные методы исследования, к которым относится в первую очередь ассоциативный эксперимент и метод незаконченных предложений, позволяют выявить не до конца осознаваемые и не выражаемые реципиентом прямо реалии. Авторский вариант теста представляет 26 незаконченных высказывания, объединенных общей темой «Обучение в вузе». Испытуемым предлагалось продолжить 13 из 26 предложений за ограниченный период времени. В результате проведенного исследования мы выявили «сферу тревог» (то, чего студенты опасаются) и «сферу надежд» (то, к чему они стремятся).

Цель обучения: *получить знания и овладеть профессией// приобрести те навыки, которые в дальнейшем позволят человеку обрести уверенность в завтрашнем дне// практический опыт независимо от области познания// мне интересно, когда вижу применение этому в жизни// приобрести знания// человек получает те знания, которые сможет применить в жизни// новые компьютерные программы, помогающие в работе и учебе// получить дополнительные навыки// я вижу от этого реальную пользу, мне это нравится и интересно// получить хорошие знания// знаю, что полученные мною знания будут мне полезны// мне интересно, и я знаю, что смогу применить свои знания// возмож-*

ность дальнейшего применения полученных знаний// на практике применить свои теоретические знания// получить знания, которые мне пригодятся// усвоить новые знания и потом найти им применение// получение дополнительных знаний// узнать новую информацию о данном виде деятельности, на основе чего проделать свою работу// добиться той цели, которую я преследую в будущем// научить студента самостоятельно, без помощи преподавателя использовать свои знания// желание разнообразить свою жизнь, узнать что-либо новое, познакомиться с новыми людьми// чтобы освоить к-л новую информацию для дальнейшего ее применения на практике// узнать что-то новое// узнавать интересные факты// нехватка дополнительных знаний// нехватка информации в определенной области// поможет в моей будущей исследовательской работе// моя заинтересованность// желание повысить квалификацию// повысить свой культурно-интеллектуальный уровень.

Можно отметить, что современные студенты нацелены на полезные и практичные знания, которые они смогут применить в жизни. Редкие высказывания свидетельствуют о формальном подходе, когда важен только диплом: нужно получить какое-то образование и пойти работать// получить высшее образование.

Результат обучения зависит от: наличия конкретного наглядного материала, необычных заданий и «живых» примеров// заинтересованности студентов и доброжелательного отношения и опыта преподавателей// эмоционального состояния// степени заинтересованности слушателя в этом материале, средствах подачи материала// моего желания изучать этот предмет// взаимодействия преподавателя и слушателей// атмосферы во время занятий// того, чтобы преподаватель и слушатель нашли общий язык// желания учиться// общего состояния преподавателей и слушателей// желания:)// отношения слушателей друг к другу// самочувствия// наличия мозгов// количества часов, которые они проспали ночью// внимания, квалифицированных преподавателей интересных вопросов и творческих заданий// взаимоотношений// интереса узнать новую информацию о данном виде деятельности, на основе чего проделать свою работу// знания материала преподавателем// мотивации// предшествующего уровня подготовки обучаемого// взаимоуважительные и равноправные отношения// когда относятся хорошо, это придает уверенности, а плохого лучше не замечать.

Несмотря на то, что качество отношений является важным условием обучения, преподаватель не имеет права на **лишние эмоции**, особенно если они негативные: показывают свое плохое настроение на работе// не могут сдерживать свои эмоции (отрицательные)// постоянно повышают голос// постоянно кричат на паре и оскорбляют тебя// переносят личное отношение к студентам (хорошее или плохое) на процесс образования// не могут держать себя в руках, позволяют себе истерики и оскорбления.

Возросло требование к **квалификации преподавателей**: не любят свою работу и непрофессиональны// свою личную жизнь смешивают с работой и которые сами не знают материала// «забывают» на собственный предмет// понимая, что их материал неинтересен, не нужен и уже устарел, все равно его дадут// профессиональность преподавателя (очень важно, чтоб преподаватель разбирался в том, чему он учит студентов)// не могут донести материал до студентов// «не общаются» со своими студентами (т.е. которые «сухо» читают лекции, без «обратной связи»)// не знают свой предмет// не могут заинтересовать и сами не увлечены своим предметом.

Важной является **оценка работы**, выполненных заданий преподавателем, озвучивание и комментирование: надменные, наглые, им не важна работа студента// говорит, что понравилось на занятии и над чем поработать еще// что понравилось или не понравилось в работе// как мы отвечали на уроке// в работе (выступлении) студента// о работе сказали что-то хорошее// игнорируют меня. Преподаватель был доволен: когда студенты «не очень» готовы с д/з// отдачей студентов// моей работой на паре// группой// если даже не готово д/з// нашим новаторским подходом и проделанной дополнительной работой// моей работой (д/з, работой на уроке).

Можно отметить и **инициативность** студентов, которые выразили желания: увидеть своими глазами практическое применение приобретенных знаний// получить какие-то льготы, если учиться на контрактной основе// выбора дисциплин, которые ему наиболее интересны// получить знания по тем предметам, которые интересны для него// избрать свой путь обучения// бесплатно пользоваться Интернетом// выбирать сам тему своей исследовательской работы и практики// дополнительные ресурсы обучения (открыли дополнительные возможности)// самостоятельно выбрать профилирующий предмет// советоваться с преподавателями и делиться мнениями// выбирать дополнительные предметы сам (при условии присутствия преподавателей)// высказывать свои пожелания по поводу организации и проведения занятий// влиять на выбор учебных пособий, преподавателей. Очень важно, чтоб мнения студента было придано рассмотрению.

Интересны данные **характеристики сокурсников, одногруппников**: не должны мешать преподавателю работать// помогают друг другу// очень интересные люди, у которых можно многому научиться// единомышленники// стараются запомнить материал с одной стороны, усвоить его с другой// мои друзья// самые добродушные и классные// внимательно слушают и сами делают интересную работу.

О том, что зачастую демократизация процесса преподавания не смогла преодолеть **авторитарность** отдельных преподавателей говорят высказывания: преподаватели не любят, когда студенты

слишком сильно проявляют свое «я»// к тебе относятся неуважительно.

Неизменными остались **вечные студенческие «ценности»**: *поспать между третьей и четвертой парами// распорядиться своим личным временем без вмешательства органов обучения// беспаникованность// комната отдыха с диванами// нужно больше времени// нагрузка не чрезмерна и учебный процесс проходит естественно// когда я отдохнувшая и выпавшаяся// уделять учебе больше времени// нужно побольше спать!!! (след-но, задавать не так много дом. заданий)// нужно больше отдыхать// распределение времени, соотношение своих желаний и возможностей// необходимо высыпаться.*

Подытоживая проделанную работу можно с уверенностью сказать, что на первом месте у всех групп находится профессионализм преподавателей, затем уважительное отношение к студентам (со стороны преподавателей, администрации, службы

безопасности) и качественное образование, которое предполагает полезные, применимые на практике знания. В связи с этим особо хочется отметить важность целенаправленного обучения преподавателей не только психолого-педагогическим технологиям, но и профессиональному общению, что предполагает обучение модульному ролевому поведению в сфере «человек-человек».

Таким образом, использование системы психолингвистических методов при изучении образа, сложившегося в языковом сознании носителей разных культуры является актуальным и объективным, поскольку позволяет выявить зачастую скрытые, глубинные уровни сложившихся стереотипных представлений, которые могут существенно снизить эффективное взаимодействие между представителями разных групп. Полученные результаты необходимо учитывать при составлении рекламных материалов и выработке стратегии развития вузов.

Ж.И. Фридман (Воронеж)

Методика анализа значения слова в языковом сознании носителей русского языка

Термин "языковое сознание" широко используется в современных психолингвистических исследованиях [Балашова 2005; Бугорская 2003; Вепрева 2002; Долинский 2003; Кудряшова 2003; Попова, Стернин 2002; Уфимцева 2003; Ушакова 2004; Языковое сознание ... 2000, 2003]. Данное понятие возникло в московской психолингвистической школе, а сформировалось под влиянием книги Ю.Н. Караулова "Русский язык и языковая личность" [1987]. До сих пор этот термин является недостаточно определенным.

Одно из первых определений термина "языковое сознание" приводится в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой: "Сознание языковое – особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившее его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка" [СЛТ 1966: 188].

Далее понятие "языковое сознание" стало рассматриваться "как совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях, о нормах произношения, словоупотребления..." [Блинова 1989: 122]. В таком понимании данный термин восходит к работам И.А. Бодуэна де Куртенэ ("языковые представления", "чутье языка народом"), Л.В. Щербы ("лингвистический инстинкт", "языковое чутье") и др.

Некоторые лингвисты считают необходимым разграничить лингвистические и психологические подходы к языковому сознанию [Стеценко 1988:

170]. Так, психологический подход к языковому сознанию заключается в определении того, что человеку дает употребление языка и осуществление речевых процессов. При таком подходе языковое сознание рассматривается как один из уровней в структуре целостной картины мира человека. Лингвистический же подход к языковому сознанию должен быть ориентирован на то, какую роль в функционировании системы языка играет реальный внеязыковой контекст жизнедеятельности человека, в том числе реализация им коммуникативных задач.

Слово обычно в языковом сознании человека многозначно. Как считает В.В. Виноградов, «вне зависимости от данного его употребления, слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов 1986: 14].

Как считает И.А. Стернин, целесообразно говорить о двух типах лексического значения слова [Стернин 2005]. Первое значение, называемое в лингвистике системным, фиксируется в словарях и формулируется лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Исследователь предлагает назвать такое значение лексикографическим, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Лексикографы априори исходят из того, что именно в данном семантическом объеме понимают

и употребляют это слово большинство носителей языка.

Однако психолингвистические эксперименты со словом доказывают, что это далеко не так. Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, многие признаки реально функционирующего в речи значения слова не отражены в словарных толкованиях. Поэтому следует говорить о существовании еще психологически реального значения слова.

«Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полемому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости» [Стернин 2005: 5].

Психологически реальное значение является теоретическим конструктом. А.А. Залевская отмечает, что "... весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка. ... Мы можем лишь строить *определенные предположения, модели и подобное* в отношении того, что не поддается прямому наблюдению" [Залевская 2003: 32].

Психолингвистическое значение слова можно изучить, проанализировав все контексты употребления слова или экспериментальными методами. Экспериментальная методика не отрицает контекстуального и логического анализа значений. Как указывает И.А. Стернин, "экспериментальные методы исследования значений требуют больших затрат, чем логический анализ значения, но они оказываются несравненно более эффективным и экономным путем определения психологически реального значения слова, чем контекстуальный анализ" [Стернин 1981: 122].

Одним из наиболее распространенных приемов изучения психологически реального значения слова является ассоциативный эксперимент, поскольку он выступает одним из способов "овнешнения языкового сознания" [Тарасов 2000: 3], а получаемые в результате ассоциативные поля позволяют описывать образы, существующие в сознании носителей языка.

В нашем исследовании в качестве метода мы используем свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент является одним из способов доступа к сознанию человека. Исследование языкового сознания с помощью данного вида эксперимента дают возможность выявить системность содержания образа сознания и системность сознания носителя языка. Ассоциативный эксперимент позволяет реконструировать различные связи

языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речевых произведений.

Свободный ассоциативный эксперимент проводился в письменной форме, каждой группе информантов предлагалось по 10 слов, из которых 5 слов – фоновая лексика.

Слова, предлагавшиеся в качестве стимулов: *благородство, борьба, война, гость, грех, долг, жадность, жалость, жертва, зависимость, закон, ложь, наказание, насилие, независимость, несправедливость, обязанность, ответственность, помощь, правда, преступник, признание, родина, самостоятельность, семья, слова, совесть, справедливость, труд, уважение*.

При обработке результатов строилось ассоциативное поле стимула – сводное описание реакций на данный стимул, выстроенное от наиболее частотной реакции к наименее частотной. Ассоциативное поле выступает в дальнейшем как исходный языковой материал для описания психологически значения слова.

Ассоциативное поле в дальнейшем подвергается процедуре семантической интерпретации.

Под *семантической интерпретацией* понимается интерпретация значений полученных ассоциатов как семантических компонентов (сем) значения слова-стимула, а также группировка полученных семантических компонентов в семемы (отдельные значения) по общности их денотативной отнесенности.

Не включаются в описание сугубо индивидуальные ассоциации, которые не получают конкретной смысловой интерпретации (признание – *стекло, долг – мороз*).

Семантическая интерпретация результатов ассоциативного эксперимента осуществляется как последовательность следующих шагов.

1. Семная интерпретация ассоциатов

Значения ассоциатов интерпретируются (формулируются) как значения семантических компонентов, образующих значение слова-стимула. При этом происходит обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты, называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется.

Например, ассоциаты *Конституция 37, Уголовный Кодекс 15, кодекс 14, книга, указ 11, статья, устав 5, постановление 1* на слово-стимул *закон* описываются как разные реализации семантического компонента *постановление*, который получает суммарную частотность 99 и т.д.

Обобщаются однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи, синонимами и т.д., то есть ассоциаты, в разной языковой форме номинирующие один и тот же семантический компонент.

2. Семемная атрибуция семантических компонентов.

Семы объединяются в отдельные группы, которые вычлняются на основе различной денотативной отнесенности семантических компонентов. В результате становится ясным количество разных семем, представленных в психологически реальном значении слова-стимула, и каждая семема оказывается представленной набором некоторых семантических компонентов.

Например, для стимула ЗАКОН семемная атрибуция имеет следующий вид:

Первая группа сем: *обеспечивает порядок 140, выражается в форме постановления 99, его издают высшие органы государственной власти 62, гарантирует определенные права 40, олицетворяет справедливость 37, может быть интерпретирован в любую сторону 24, последствием нарушения является наказание 16, направлен против преступников 12, опубликован в книгах 12 и т.д.;*

Вторая группа сем: *обеспечивает порядок 140, правило общественного поведения 19, оценивается негативно 18, накладывает определенные обязанности на человека 12, оценивается позитивно 8, норма 8, является строгим 8, заставляет подчиняться себе 6, свод правил морали 4, определяет границы дозволенного 2 и т.д.;*

Третья группа сем: *послушание 9, страх 1;*

Четвертая группа сем: *догма 7, Божий 2, Библия 2, заповеди 1;*

Пятая группа сем: *юриспруденция 2, наука 2;*

Шестая группа сем: *взаимосвязь явлений 3, развитие цивилизации 2, Архимед 1, природы 1, физика 1;*

Седьмая группа сем: *правила игры 4, основные положения чего-либо 2.*

Такие семы, как *обеспечивает порядок, накладывает определенные обязанности на человека, оценивается негативно, оценивается позитивно, заставляет подчиняться себе* и нек. др. повторяются в ряде значений, что связано с многозначностью ассоциатов и семантической близостью выделяемых значений.

3. Формулирование психологически реальных значений

Выделенные на предыдущем этапе значения теперь формулируются как упорядоченное *связное перечисление* экспериментально выявленных семантических компонентов каждого значения в их связи друг с другом.

Каждое значение формулируется отдельно, указывается общее количество испытуемых, актуализировавших это значение; при каждой семеме указывается количество испытуемых, объективиро-

вавших эту сему в ходе эксперимента.

Ср. ЗАКОН:

1. (709 ии) *Постановление 99 высшего органа государственной власти 62, обеспечивает порядок 140, обязателен для судебной власти 72, для исполнительной власти 22, гарантирует гражданам определенные права 40, подлежит неукоснительному исполнению 40, необязателен для исполнения 7, последствием нарушения является наказание 16, накладывает на человека определенные обязанности 12, направлен против преступников, опубликован в книгах 12, может быть интерпретирован в любую сторону 24, олицетворяет справедливость 37, выступает помехой некоторым желаниям 19, правду 13, оценивается негативно 18, позитивно 8, является строгим 8, заставляет подчиняться себе, не работает 6, характеризуется постоянством 5, един для всех 4, является необходимостью 3, в случае несоблюдения наступает анархия 3, на него может быть наложен запрет, неизбежен, нечто расплывчатое, обладает силой, определяет границы дозволенного 2, вызывает уважение, выражается в словах «Клянусь говорить...», дает свободу, ему посвящены журнал, кинофильм, телепередача, художественное произведение, не имеет силы, нечто несбыточное, определяет равноправие, помогает найти выход, растяжимое понятие 1, символами являются каменная стена 4, лабиринт, Фемиды, щит и меч 2, столы 1.*

2. (234 ии) *Правило общественного поведения 19; норма 8; свод правил морали 4, обеспечивает порядок 140, накладывает определенные обязанности на человека 12, оценивается негативно 18, позитивно 8, является строгим 8, заставляет подчиняться себе 6, является необходимостью 3, не писан, определяет границы дозволенного, является учебником жизни 2, может быть жизненным, моральным 1.*

3. (12 ии) *Догма 7, формой выражения является Библия 4, заповеди 1.*

4. (10 ии) *Система нравственных ценностей, предполагает послушание 9, вызывает страх 1*

5. (9 ии) *Взаимосвязь явлений действительности 3, определяет развитие цивилизаций 2, проявляется в природе 1, его изучал Архимед, а в настоящий момент физика 1.*

6. (6 ии) *Правила игры 4, основные положения чего-либо 2.*

7. (4 ии) *Наука юриспруденция 4.*

4. Полевая стратификация психологически реального значения слова

Далее осуществляется полевая стратификация исследуемого психологически реального значения. Осуществляется также полевая стратификация семантемы слова в целом (совокупности взаимосвязанных значений слова).

Ядро каждой семеме составляют наиболее яркие семантические компоненты, менее яркие составляют периферию семем. Яркость сем определяется

аналогично яркости семем – по относительному количеству испытуемых, актуализировавших тот или иной семантический компонент в условиях эксперимента.

Полевая организация выделенных значений слова ЗАКОН будет иметь следующий вид:

1. (709 ии) **Постановление высшего органа государственной власти**

(В.В. Путин подписал новый закон).

Ядро: порядок 19,3%,

Ближняя периферия: постановление 13, 7% высшего органа государственной власти 9,4%, является основой деятельности судебной власти 6,8%, характеризуется позитивно 6,2%, за несоблюдение его может последовать наказание 5,8%, его нужно исполнять 5,6%, может быть интерпретирован в любую сторону 3,2%, накладывает на человека определенные обязанности 3%, ограничивает деятельность людей 2,3%, подлежит неукоснительному исполнению 2%, обязателен для исполнительной власти 1,8%, опубликован в книгах 1,5%, характеризуется негативно 1,5%,

Дальняя периферия: направлен против преступников 1,1%, его не нужно исполнять 0,7%, символизируется каменной стеной 0,6%, лабиринтом, Фемидой 0,3%,

Крайняя периферия: ему посвящается журнал, кинофильм, телепередача "Человек и закон", вызывает образ столпа 0,1%.

2. (234 ии) **Правило общественного поведения**

(В высшем свете его не принимали, поскольку он не соблюдал его законов).

Ядро: порядок 58,5%,

Ближняя периферия: оценивается позитивно 18,8%, его нужно выполнять 17,9%, правило общественного поведения 11,1%, ограничивает деятельность людей 6,8%, накладывает определенные обязанности на человека 5,1%, оценивается негативно 4,7%,

Дальняя периферия: его не нужно выполнять 2,1%,

Крайняя периферия: отсутствует.

Остальные значения не могут быть стратифицированы из-за бедности полученного описания их смыслового содержания.

Полевая стратификация семантемы

Моделирование семантемы слова в процедуре описания психологически реального значения слова предполагает полевое описание структуры семантемы.

По количеству испытуемых, актуализировавших разные значения исследуемого слова, можно представить иерархию значений в смысловой структуре исследуемого слова, вычислив индекс яркости значения как отношение числа испытуемых, актуализировавших данное значение в эксперименте к общему числу испытуемых. Основным значением слова ЗАКОН, несомненно, будет являться первое значение (индекс яркости 86,5%).

Ядро семантемы

Постановление высшего органа государственной власти – 86,5%

(В.В. Путин подписал новый закон)

Ближняя периферия

Правило общественного поведения – 28,5%

(В высшем свете его не принимали, поскольку он не соблюдал его законов).

Дальняя периферия

Догма – 1,5%

(Законы Моисея)

Крайняя периферия

Система нравственных требований – 1,2%

(Нельзя нарушать законы религии)

Взаимосвязь явлений действительности – 1%

(Дерева сажать нужно в определенное время года в соответствии с законами природы)

Принятые правила какой-нибудь игры – 0,7%

(Объясните мне законы игры в шахматы)

Юриспруденция – 0,5%

(Пересдача закона назначена на завтра)

Таким образом, экспериментальное описание психологического значения слова позволяет выявить не только психологически реальные для языкового сознания семантические компоненты, образующие значение, но и дает возможность выявить психологически реальный набор значений слова, определить основное и неосновные значения и ранжировать их по психологической яркости в смысловой структуре слова.

Кроме того, результаты экспериментального исследования позволяют определить ядро и периферию каждого значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (социолингвистический подход): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Балашова. -Пермь, 2005.
2. Бугорская Н.В. Язык как форма сознания / Н.В. Бугорская // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты: сб. статей / [под общ. ред. В.А. Пищальниковой]. -М., Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2003.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

4. Долинский В.А. Языковое сознание и ассоциации / В.А. Долинский // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. -Москва, 29-31 мая 2003 г. / [ред. Е.Ф. Тарасов]. -М.: ИЯ РАН, 2003.
5. Кудряшова И.А. О психолингвистическом анализе языкового сознания адресата при реагировании на косвенно-побудительный стимул / И.А. Кудряшова // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. -Москва, 29-31 мая 2003 г. / [ред. Е.Ф. Тарасов]. -М.: ИЯ РАН, 2003. -М., 2003.
6. Попова З.Д. Концептуальная картина мира и языковое сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Вузовская наука начала XXI века - гуманитарный вектор: Юридические науки. Литературоведение. Языковедение. Психология: Материалы I Всероссийской научной заочной конференции. Екатеринбург, апрель-май 2002 г. -Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
7. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. -2003. -№1.
8. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб-к статей / [под общ. ред. Н.В. Уфимцевой]. -М., Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2004.
9. Языковое сознание и образ мира: сборник статей / [под ред. Н.В. Уфимцевой]. -М.: Ин-т языковедения РАН, 2000.
10. Языковое сознание: устоявшееся и спорное: материалы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 29-31 мая 2003 г.) / [отв. ред. Е.Ф. Тарасов]. - М.: ИЯ РАН, 2003.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. -М.: Наука, 1987.
12. Словарь лингвистических терминов / [под ред. А.А. Ахмановой]. -М.: Советская энциклопедия, 1966.
13. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации / О.И. Блинова // Язык и личность. -М.: Наука, 1989.
14. Стеценко А.П. Психолингвистический и лингвистический подходы к проблемам языкового сознания / А.П. Стеценко // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая - 2 июня 1988. -М.: ИЯ РАН, 1988.
15. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: уч. пособие / В.В. Виноградов / [отв. ред. Г.А. Золотова]. -М.: Высшая школа, 1986.
16. Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? / И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вып. 7 / [науч/ ред. И.А.Стернин]. -Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005.
17. Стернин И.А. Психологически реальное значение слова и его изучение / И.А. Стернин // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвузов. тематич. сб-к. -Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981.
18. Залевкая А.А. Языковое сознание: вопросы теории / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. - 2003. -№1
19. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. -М: ИЯ РАН, 2000.

Е.О. Атланова (Борисоглебск)

Экспериментальное исследование значения слова *гламурный* в языковом сознании носителей русского языка

Основатель отечественной психолингвистики А.А. Леонтьев, комментируя результаты исследования Дж. Диза, полагал, что они ясно показывают саму возможность выделить на основе формальной обработки данных ассоциативного эксперимента факторы, которые можно интерпретировать содержательно как семантические компоненты слов [Белянин 2004: 131]. Ассоциативный эксперимент даёт возможность выявить в структуре значения слова психологически реальные компоненты, что позволяет говорить о возможности выявления психологически реального значения слова. Данный тип значения гораздо шире и объёмней, чем отраженное в словаре «лексикографическое» значение [Попова, Стернин 2006: 4].

Целью работы является исследование значения нового для русского языка слова *гламурный*. Данное слово пока не получило лексикографической

фиксации в современных словарях [Баш, Боброва 2005; Москвин 2006]. Была поставлена задача определить значение данного слова экспериментальным путём. Нами было проведено два эксперимента: исследование методом субъективной дефиниции и методом подбора синонимов к слову-стимулу.

В первом эксперименте информантам была предложена следующая инструкция: «Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем, как люди осваивают новые слова. Дайте, пожалуйста, своё определение слова *гламурный*».

Было опрошено 100 человек (51 мужчина и 49 женщин) в возрасте от 16 до 68 лет. Многие испытуемые дали более одной дефиниции; было получено 99 реакций и 35 отказов.

гламурный 99 – модный 14; красивый; изысканный 7; современный; стильный 4;

особенный; сексуальный; необычный; шикарный 3; блестящий; гляцевый; дорогой; интересный; красочный; обаятельный; очаровательный; прекрасный 2; великосветский; вычурный; заумный; знаменитый красавец на обложке журналов («Гламур»); из гламура; изящный; интимный; класса люкс; лоцёный; любовный; лямур; милый; на пике моды; необычный стиль; новомодный; новый; откровенный; пафосный; прелестный; привлекательный; своеобразный; со страниц журнала; супер; супермодный; утонченный; холёный; цвет непонятного; чаще всего наряд; что-то из женского журнала «Гламур»; что-то обольстительное, завораживающее, обладающее какой-то особенной аурой; шик; элитный; эпатажный; эротичный; яркий 1; отказ – 35.

По результатам эксперимента отмечается большое количество положительных реакций на слово-стимул: *красивый, изысканный, модный, изящный, прелестный* и др.

Отметим, что информанты пытались объяснить значение слова, которое находится на этапе формирования значения при помощи новообразований: *новомодный; супермодный.*

Так же при анализе были выявлены и некоторые отрицательные реакции – *эпатажный, пафосный, заумный, лоцёный, холёный, вычурный.*

Таким образом, по данным эксперимента «субъективные дефиниции» *гламурный* – это прежде всего *модный, красивый, изысканный, современный, стильный, особенный, сексуальный, необычный, шикарный.*

При проведении второго эксперимента информантам предлагалась следующая инструкция: «Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем, как люди осваивают новые слова. Приведите, пожалуйста, синоним слова *гламурный* или замените предложенное слово близким по значению словом».

Было опрошено 100 человек (46 мужчин и 54 женщины), в возрасте от 17 до 63 лет. Так как некоторые информанты приводили более одного синонима, то общее количество полученных реакций более 100. Результаты таковы:

гламурный 82 – модный 10; красивый 9; шикарный 5; блестящий 4; гляцевый; стильный 3; изысканный; любовный; очаровательный; сексуальный; сверкающий; светский; современный стиль; элитарный; элитный; вычурный 2; «гарный»; богатый; веселый; возвышенный; выгодный; дорогой; журнальный; имидж; интимный; клёвый; красочный; лоцёный; любвеобильный; неестественный; необычный; неожиданный; обаятельный; обворожительный; пафосный; потрясающий; престижный; приятный; роскошный; сладкий; хорошенький; яркий; относящийся к элитным, экспрессивным тусовщикам 1; отказы – 43.

По результатам эксперимента «подбор симиляров» *гламурный* – это прежде всего *модный, красивый, шикарный, блестящий, гляцевый, стильный.*

Так же при анализе были выявлены отрицательные реакции: *вычурный, неестественный.*

Таким образом, экспериментальные исследования свидетельствуют, что на данном этапе значение слова *гламурный* находится в стадии формирования, об этом свидетельствует большое количество синонимов и, следовательно, высокий индекс синонимического разнообразия номинации – 0,44 (отношение синонимических реакций к общему числу реакций). Наиболее частотные реакции совпали в двух экспериментах: *гламурный – модный* и *красивый*, что свидетельствует о ядерности данных семантических компонентов в значении исследуемого слова.

Обобщая полученные результаты, охарактеризуем значение слова *гламурный* на современном этапе развития русского языка. *Гламурный – модный, красивый* (ядро значения), *изысканный, современный, шикарный, яркий, престижный, изысканный* (ближняя периферия).

Отметим наличие наряду с положительными и отрицательных семантических признаков: *вычурный, неестественный, пафосный, холёный, лоцёный, эпатажный.* Наличие противоречивых оценок в содержании слова также свидетельствует о том, что значение исследуемого слова находится в стадии формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В.П. Психолингвистика – Москва: Флинта, 2004.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – Москва: Русские словари. Астрель. Аст, 2003
3. Большой словарь иностранных слов // А.Ю. Москвин – Москва: Центрполиграф, 2006
4. Современный словарь иностранных слов // Баш Л.М., Боброва А.В. и др. – Москва: Цитадель, 2005
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка – Воронеж: Истоки, 2006

М.В. Шаманова (Борисоглебск)

Экспериментальные исследования и когнитивный анализ

Термины «сознание», «языковое сознание» в настоящее время активно применяются в лингвистике, психолингвистике, когнитологии, культурологии, они используются для обозначения тематики симпозиумов и конференций по психолингвистике и когнитивной лингвистике.

В то же время нет единства в толковании этих понятий, прежде всего в определении языкового сознания. В 1988 году И.Н. Горелов отмечал, что "языковое сознание функционирует в научных текстах не как однозначное терминосочетание, а в качестве интуитивно найденного обозначения различных "ясно-смутных" представлений об обозначаемых, часто синонимичных "языковому мышлению" [Горелов 1988: 46-47]. На неопределенность этого термина указывают в своих работах Т.Н. Ушакова [Ушакова 2000: 13], А.А. Залевская [Залевская 2000: 92] и ряд других исследователей.

А.А. Залевская подчеркивает, что «важно различать общее понятие "универсального", или "глобального", сознания/мышления и частные понятия языкового/речевого сознания/мышления, которые фигурируют наряду с понятиями знакового сознания, когнитивного сознания, метаязыкового сознания, неязыкового сознания и т.д.» [Залевская 2000: 92].

Для исследования коммуникативных категорий важно различие когнитивного сознания, коммуникативного сознания и языкового сознания. И.А. Стернин и З.Д. Попова следующим образом разграничивают указанные понятия.

Языковое сознание определяется как «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека». Коммуникативное сознание понимается как «совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил ведения общения. Для русского человека это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России». Коммуникативное сознание включает языковое, но не исчерпывается им. И языковое, и коммуникативное сознание являются составной частью когнитивного сознания [Попова, Стернин 2007: 32, 34].

Под коммуникативными категориями понимаются наиболее общие по своему содержанию коммуникативные концепты, содержащие наиболее существенную для коммуникативного сознания и обобщенную коммуникативную информацию.

Коммуникативные категории содержат информацию о том, «как тот или иной носитель языка

понимает категоризируемое явление, что он включает в состав данного явления» [Попова, Стернин 2002: 30-31].

Е.Ф. Тарасов отмечал: «Непосредственная ненаблюдаемость сознания (в том числе и языкового сознания) ставит исследователя перед проблемой формирования объекта анализа. Дело в том, что знания о сознании как объекте анализа целиком зависят от средств и операций познавательной деятельности. При анализе языкового сознания такими средствами в первую очередь являются вербальные овнешнения, обеспечивающие опосредованный доступ к сознанию...» [Тарасов 2003: 6].

Для выявления языковых средств овнешнения сознания применимы как лингвистические методики (использование словарей, текстов), так и психолингвистические (экспериментальные) процедуры.

Отметим, что использование исключительно лингвистических методов ограничивает возможности полного, комплексного исследования той или иной ментальной категории. Опора только на данные словарей оказывается недостаточной. Экспериментальные процедуры значительно расширяют возможности описания содержания категории в современном сознании, данные экспериментов позволяют описать гендерную, возрастную, социально-территориальную специфику содержания и структуры категории.

Для описания содержания коммуникативной категории *общение* мы использовали следующие экспериментальные методики: свободный ассоциативный эксперимент, метод субъективных дефиниций, направленный ассоциативный эксперимент, подбор симиляров.

Период проведения экспериментов – 2002-2005 гг. Эксперименты проводились преимущественно в индивидуальной форме, в единичных случаях в групповой форме с 10-15 испытуемыми за один сеанс. В экспериментах всего приняло участие 3220 человек, получена 7241 реакция.

Данные, полученные в результате каждого отдельного эксперимента, анализировались следующим образом:

- 1) выявлялась семантика ассоциатов;
- 2) формулировались когнитивные признаки путем обобщения и объединения в один признак близких по содержанию семантических компонентов; определялся индекс яркости каждого конкретного когнитивного признака как отношение количества ассоциатов, объективирующих данный признак к общему количеству полученных в эксперименте ассоциатов;
- 3) близкие по содержанию когнитивные признаки обобщались в классификационные признаки (когнитивные классификаторы),

определялась их яркость;

4) по результатам каждого эксперимента моделировалось содержание и структура категории; этот промежуточный этап позволяет увидеть эффективность тех или иных экспериментальных приемов в описании содержания категории;

5) данные четырех экспериментов обобщались: мы суммировали индексы яркости конкретного когнитивного/ классификационного признака и делили полученное число на четыре (по количеству экспериментов). Таким образом вычисляли средний индекс яркости по материалам четырех экспериментов.

Содержание категории **общение** образовано следующими когнитивными признаками (цифры указывают индекс яркости каждого признака):

представляет собой беседу 0,212
 предполагает наличие партнеров – людей 0,089
 направлено на установление и поддержание взаимоотношений 0,053
 предполагает обмен информацией 0,051
 устанавливаются дружеские взаимоотношения 0,041
 используются вербальные средства передачи информации 0,027
 сопровождается весельем 0,026
 протекает на работе 0,025
 представляет собой приятное времяпрепровождение 0,023
 вызывает интерес 0,022
 протекает в малой группе 0,021
 предполагает установление взаимопонимания 0,016
 предполагает встречу собеседников 0,015
 устанавливаются близкие отношения 0,014
 является потребностью 0,012
 предполагает обсуждение различных тем или одной темы 0,010
 доставляет удовольствие, положительные эмоции 0,008
 имеет высокий культурный уровень 0,008
 может быть лишено содержания 0,008
 может протекать в дискуссионной форме 0,008
 предполагает наличие личностных качеств 0,008
 представляет собой обмен полезной информацией 0,008
 устанавливаются доброжелательные отношения 0,008
 устанавливаются любовные отношения 0,008
 дает возможность познания 0,007
 используются невербальные средства передачи информации 0,007
 предполагает наличие коммуникативных умений 0,007
 представляет неприятное проведение времени 0,007
 протекает в семье 0,007
 имеет место на отдыхе 0,006
 имеет целью знакомство 0,006
 используются технические средства связи 0,006
 может быть откровенным 0,005
 предполагает установление деловых связей 0,005
 протекает за столом 0,005
 протекает непосредственно или на расстоянии 0,005
 содержит ценную информацию 0,005
 предполагает активное участие 0,004
 предполагает наличие общих дел, интересов, взглядов 0,004
 предполагает обмен чувствами 0,004
 протекает без напряжения 0,004
 протекает в коллективе 0,004
 протекает в школе 0,004
 является времяпрепровождением 0,004
 дает возможность высказать свои мысли и выслушать

других 0,003

длится долго 0,003

длится недолго 0,003

имеет низкий культурный уровень 0,003

может быть интеллектуальным 0,003

не вызывает интереса 0,003

предполагает взаимодействие с окружающим миром 0,003

предполагает установление духовной взаимосвязи 0,003

предполагает участие двух сторон 0,003

представляет разговор по душам 0,003

служит для развлечения 0,003

совершается по принуждению или по необходимости 0,003

возникает непреднамеренно 0,002

дает возможность самовыражения 0,002

доставляет отрицательные эмоции 0,002

может быть официальным 0,002

может протекать в конфликтной форме 0,002

направлено на оказание взаимопомощи 0,002

направлено на воспитание 0,002

насыщено эмоциями 0,002

предполагает восприятие речи 0,002

предполагает наличие коммуникативных качеств 0,002

предполагает обмен советами 0,002

предполагает обсуждение интересных тем 0,002

предполагает развитие человека 0,002

предполагает сообщение недостоверной информации 0,002

протекает на культурных мероприятиях 0,002

протекает с напряжением 0,002

протекает спокойно 0,002

связывает человека с обществом 0,002

сопровождается мыслительными процессами 0,002

устанавливаются враждебные отношения 0,002

в нем нет необходимости 0,001

возможно участие одной стороны 0,001

вызывает усталость 0,001

дает возможность избежать одиночества 0,001

дает возможность расширить кругозор 0,001

имеет место в свободное время 0,001

имеется определенный круг общения 0,001

может быть живым 0,001

может быть красивым 0,001

может быть надоедливым 0,001

может быть неофициальным 0,001

может быть осмысленным 0,001

может быть проникнуто грустью 0,001

может быть светским 0,001

может быть содержательным 0,001

может быть теплым 0,001

может быть холодным 0,001

может быть шумным 0,001

может вызывать удивление необычностью 0,001

наполнено остроумием 0,001

направлено на достижение определенной цели 0,001

направлено на изучение чего-л., кого-л. 0,001

не подлежит огласке 0,001

не предполагает открытого проявления намерений 0,001

не содержит полезной информации 0,001

ничем не выделяется 0,001

носит постоянный характер 0,001

обусловлено природными факторами 0,001

оставляет впечатления 0,001

оценивается положительно 0,001

повторяется через большие промежутки времени 0,001

предоставляет отдых 0,001

предполагает наличие уважения 0,001

предполагает обмен любезностями 0,001

предполагает обращение к собеседнику 0,001
 предполагает обсуждение серьезных тем 0,001
 предполагает поддержание разговора 0,001
 предполагает проведение времени с книгой 0,001
 предполагает проявление доверия к собеседнику 0,001
 предполагает проявление интереса к собеседнику 0,001
 предполагает проявление симпатии к собеседнику 0,001
 предполагает раскрепощение 0,001
 предполагает решение проблем 0,001
 предполагает установление равноправных отношений 0,001
 представляет собой рассказ 0,001
 приносит выгоду 0,001
 протекает без конфликта 0,001
 протекает в аудитории 0,001
 протекает в большой группе 0,001
 протекает в виде лекции 0,001
 протекает на природе 0,001
 протекает по-разному 0,001
 протекает через небольшие промежутки времени 0,001
 расширяет круг знакомых 0,001
 совершается по собственному желанию 0,001
 характеризуется использованием нецензурных средств 0,001
 характеризуется сдержанностью 0,001
 характеризуется установлением недоброжелательных отношений 0,001
 является международным 0,001
 источником информации является телевизор 0,0005
 предполагает установление неравноправных отношений 0,0005
 представляет разговор с целью выяснить что-л. 0,0004
 может быть мягким 0,0003
 может быть нежным 0,0003
 может быть немым 0,0003
 может быть ярким 0,0003
 обеспечивает хорошее настроение 0,0003
 осуществляет передачу знаний из поколения в поколение 0,0003
 предполагает уклонение от разговора 0,0003
 представляет собой монолог 0,0003
 приносит пользу 0,0003
 снимает стресс 0,0003
 способствует приобретению опыта 0,0003
 воздействует на других людей 0,0002
 заключает в себе опасность 0,0002
 исполнено романтики 0,0002
 используются диалектные языковые средства 0,0002
 не имеет определенной цели 0,0002
 не предполагает проявление доверия 0,0002
 не предполагает проявления уважения 0,0002
 не приносит пользы 0,0002
 предполагает проявление внимания 0,0002
 протекает по настроению 0,0002
 протекает по определенному плану 0,0002
 соответствует установленным правилам 0,0002
 устанавливается стиль ведения разговора 0,0002
 характеризуется красноречием 0,0002
 может быть бурным 0,0001
 может быть горьким 0,0001
 может быть сладким 0,0001
 может быть сонным 0,0001
 может быть стихийным 0,0001
 может быть сухим 0,0001

Следующим этапом является этап моделирования концепта, который включает в себя следующие процедуры:

1) описание макроструктуры концепта (атрибу-

ция выявленных когнитивных признаков образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

2) описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификаторов, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);

3) описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Образное содержание в макроструктуре исследуемой нами категории было выявлено преимущественно с помощью направленного ассоциативного эксперимента. Другие методики дали или единичные реакции (например, *руки, тепло* – свободный ассоциативный эксперимент), или образная составляющая не была выявлена совсем.

Чувственный образ в структуре концепта образован 1) перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств (перцептивный образ); 2) образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления (когнитивный образ) [Попова, Стернин 2007: 76].

Перцептивный образ включает зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые образы. Ярче других в структуре концепта **общение** проявляется тактильный образ (0,004). Он представлен следующими признаками: *теплое* 0,001; *холодное* 0,001; *руки* 0,001; *мягкое* 0,0003; *нежное* 0,0003; *сухое* 0,0001.

Звуковой образ представлен признаком *шумное* 0,001. Зрительный (0,0003) и вкусовой (0,0002) образы представлены индивидуальными признаками: *яркое* 0,0003; *сладкое* 0,0001; *горькое* 0,0001. Индекс яркости перцептивного образа составляет 0,006.

Когнитивный образ представлен всего несколькими когнитивными признаками: *живое* 0,001, *немое* 0,0003, *сонное* 0,0001, *бурное* 0,0001. Общение уподобляется физическим качествам человека и природным явлениям.

Индекс яркости когнитивного образа составляет 0,002. В целом индекс яркости образного компонента в макроструктуре концепта составляет 0,008.

Большинство когнитивных признаков, характеризующих **информационное содержание** концепта, было выявлено во всех четырех экспериментах. Информационное содержание образуется когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, характеризующими сущность и основные составные элементы концепта. Для исследуемого нами концепта это следующие признаки:

предполагает обмен информацией 0,051 и *чувствами* 0,004, *с партнерами* 0,093, *с использованием вербальных* 0,027 и *невербальных*

0,007 средств, протекает как непосредственно, так и дистанционно 0,005, с использованием систем связи 0,006 и предполагает установление личностных отношений между партнерами 0,105.

Индекс информационного компонента в макро-структуре концепта – 0,3.

Энциклопедическая зона 0,474: представляет собой беседу 0,212; сопровождается весельем 0,026; протекает на работе 0,025; протекает в малой группе 0,021; предполагает встречу собеседников 0,015; предполагает обсуждение различных тем или одной темы 0,010; имеет высокий культурный уровень 0,008; может быть лишено содержания 0,008; может протекать в дискуссионной форме 0,008; предполагает наличие личностных качеств 0,008; предполагает наличие коммуникативных умений 0,007; протекает в семье 0,007; имеет место на отдыхе 0,006; может быть откровенным 0,005; протекает за столом 0,005; предполагает активное участие 0,004; предполагает наличие общих дел, интересов, взглядов 0,004; протекает без напряжения 0,004; протекает в коллективе 0,004; протекает в школе 0,004; длится долго 0,003; длится недолго 0,003; отражает низкий культурный уровень 0,003; может быть интеллектуальным 0,003; предполагает участие двух сторон 0,003; представляет разговор по душам 0,003; возникает непреднамеренно 0,002; может быть официальным 0,002; может протекать в конфликтной форме 0,002; насыщено эмоциями 0,002; предполагает восприятие речи 0,002; предполагает наличие коммуникативных качеств 0,002; предполагает сообщение недостоверной информации 0,002; протекает на культурных мероприятиях 0,002; протекает с напряжением 0,002; протекает спокойно 0,002; связывает человека с обществом 0,002; сопровождается мыслительными процессами 0,002; возможно участие одной стороны 0,001; имеет место в свободное время 0,001; имеется определенный круг общения 0,001; может быть надоедливым 0,001; может быть неофициальным 0,001; может быть осмысленным 0,001; может быть проникнуто грустью 0,001; может быть светским 0,001; может быть содержательным 0,001; может вызывать удивление необычностью 0,001; наполнено остроумием 0,001; не подлежит огласке 0,001; не предполагает открытого проявления намерений 0,001; ничем не выделяется 0,001; носит постоянный характер 0,001; обусловлено природными факторами 0,001; повторяется через большие промежутки времени 0,001; предполагает обмен любезностями 0,001; предполагает обращение к собеседнику 0,001; предполагает обсуждение серьезных тем 0,001; предполагает поддержание разговора 0,001; представляет собой рассказ 0,001; протекает без конфликта 0,001; протекает в аудитории 0,001; протекает в большой группе 0,001; протекает в виде лекции 0,001; протекает на природе 0,001; протекает по-разному 0,001; протекает через небольшие промежутки времени 0,001; характеризуется использованием нецензурных средств 0,001; является междуна-

рым 0,001; источником информации является телевизор 0,0005; предполагает уклонение от разговора 0,0003; представляет собой монолог 0,0003; заключает в себе опасность 0,0002; исполнено романтики 0,0002; используются диалектные языковые средства 0,0002; протекает на местном уровне 0,0002; протекает по настроению 0,0002; протекает по определенному плану 0,0002; соответствует установленным правилам 0,0002; устанавливается стиль ведения разговора 0,0002; характеризуется красноречием 0,0002.

Содержание **интерпретационного поля** концепта дополняет каждая из перечисленных выше методик.

Интерпретационное поле исследуемой категории представлено следующими зонами.

Утилитарная зона 0,166: направлено на установление и поддержание взаимоотношений 0,053; вызывает интерес 0,022; является потребностью 0,012; доставляет удовольствие, положительные эмоции 0,008; представляет собой обмен полезной информацией 0,008; дает возможность познания 0,007; имеет целью знакомство 0,006; содержит ценную информацию 0,005; является времяпрепровождением 0,004; дает возможность высказать свои мысли и выслушать других 0,003; не вызывает интереса 0,003; служит для развлечения 0,003; совершается по принуждению или по необходимости 0,003; дает возможность самовыражения 0,002; доставляет отрицательные эмоции 0,002; направлено на оказание взаимопомощи 0,002; направлено на воспитание 0,002; предполагает обмен советами 0,002; предполагает обсуждение интересных тем 0,002; предполагает развитие человека 0,002; в нем нет необходимости 0,001; вызывает усталость 0,001; дает возможность избежать одиночества 0,001; дает возможность расширить кругозор 0,001; направлено на достижение определенной цели 0,001; направлено на изучение чего-л., кого-л. 0,001; не содержит полезной информации 0,001; оставляет впечатления 0,001; предоставляет отдых 0,001; предполагает раскрепощение 0,001; предполагает решение проблем 0,001; приносит выгоду 0,001; расширяет круг знакомых 0,001; совершается по собственному желанию 0,001; представляет разговор с целью выяснить что-л. 0,0004; обеспечивает хорошее настроение 0,0003; осуществляет передачу знаний из поколения в поколение 0,0003; приносит пользу 0,0003; снимает стресс 0,0003; способствует приобретению опыта 0,0003; воздействует на других людей 0,0002; не имеет определенной цели 0,0002; не приносит пользы 0,0002.

Общеоценочная зона 0,032: представляет собой приятное времяпрепровождение 0,023; представляет неприятное проведение времени 0,007; может быть красивым 0,001; оценивается положительно 0,001.

На базе четырех экспериментальных описаний был выявлен состав **когнитивных классификаторов** исследуемой категории (указан индекс яркости классификатора и отдельных составляющих его когнитивных признаков):

виды 0,213: представляет собой беседу 0,212; протекает в виде лекции 0,001;

выражаемые взаимоотношения 0,105: устанавливаются дружеские взаимоотношения 0,041; предполагает установление взаимопонимания 0,016; устанавливаются близкие отношения 0,014; устанавливаются доброжелательные отношения 0,008; устанавливаются любовные отношения 0,008; предполагает установление деловых связей 0,005; предполагает установление духовной взаимосвязи 0,003; устанавливаются враждебные отношения 0,002; может быть теплым 0,001; может быть холодным 0,001; предполагает наличие уважения 0,001; предполагает проявление доверия к собеседнику 0,001; предполагает проявление интереса к собеседнику 0,001; предполагает проявление симпатии к собеседнику 0,001; предполагает установление равноправных отношений 0,001; характеризуется установлением недоброжелательных отношений 0,001; характеризуется сдержанностью 0,001; предполагает установление неравноправных отношений 0,0005; может быть мягким 0,0003; может быть нежным 0,0003; исполнено романтики 0,0002; не предполагает проявление доверия 0,0002; не предполагает проявления уважения 0,0002; предполагает проявление внимания 0,0002; может быть сухим 0,0001;

партнеры 0,093: предполагает наличие партнеров – людей 0,089; предполагает взаимодействие с окружающим миром 0,003; предполагает проведение времени с книгой 0,001;

назначение 0,071: направлено на установление и поддержание взаимоотношений 0,053; имеет целью знакомство 0,006; является времяпрепровождением 0,004; служит для развлечения 0,003; направлено на воспитание 0,002; направлено на оказание взаимопомощи 0,002; направлено на изучение чего-л. 0,001;

сфера протекания 0,069: протекает на работе 0,025; предполагает встречу собеседников 0,015; протекает в семье 0,007; имеет место на отдыхе 0,006; протекает за столом 0,005; протекает в коллективе 0,004; протекает в школе 0,004; протекает на культурных мероприятиях 0,002; протекает в аудитории 0,001; протекает на природе 0,001; протекает на местном уровне 0,0002;

содержание 0,059: предполагает обмен информацией 0,051; предполагает обмен чувствами 0,004; предполагает обмен советами 0,002; предполагает обмен любезностями 0,001; предполагает обращение к собеседнику 0,001; представляет разговор с целью выяснить что-л. 0,0004;

используемые средства 0,040: используются вербальные средства передачи информации 0,027; используются невербальные средства передачи информации 0,007; используются технические средства связи 0,006; может быть немым 0,0003;

общая оценка 0,033: представляет собой приятное времяпрепровождение 0,023; представляет неприятное проведение времени 0,007; может быть красивым 0,001; оценивается положительно 0,001; соответствует установленным правилам 0,0002;

может быть ярким 0,0003;

ценность информации 0,032: может быть лишено содержания 0,008; представляет собой обмен полезной информацией 0,008; содержит ценную информацию 0,005; может быть интеллектуальным 0,003; предполагает обсуждение интересных тем 0,002; предполагает сообщение недостоверной информации 0,002; может быть осмысленным 0,001; может быть содержательным 0,001; не содержит полезной информации 0,001; предполагает обсуждение серьезных тем 0,001;

эмоциональная характеристика 0,032: сопровождается весельем 0,026; представляет разговор по душам 0,003; насыщено эмоциями 0,002; может быть проникнуто грустью 0,001; протекает по настроению 0,0002; может быть горьким 0,0001; может быть сладким 0,0001;

вызываемый интерес 0,025: вызывает интерес 0,022; не вызывает интереса 0,003;

состав участников 0,023: протекает в малой группе 0,021; имеется определенный круг общения 0,001; протекает в большой группе 0,001;

испытываемая потребность 0,017: является потребностью 0,012; совершается по принуждению или по необходимости 0,003; в нем нет необходимости 0,001; совершается по собственному желанию 0,001;

эмоциональный результат 0,015: доставляет удовольствие, положительные эмоции 0,008; доставляет отрицательные эмоции 0,002; вызывает усталость 0,001; оставляет впечатления 0,001; предоставляет отдых 0,001; предполагает раскрепощение 0,001; обеспечивает хорошее настроение 0,0003; снимает стресс 0,0003;

предоставляемые личности возможности 0,014: дает возможность познания 0,007; дает возможность высказать свои мысли и выслушать других 0,003; дает возможность самовыражения 0,002; дает возможность избежать одиночества 0,001; дает возможность расширить кругозор 0,001;

культурный уровень 0,011: высокий культурный уровень 0,008; низкий культурный уровень 0,003;

время 0,010: длится долго 0,003; длится недолго 0,003; носит постоянный характер 0,001; повторяется через большие промежутки времени 0,001; протекает через небольшие промежутки времени 0,001; имеет место в свободное время 0,001

тематика 0,010: предполагает обсуждение различных тем или одной темы 0,010;

требуемые качества личности 0,010: предполагает наличие личностных качеств 0,008; предполагает наличие коммуникативных качеств 0,002;

степень напряжения 0,009: протекает без напряжения 0,004; протекает с напряжением 0,002; протекает спокойно 0,002; может быть живым 0,001; заключает в себе опасность 0,0002; может быть бурным 0,0001; может быть сонным 0,0001;

степень дискуссионности 0,008: может протекать в дискуссионной форме 0,008;

необходимые умения 0,007: предполагает наличие коммуникативных умений 0,007;

степень активности участников 0,007: предполагает активное участие 0,004; предполагает восприятие речи 0,002; предполагает поддержание разговора 0,001; предполагает уклонение от разговора 0,0003;

степень открытости 0,007: может быть откровенным 0,005; не подлежит огласке 0,001; не предполагает открытого проявления намерений 0,001;

достижимый результат 0,006: предполагает развитие человека 0,002; предполагает решение проблем 0,001; приносит выгоду 0,001; расширяет круг знакомых 0,001; осуществляет передачу знаний из поколения в поколение 0,0003; приносит пользу 0,0003; способствует приобретению опыта 0,0003; воздействует на других людей 0,0002; не приносит пользы 0,0002;

способ 0,005: протекает непосредственно или на расстоянии 0,005;

типы 0,005: может быть официальным 0,002; может быть неофициальным 0,001; может быть светским 0,001; является международным 0,001;

организация общения, его направленность 0,004: возникает непреднамеренно 0,002; направлено на достижение определенной цели 0,001; не имеет определенной цели 0,0002; протекает по определенному плану 0,0002; может быть стихийным 0,0001;

повод 0,004: предполагает наличие общих дел, интересов, взглядов 0,004;

степень участия сторон в общении 0,004: предполагает участие двух сторон 0,003; возможно участие одной стороны 0,001;

степень заурядности 0,003: может вызывать удивление необычностью 0,001; ничем не выделяется 0,001; протекает по-разному 0,001;

степень конфликтности 0,003: может протекать в конфликтной форме 0,002; протекает без конфликта 0,001;

используемые языковые средства 0,002: наполнено остроумием 0,001; характеризуется использованием нецензурных средств 0,001; используются диалектные языковые средства 0,0002; характеризуется красноречием 0,0002;

мыслительные процессы, сопровождающие общение 0,002: сопровождается мыслительными процессами 0,002;

оформление 0,002: представляет собой рассказ 0,001; представляет собой монолог 0,0003; устанавливается стиль ведения разговора 0,0002;

социальные факторы, обуславливающие общение 0,002: связывает человека с обществом 0,002;

степень громкости 0,001: может быть шумным 0,001;

степень назойливости 0,001: может быть надоедливым 0,001;

источник получения информации 0,0005: источником информации является телевизор 0,0005.

Содержание категории упорядочено по полемому

принципу. Полученные когнитивные признаки распределяются по зонам ядра и периферии с учетом яркости признаков и частотных разрывов.

Ядро категории составляют следующие признаки: *представляет собой беседу* 0,212, *предполагает наличие партнеров-людей* 0,089, *направлено на установление и поддержание взаимоотношений* 0,053, *предполагает обмен информацией* 0,051. Яркость данных признаков намного превышает яркость других. В ядре отчетливо выделяется центр – *представляет собой беседу*.

К зоне **ближней периферии** нами были отнесены признаки, которые также имеют достаточно высокую частотность: *устанавливаются дружеские взаимоотношения* 0,041, *используются вербальные средства передачи информации* 0,027, *сопровождается весельем* 0,026, *протекает на работе* 0,025, *представляет собой приятное времяпрепровождение* 0,023, *вызывает интерес* 0,022, *протекает в небольшой группе* 0,021.

Когнитивные признаки, относящиеся к ядру и ближней периферии концепта, были выделены во всех четырех экспериментальных описаниях.

Когнитивные признаки, относящиеся к зоне **дальней и крайней периферии** являются менее яркими, выявляются, как правило, на материале одного-двух экспериментов. В целях экономии места мы не приводим когнитивные признаки, составляющие дальнюю и крайнюю периферию.

Построенная модель категории, отражающая ее содержание и структуру, позволяет сделать следующие выводы.

Проведенные эксперименты показали, что категория **общение** имеет обширную языковую объективацию, что свидетельствует о коммуникативной значимости и важности исследуемой категории для русского человека, ее важности для коммуникативного сознания.

Категория **общение** имеет объемное информационное содержание и обширное интерпретационное поле. Образная составляющая выделена в структуре концепта, но она не является определяющей.

Энциклопедическая зона концепта достаточно обширна и разнообразна, что свидетельствует о большом опыте общения русского человека – он много знает об общении.

Интерпретационное поле концепта представлено утилитарной и общеоценочной зонами, не представлены в структуре категории социально-культурная и регулятивная зоны. Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки оценочного характера, противоречивые когнитивные признаки, что является отличительной чертой данного структурного компонента концепта: *представляет собой приятное/неприятное времяпрепровождение, сопровождается весельем / может быть проникнуто грустью, вызывает интерес / не вызывает интереса, доставляет положительные / отрицательные эмоции, может быть содержательным/ несодержательным, имеет высокий/ низкий*

культурный уровень и т.п.

Наиболее релевантными для русского коммуникативного сознания являются классификаторы *виды, выражаемые взаимоотношения, партнеры, назначение, содержание общения, сфера протекания*. Достаточно яркими в структуре исследуемого концепта также являются классификаторы *используемые средства, общая оценка, ценность информации, эмоциональная характеристика, вызываемый интерес*.

Исследуемая категория имеет достаточно четкую структуру, в ней отчетливо выделяется центр, ближняя периферия, между зонами дальней и крайней периферии четкой границы нет. Отметим, что яркие когнитивные признаки категории *общение* входят как в информационный компонент, так и в интерпретационное поле.

Ядро концепта компактно, неоценочно. Оно включает четыре когнитивных признака, причем наиболее яркие из них (*представляет собой беседу и направлено на установление и поддержание взаимоотношений*), характеризующие виды общения и его назначение, относятся к интерпретационному полю исследуемого концепта. Два других ядерных признака – *предполагает наличие партнеров и обмен информацией* – характеризуют информационное содержание концепта.

Ближняя периферия включает два оценочных признака (*представляет собой приятное времяпрепровождение и вызывает интерес*) и пять не оценочных когнитивных признаков. Два самых ярких признака в зоне ближней периферии входят в информационное содержание категории – *устанавливаются дружеские взаимоотношения и используются вербальные средства передачи информации*. Другие признаки противоречивы и входят интерпретационное поле (ср. *сопровождается весельем и вызывает грусть, вызывает интерес и не вызывает интереса, скучное*).

Дальняя и крайняя периферия категории обширны, включают неяркие признаки, не оценочные и оценочные. Когнитивные признаки этих зон категории характеризуют как ее информационное содержание, так и интерпретационное поле. Все признаки образного компонента концепта относятся к дальней и крайней периферии.

Таким образом, экспериментальные данные позволяют выявить максимальное количество языковых средств, объективирующих ментальную категорию, а анализ семантики языковых средств и их последующая когнитивная интерпретация – построить модель исследуемой коммуникативной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов И.Н. «Языковое сознание» как система актуализированных декларативных и процедуральных знаний // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание». – М., 1988.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.
5. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное (предисловие) // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 29-31 мая 2003 г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. – М., 2003.
6. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000.

И.Г. Овчинникова, А.А. Кибанова (Пермь)

Вариативность этнического сознания: соотношение элитарной, профессиональной и массовой субкультур (на материале ассоциативного эксперимента)

Исследование поддержано грантом РГНФ (07-04-02006а)

Изучение знаний и представлений языкового коллектива о различных феноменах по материалам ассоциативных экспериментов – одно из традиционных направлений психолингвистики, не потерявшее своей актуальности в настоящее время.

Несмотря на ограниченность ассоциативного эксперимента (зависимость от условий проведения и т.п.), некоторую субъективность интерпретации по-

лученных результатов (нежесткость классификаций ассоциативных реакций), распределение ассоциаций на слово-стимул дает возможность установить и меру актуальности семантики слова-стимула для языкового сознания, и типичный способ установления его взаимосвязей с другими единицами словаря и концептами, и меру предсказуемости связей конкретных лексем.

На основе интерпретации данных ассоциативных словарей выявлены основные характеристики этнического сознания русских [см. работы Н.В. Уфимцевой, Караулов 2000], установлены возрастные особенности осознания значения слова [Гольдин, Сдобнова 2006 и др.; Соколова 2000; И.Г. Овчинникова и др., 2000], описаны различия в языковом сознании русских и американских подростков [Федченко 2006]. В целом в этническом самосознании русских автостереотипы формируются довольно рано, хотя и претерпевают определенные трансформации. В частности, Н.В. Уфимцева обнаружила «другоцентричность» языкового сознания русских уже в дошкольном возрасте; А. Федченко пишет: «на нерелексивуемом уровне культурных стереотипов языкового сознания русские подростки остаются привержены ценностям и архетипам, традиционным для русской культуры» [Федченко 2006: 107]. Иначе говоря, в процессе онтогенеза трансформируются представления о лексической семантике, в то время как глубинные смыслы, обусловленные культурой, отражаются в ядерных (частотных) ассоциациях и константны для языкового коллектива.

Тем не менее, пока остается нерешенной проблема соотношения в этническом самосознании культурных и цивилизационных компонент, последняя из которых определяется отнюдь не только традициями русской культуры.

В национальной культуре принято разграничивать несколько субкультур [Бахтин 1990]. Виды культур расходятся по разным социальным сферам, средам бытования. Культура и язык отчасти структурно изоморфны.

Определенный изоморфизм языка и культуры прекрасно описал Н.И. Толстой: [Толстой 1991: 6], который обращает внимание на то, что относительная изоморфность структуры языка и культуры, равно как относительная автономность субкультур в рамках национальной культуры, устанавливается к концу XIX – началу XX века [Толстой 1995]. Иначе говоря, относительная автономность субкультур обусловлена цивилизационным фактором: с оформлением индустриального общества формируется автономность субкультур (традиционной, профессиональной, элитарной и массовой).

В таком случае в настоящее время приобретает особую актуальность установление вариативности культурной компоненты языкового сознания: значимости в нем профессиональной, традиционной, элитарной и массовой составляющих. Естественно, актуальным является и установление соотношений между субкультурами и идиомами национального языка, которые в ассоциативном эксперименте представлены как лексические элементы литературного языка, социолектов, диалектов и просторечия.

Попытаемся проследить вариативность ассоциативных связей лексем, обозначающих актуальные явления, в сознании молодых россиян различных профессий. Для упрощения поставленной задачи примем бинарное противопоставление по признаку профессия: филологи и нефилологи. В нашем ассо-

циативном эксперименте принимали участие студенты филологического факультета Пермского государственного университета и студенты Российского государственного торгово-экономического университета (Пермский филиал), среди которых были будущие эксперты-товароведы и коммерсанты. Возраст испытуемых варьировал от 20 до 28 лет. Всего от 270 студентов Пермских вузов на 37 слов-стимулов получено около 8000 ассоциативных реакций.

Обратимся к анализу полученного материала.

Начнем с характеристики обозначения актуальных социальных явлений, представление о которых совпадают у филологов и нефилологов.

БЕЖЕНЕЦ у испытуемых ассоциируется со словами *бомж, Чечня, чеченец, бездомный, война, нищий*. БОМЖ – это прежде всего *грязь, бездомный, грязный, нищий, бич, бродяга, улица, подвал*. Слово-стимул БЕСПРЕДЕЛ и филологи, и нефилологи полагают связанным со словами *хаос, бардак, анархия, нет, разбой, ужас, беспорядок, насилие*. На стимул РУССКИЙ находим реакции: *язык, человек, мужик, Иван, Ваня, дурак, дух, характер*. При рассмотрении единичных ассоциаций обнаруживаем: *бомж, блин, бунт, водка, глубокий, гордость, душа, круто, особый менталитет, патриот, православие, повезло*. Таким образом, современная молодежь не обнаруживает отчуждения к России и русскому, оценивая собственную принадлежность к русским весьма лояльно.

В целом реакции филологов и нефилологов неплохо согласуются между собой. Тем не менее, у филологов ассоциации на заданные стимулы в целом менее разнообразны, чем у нефилологов. Вариативность индекса гетерогенности ассоциаций у них уже. Это означает, что нефилологи продуцируют в качестве ассоциативной реакции больше различных лексем. Ассоциации филологов гомогенны благодаря сформированной языковой и текстовой компетенции, благодаря представлению о существенных внутриязыковых и текстовых связях лексических единиц.

Проинтерпретируем различия в ассоциативных связях заданных слов-стимулов, возникшие у филологов и нефилологов.

1. Стимулы, на которые самые частотные ассоциации у филологов и нефилологов совпадают, составляют 47,37% от числа всех слов-стимулов. Иначе говоря, более половины слов исходного стимульного списка вызывают различные частотные ассоциации. Представим в таблице наиболее яркие данные.

Бросается в глаза частотность отказа от реакции у нефилологов. Нефилологи не фиксируют свои ассоциации на такие слова-стимулы, как ИНТЕЛЛИГЕНТ, МУЗЫКА, ОНО, РЕКЛАМА, ТЕЛЕВИДЕНИЕ. Как правило, «молчание» в ответ на стимул в письменном ассоциативном тесте означает не только отсутствие актуальных связей с лексемой, но и нежелание фиксировать пришедшую в голову ассоциацию. Насколько мы можем судить, нефилологи не реагируют на слова-стимулы с

абстрактной семантикой. Причем не фиксируется реакция и на профессионально значимые слова-стимулы (РЕКЛАМА). Очевидно, причины отказа от ответа различны: вероятно, в случае с малочастотными словами (ИНТЕЛЛИГЕНТ) отсутствие ассоциации у многих испытуемых обусловлено диффузностью представления о семантике слова, в то время как отсутствие реакции

на частотные и профессионально значимые слова-стимулы может быть обусловлено конкуренцией актуальных ассоциаций, ни одну из которых испытуемый не решает зафиксировать. Заметим, что в целом отсутствие реакции в письменном ассоциативном тесте характерно для анкет испытуемых с менее сформированной языковой компетенцией [Доценко 2006].

Таблица 1

Несовпадающие частотные реакции

Слово-стимул	Самая частотная реакция филологов	Самая частотная реакция нефилологов
БЕЖЕНЕЦ	война, Чечня	отсутствие ответа
ГАЗЕТА	бумага	информация
ДЕНЬГИ	власть	богатство
ЖАРГОН	сленг	мат
ЖИТЬ	любить	существовать
ИМПОРТНЫЙ	товар	дорогой
ИНТЕЛЛИГЕНТ	умный	отсутствие ответа
КОМПЬЮТЕР	Интернет, монитор	машина
ЛЮБОВЬ	сердце	счастье
МУЗЫКА	рок	отсутствие ответа
ОНО	НЛО	отсутствие ответа
РЕКЛАМА	телевизор	отсутствие ответа
СТАРИК	старуха	дед
СТАРУХА	корыто	бабушка
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	реклама	отсутствие ответа
ЧУЖОЙ	фильм	враг
Я	ты	человек

Несовпадающие с ассоциациями филологов частотные реакции нефилологов оказываются как более эмоциональными (*враг*), так и нейтральными (*существовать*). Как нам кажется, у нефилологов заметна тенденция порождать в качестве частотной реакции парадигматические ассоциации, причем обычно это ассоциации-синонимы. В ассоциативных связях отражается актуальность идентификации слова-стимула в лексической системе, поиск максимально близкого по значению слова-реакции. Частотные ассоциации филологов часто метафоричны (*ДЕНЬГИ – власть*, *ЛЮБОВЬ – сердце*).

Насколько мы можем судить, в наших материалах расхождения в частотных реакциях отражают различия не собственно в семантических связях лексем. Различия, скорее всего, обусловлены более разнородным когнитивным и коммуникативным опытом нефилологов. В сознании разных испытуемых актуализируются разные лексемы, что при сопоставлении материалов эксперимента отражается в относительно низкой частотности ассоциации.

2. В ассоциациях нефилологов заметно меньше актуальных текстовых и – шире – культурных взаимосвязей слов. Филологи продуцируют реакции, восходящие к литературным и фольклорным текстам: *СТАРУХА – корыто, Баба-Яга, ведьма, «Золотая рыбка», Изергиль, из сказки, процентщица, Пушкин, разбитое корыто, рыба,*

рыбка, у разбитого корыта, и золотая рыбка, море, сказка; СТАРИК – И море, «Золотая рыбка», Достоевский, из сказки, Хоттабыч, море, Хэмингуэй, и невод, старуха, сказка Пушкина, рыбка; ДЕВОЧКА – Алиса; ГЛУПЫЙ – Иван-дурак из сказок; ИСТИНА – вино, в вине, литература; КРАСОТА – Спасет мир, «Идиот», Достоевский. Кроме того, в ассоциациях филологов упоминаются персоналии и исторические реалии: ИНТЕЛЛИГЕНТ – Д.С. Лихачёв, революция, Солженицын, Бахтин, Сахаров; МУЗЫКА – Бетховен, Вагнер, Моцарт, Шопен, Вивальди, Чайковский; МЫ – Замятин; ОНО – Книга С. Кинга, Фрейд; Я – Фрейд, Фрейдизм.

Наконец, появление некоторых ассоциаций филологов обусловлено публицистическим дискурсом: *ГАЗЕТА – «Правда», «Ва-банк», «Звезда», «Комсомолка», «Пермский обозреватель», «Пермские новости», «Почто-Ринг», «КоммерсантЪ», «Известия», «Толстушка», «Комсомольская правда», «Телесемь»; ЯБЛОКО – Партия.*

3. Нефилологи чаще реагируют нелитературной лексикой: элементами сленга и жаргона, табуированными словами. Использование нелитературной лексики отражает эмоциональное отношение испытуемого к обозначенному словом-стимулом явлению и самой ситуации эксперимента.

В ассоциациях нефилологов преобладает отрицательная эмоциональная оценка, хотя

падают и положительно окрашенные ответы. В частности, наряду с нейтральной в эмоционально-оценочном отношении лексикой, слова-реакции с положительно-оценочными коннотациями встречаются на слова-стимулы ЯБЛОКО, РЕГИОН, МУЗЫКА, ЛЮБОВЬ, КУПИТЬ, ИСТИНА, ЖИТЬ. Практически нейтральны в эмоционально-оценочном аспекте реакции на стимулы СТАРИК, СЕМЬЯ, МЫ, МУЖЧИНА, КРАСОТА, КОМПЬЮТЕР, ИМПОРТНЫЙ, ГАЗЕТА. Остальные стимулы вызвали негативно окрашенные ассоциации. Специально оговорим, что ассоциации, отражающие отрицательную эмоциональную оценку, малочастотны. Наибольшее их количество получено на стимулы:

- БЕЖЕНЕЦ (*хачик, чурка, бич, бомжа, ненависть, попрошайка, саранча*);
- БЕСПРЕДЕЛ (*бардак, ужас, безобразие, неурядица, плохо*), БОМЖ (*алкаш, дурак, неряха, неудачник, пьянь, синяк, убожество*);
- ГЛУПЫЙ (*дурак, тупой, бестолковый, даун, деревянный, дурной, дятел, невежда, недоразвитый, неуч*);
- ИНТЕЛЛИГЕНТ (*вишневый, пижон, придурок, шляпа*);
- ОЛИГАРХ (*вор, барыга, хапуга, морда, воры, негодяй, толстосум, мафиози*);
- РЕКЛАМА (*чушь, полная фигня, в отстой, ярость, ужас, надоела, задолбала, мусор* и т.п.);
- ТЕЛЕВИДЕНИЕ (*отстой, заевшееся, бред, засор, враг*);
- ЧУЖОЙ (*чудовище, оборотень, враг, шпион, хищник, монстр, недруг, плохой, неприятель, мусор*).

Насколько мы можем судить, отрицательные эмоции проявляются в ассоциациях на слова-стимулы, обозначающие актуальные социальные явления. В ассоциациях, отражающих окрашенное отрицательными эмоциями восприятие явления, прослеживаются характерные для массового сознания стереотипы: неприятие представителей некоренного этноса, мигрантов из ближнего зарубежья; жесткость оценки неустроенного в жизни человека («неудачника»); пристрастное отношение к представителям некоторых социальных групп (олигарх, интеллигент).

Заметим, что ассоциации филологов в меньшей мере отражают эмоциональные оценки.

Подведем итоги сопоставительного анализа ассоциативных реакций филологов и нефилологов.

1. Личностные смыслы, связанные с актуальными социальными явлениями и отраженные в свободных ассоциациях, в целом у филологов и нефилологов согласуются. Все испытуемые, насколько позволяет судить ассоциативный эксперимент, благосклонны к русским и негативно оценивают маргиналов (беженцев и бомжей).

2. Несмотря на хорошую согласованность ассоциаций, различия оказываются довольно значимыми.

Во-первых, различия касаются частотности

реакций. Обычно совпадающие ассоциации обладают различной частотой в общем массиве ответов филологов и нефилологов. Это отражает различную значимость совпадающих связей лексических единиц в ментальном лексиконе наших испытуемых.

Во-вторых, различия проявляются в доле текстовых (литературно и культурно обусловленных) ассоциаций. Для филологов характерно богатство культурно-обусловленных ассоциаций. Единицы лексикона актуализируют различные дискурсы и выступают в качестве актуализатора определенной системы идей и взглядов, отраженной литературным дискурсом, дискурсом СМИ и т.п.

В-третьих, в ассоциациях нефилологов встречаются лексические единицы, принадлежащие различным идиомам национального языка. По-видимому, в сознании нефилологов нет четкого разграничения различных идиом по сферам коммуникации, представление о разновидностях языка и коммуникативной целесообразности лексических единиц довольно диффузно. Нефилологи не считают ситуацию ассоциативного эксперимента вариантом официального общения, что провоцирует их на порождение слов-реакций, относящихся к нелитературной лексике.

3. Насколько мы можем судить, культурная компонента этнического сознания варьирует в зависимости от профессии носителя языка. Для языкового сознания филологов существенна элитарная субкультура, что проявляется актуализации ассоциативных связей в литературном дискурсе.

Профессиональная субкультура, к которой принадлежат филологи, отражена в гомогенности ассоциаций, в актуализации взаимосвязей лексем в рамках литературного языка. В свою очередь, нефилологов отличает диффузное представление о вариативности разновидностей национального языка. Профессиональная субкультура практически не проявляется в их ассоциативных реакциях. Возможно, слова-стимулы воспринимаются как единицы разговорного варианта языка, лексические связи актуализируются в рамках разговорного дискурса. Заметим, что в разговорном дискурсе функционирует не столько устный вариант литературного языка, сколько просторечие, «язык улицы». В системе субкультур по Н.И. Толстому, просторечие соотносится с массовой культурой, культурой большого города. Вероятно, в сознании нефилологов сравнительно большую значимость имеет цивилизационная компонента по сравнению с культурной.

4. В целом полученные нами данные совпадают с известными по публикациям закономерностями отражения профессии в речевой деятельности индивида [см., например, Харченко 2000]. Естественно, в ассоциативном эксперименте фактор профессии играет меньшую роль, чем в спонтанной речи, поскольку ассоциации отражают внеконтекстные и внеситуативные связи единиц, причем прежде всего – лексических единиц, на основе анализа которых можно интерпретировать взаимосвязи стоящих за

ними концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва, 1990.
2. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Дом» в ассоциациях школьников (динамический аспект) // Вестник Пермского университета. 2006. № 3. Серия «Филология».
3. Доценко Т.И. Ассоциативный эксперимент и речевое поведение информанта в экспериментальной ситуации // ...Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Владимировича Сахарного. Пермь, 2006.
4. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
5. Овчинникова И.Г. Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000.
6. Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка: структуру ассоциативного распределения // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
7. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики). Доклады Всесоюзной научной конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». Ч. 1. М., 1991.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
9. Уфимцева Н.В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.
10. Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. М.- Калуга, 2005.
11. Федченко А. Сознание русских и американских подростков (этнокультурный аспект). М., 2006.
12. Харченко Е.В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

В.Е. Гольдин (Саратов)

Личная сфера школьника по данным ассоциативного словаря

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-04142а).

Наши представления о личной сфере на первый взгляд кажутся легко эксплицируемыми: нужно лишь мысленно обозреть мир вокруг себя и назвать явления, имеющие к нам непосредственное отношение. Однако стоит только на самом деле предпринять такое перечисление, как обнаруживается ряд трудностей.

Во-первых, неясно, с чего начинать: с указания на пространство (на комнату, квартиру, дом, улицу и т.п.) или, например, с упоминания самых близких людей (детей, родителей, друзей и т.д.), также входящих в личную сферу.

Можно ли, во-вторых, установить все разновидности, типы явлений, так или иначе относящихся к личной сфере? Личные вещи (костюм, ручка, телефон и т.п.), а также все другое, что нам принадлежит, конечно, располагаются в пределах личной сферы. Но входят ли в неё или относятся к ней наши чувства, мысли, мнения, знания? Представлены ли в личной сфере прошлое и будущее (события, судьба) или имеется лишь настоящее?

Где, в-третьих, нужно остановиться при перечислении: есть ли у личной сферы определенные границы, можно ли строго разделить «моё» и «наше», четко ли противопоставлены «моё» и «ничьё»? Наконец, что мы имеем в виду, когда говорим о «личной сфере»: фрагмент окружающего мира или представление о нем?

Поскольку в данном случае нас интересуют представления школьников, проявляющиеся в словесных ассоциациях, то к личной сфере отнесём всё, о чем они говорят *мой, моя, моё* или *мои*. Тем же способом определим сферы коллективно-личного (маркеры *наш, наша, наше, наши*) и чужого (маркеры *твой, ваши, их, его, ее, чужой, чужая, чужое, чужие*). Сфера личной собственности оказывается в данном случае подмножеством явлений личной сферы. На ассоциативном материале она диагностируется менее четко: ее границы определяются не столько положительно (*собственность, собственное, личное*), сколько через отрицание, маркерами *ничей, чужой*. Определение *ничей* маркирует еще одну зону — зону «ничейного». Осуществив данную формализацию обозначений личной сферы, сфер коллективно-личного, «ничейного», чужого и сферы личной собственности, можно обратиться к данным ассоциативного словаря.

Полученные в ходе свободных ассоциативных экспериментов со школьниками 9-11 классов материалы прямых статей электронного Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской обл. (АСШС)¹ дают основание полагать, что в центре

¹ Об Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области см. [Гольдин, Мартыанов, Сдобнова

личной сферы находится *дом*. *Дом* – это вторая по частоте реакция на стимул *мой* (первая – *твой*); вторая по частоте реакция на стимул *твой* (первая – *мой*), вторая по частоте реакция на стимул *наш* (первая – *человек*), третья по частоте реакция на стимул *ваш* (первые две – *наш* и *мой*).

Дом в качестве главного объекта, определяемого маркером *мой*, выделяется также по ответам младших школьников, по ответам учащихся средних классов, по отдельно рассмотренным ответам мальчиков и девочек. Приведем начальные фрагменты соответствующих прямых статей АСШС по стимулу *мой*, ограничившись реакциями, доля которых в корпусе ответов соответствующей группы испытуемых составляет не менее 2%:

мальчики 1-4 кл. (121 анкета): (отказ) 13,22%, *дом* 10,74%, *твой* 9,09%, *друг* 4,96%, *кот* 4,96%, *брат* 2,48%, *мой* 2,48%, *мяч* 2,48%, *чужой* 2,48%, *яблоко*¹ 2,48%...

девочки 1-4 кл. (126 анкет): *твой* 14,29%, (отказ) 13,49%, *дом* 7,94%, *кот* 3,97%, *моя* 3,97%, *друг* 3,17%, *чужой* 2,38%...

мальчики 5-8 кл. (121 анкета): *твой* 23,31%, (отказ) 16,53%, *дом* 8,26%, *друг* 7,44%, *моё* 3,31%, *велосипед* 2,48%, *его* 2,48%, *компьютер* 2,48%...

девочки 5-8 кл. (151 анкета): *твой* 20,53%, *дом* 7,95%, (отказ) 5,30%, *собственность* 3,97%, *кот* 3,31%, *моё* 2,65%, *свой* 2,65%, *собственный* 2,65%...

мальчики 9-11 кл. (84 анкеты): *твой* 27,38%, (отказ) 11,90%, *дом* 7,14%, *личный* 4,76%, *своё* 3,57%, *собственность* 3,57%, *личное* 2,38%, *не отдам* 2,38%, *чужой* 2,38%...

девочки 9-11 кл. (99 анкет): *твой* 21,21%, *дом* 11,11%, *собственность* 9,09%, *личный* 8,08%, (отказ) 7,07%, *собственный* 6,06%, *парень* 3,03%, *все* 2,02%, *друг* 2,02%, *моё* 2,02%, *своё* 2,02%, *чужой* 2,02%...

Представим в той же форме начальный фрагмент статьи МОЙ (от стимула к реакциям) «Русского ассоциативного словаря» [РАС 2002]:

студенты (80 анкет): *твой* 20%, *дом* 11,25%, *друг* 8,75%, *любимый* 6,25%, *дорогой* 2,50%, *муж* 2,50%, *портфель* 2,50%, *собственный* 2,50%...

Между наиболее частотными ответами выделенных групп испытуемых имеется много общего. Первое место почти во всех случаях занимает парадигматическая реакция *твой*, второе – синтагматическая реакция *дом*, чем подтверждается значительная сила данных ассоциативных связей. Реакция *друг* частотна в ответах школьников всех возрастных групп, хотя у девочек 5-8 кл. и мальчиков 9-11 кл. она не попадает в выделенную нами двухпроцентную зону; в ответах же студентов (РАС) реакция *друг* имеет высокий третий ранг. Отметим, что у старшеклассниц рядом с *другом* закономерно появляется *парень*, а в ответах испытуемых послешко-

ного возраста столь же естественно представлен *муж*. Реакция *кот* попадает в двухпроцентную зону только у школьников 1-4 и 5-8 классов, причем в ответах мальчиков исчезает раньше.

Реакция *чужой*, как видим, достаточно равномерно представлена на периферии двухпроцентной зоны в ответах школьников всех возрастных групп, а доли реакций *собственность*, *собственный* заметно возрастают по мере взросления школьников, в первую очередь у девочек; у школьников 9-11 кл. в двухпроцентной зоне ответов значительное место начинает принадлежать и реакции *личный* (4,76% – у мальчиков, 8,08% – у девочек).

Актуализация смыслов, связанных с зонами собственности и личной собственности, по-видимому, может быть поставлена в связь с постепенным возрастанием общей доли реакции *я* в ответах школьников на все предложенные им стимулы. См. рис. 1, на котором количественная динамика ответов *я* в корпусах ответов мальчиков и девочек показана отдельно и где хорошо видно резкое возрастание доли ответов *я* у девочек после 8 класса.

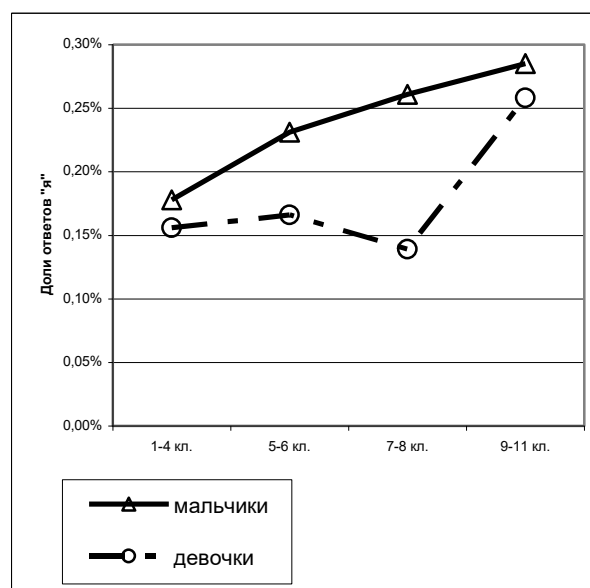

Рис. 1 – Доли реакции *я* в ответах мальчиков и девочек на все стимулы вместе

Если перейти теперь к обратным статьям АСШС (от реакции к стимулам) и посмотреть, какую долю занимает р е а к ц и я *мой* в ответ на стимул *дом*, то обнаруживается, что ассоциативные отношения *мой* → *дом* и *дом* → *мой* в частотном отношении весьма различны: в ранжированном по убыванию частот списке ответов старшеклассников на стимул *дом* (112 анкет) реакция *мой* занимает далеко не первое место (см. табл. 1). Эта асимметрия отношений $S_{\text{мой}} \rightarrow R_{\text{дом}}$ и $S_{\text{дом}} \rightarrow R_{\text{мой}}$, с одной стороны, осложняет интерпретацию ассоциативных данных, а с другой стороны, облегчает ее, показывая, как именно представлен «дом» в сознании школьников.

2004]. На 10.04.2007 г. в базе данных АСШС представлено 433368 пар $S \rightarrow R$.

¹ Реакция *яблоко*, по-видимому, дана на стимул *мой*, воспринятый как повелительная форма глагола *мыть*.

Таблица 1.

Наиболее частотные реакции старшекласников на стимул дом

Реакция	Доля	Частота	Реакция	Доля	Частота	Реакция	Доля	Частота
<i>семья</i>	6,25%	7	<i>мама</i>	2,68%	3	<i>коттедж</i>	1,79%	2
(отказ)	5,36%	6	<i>очаг</i>	2,68%	3	<i>красивый</i>	1,79%	2
<i>квартира</i>	5,36%	6	<i>помещение</i>	2,68%	3	<i>мой</i>	1,79%	2
<i>крыша</i>	5,36%	6	<i>родители</i>	2,68%	3	<i>родина</i>	1,79%	2
<i>хата</i>	5,36%	6	<i>где я живу</i>	1,79%	2	<i>телевизор</i>	1,79%	2
<i>большой</i>	3,57%	4	<i>жилище</i>	1,79%	2	<i>уют</i>	1,79%	2
<i>родной</i>	3,57%	4	<i>изба</i>	1,79%	2			
<i>жилые</i>	2,68%	3	<i>кирпичный</i>	1,79%	2			

Как можно видеть, часть реакций на стимул дом связана с физическими характеристиками дома, с домом-строением, домом-пространством, часть – с его «человеческой стороной», в том числе с отношением «дом – семья». Отношение «дом – семья» слабо представлено в ассоциациях учеников 1-4 кл. (см. ответы младших школьников на стимул дом, расположенные в порядке убывания их частоты: *квартира; большой; жить; жилые; дверь; домашний, домик, кирпич, окно; жилище, крыша; комната, красивый, мама...*), но постепенно занимает в ответах всё большее место. Соответствующий ряд в ответах учеников 7-8 кл. уже выглядит так: *квартира; жилище; семья; большой, крыша; жилые; мой; жить, окно...*

В ответах старшекласников связь «дом – семья» выступает на передний план, обогащая и без того сложное семантическое поле слова¹. АСШС регистрирует реакцию дом в ответах на 368 различных стимулов из 1095, предлагавшихся школьникам. Дом – одна из самых распространенных реакций не только школьников, но и взрослых и входит в «ядро языкового сознания» говорящих по-русски. Не удивительно, что именно дом представляется центром личной сферы.

Но если на стимул дом реакция *мой* оказывается не самой частотной, то естественно поставить вопрос, существуют ли вообще в корпусе предлагавшихся школьникам стимулов такие, в ассоциативном поле которых реакции *мой, моя, моё, мои* занимают одно из первых мест. Такие стимулы есть. В таблице 2 указаны те из них, в ассоциативном поле которых реакции *мой, моя, моё, мои* имеют ранг² не ниже третьего (доли отказов от реагирования при ранжировании не учитывались).

Отметим, что среди стимулов, в ассоциативном поле которых доли реакций *мой, моя, моё, мои* особенно велики (см. табл. 2), преобладают слова, в самих лексических значениях которых представлена отнесенность к лицу: *брат, папа, мама, родители,*

друг, родина, судьба, тайна, идея, честь, проблема, имя, мнение. Среди них мы видим не только известные релятивные обозначения родственников, а также друга (*брат, папа, мама, родители, друг*), но и слова, которые традиционно не относят к релятивным, но которые, по-видимому, достаточно к ним близки.

В данном случае важна не номинация лица (половина перечисленных выше стимулов лиц не называют), а именно отнесенность к лицу. Так, *тайна* в своем значении «Нечто скрываемое от других, не всем известное» [Ожегов, Шведова 2003] соотносится с ситуацией, в которой представлены лицо А, знающее Р, лицо В, не знающее Р, и коммуникативные отношения между А и В. Поэтому тайна обычно представляется «чьей-то»³. Не случайно выражения *тайны природы, тайны живой клетки* и подобные им со значением «Нечто неразгаданное, не познанное» во многих случаях допускают преобразования типа *природа хранит от нас свои тайны, живая клетка постепенно раскрывает свои тайны*, где объект познания трансформируется в субъект – носитель скрываемого знания. Судя по ассоциациям, стимул *вещь* в ассоциативной паре $S_{вещь} \rightarrow R_{моя}$ воспринят испытуемыми, скорее всего, как «То, что принадлежит к личному движимому имуществу» [Ожегов, Шведова 2003], то есть включает в своё содержание идею собственности и не замкнутое в слове, не реализованное в нем до конца и потому требующее раскрытия в высказывании отнесение к «собственнику». Этой своей особенностью содержание слова *вещь* принципиально отличается от содержания слова *предмет*, лишённого реляции к человеку в значениях, представленных ассоциациями школьников. Закономерно, что в ранжированном по убыванию частоты перечне реакций учащихся на стимул вещь реакция *моя* имеет третий ранг, что в этом ряду представлены также реакции *чужая* 0,94% и *чья-то* 0,38%, а среди ответов на стимул предмет такие реакции вообще не зарегистрированы. Ср. начальные фрагменты соответствующих статей:

¹ О динамике связанных с домом ассоциаций школьников см. [Гольдин, Сдобнова 2006].

² Подчеркнем, что цифра в столбце «Ранг реакции» данной таблицы показывает не ранг стимула, а ранг реакции *мой, моя, моё, мои* в корпусе ответов на соответствующий стимул.

³ См. [Новый объяснительный 1997: 432].

Таблица 2

Стимулы, в ассоциативном поле которых реакции *мой, моя, моё, мои* входят в число наиболее частотных (по ответам учеников 5-11 кл.)

Стимул	Ранг реакции <i>мой</i>	Стимул	Ранг реакции <i>моя</i>	Стимул	Ранг реакции <i>моё</i>	Стимул	Ранг реакции <i>мои</i>
друг	1	территория	1	мнение	1	родители	3
ничей	1	душа	2	имя	1		
твой	1	личность	2	своё	1		
брат	3	родина	2				
класс	3	судьба	2				
папа	3	тайна	2				
свой	3	вещь	3				
собственный	3	идея	3				
		комната	3				
		мама	3				
		проблема	3				
		честь	3				

ВЕЩЬ (5-11 кл., 533 анкеты): *одежда* 21,01%, (отказ) 14,82%, *предмет* 4,50%, *моя* 4,32%, *кофта* 2,06%, *куртка* 2,06%, *платье* 1,50%...

ПРЕДМЕТ (5-11 кл., 136 анкеты): (отказ) 13,24%, *вещь* 9,56%, *ручка* 7,35%, *алгебра* 5,15%, *стол* 5,15%, *история* 2,94%, *книга* 2,94%, *физ-ра* 2,94%, *в школе* 2,21%, *русский* 2,21%, *русский язык* 2,21%, *красивый* 1,47%, *математика* 1,47%, *машина* 1,47%, *парта* 1,47%, *биология* 0,74%, *бокал* 0,74%...¹

Слово *проблема* ($S_{\text{проблема}} \rightarrow R_{\text{моя}}$) как обозначение чего-то трудно разрешимого также содержит не раскрытую до конца отсылку к лицу, для которого это нечто и составляет проблему, отсюда особенности ассоциаций, вызываемых данным стимулом.

В словарном толковании слова *территория* «Ограниченное земельное пространство» [Ожегов, Шведова 2003] отношение к лицу не выявлено, между тем оно существует и проявляется в особенностях употребления данного слова. Его используют преимущественно тогда, когда речь идет о границах артефактов, то есть искусственно созданных объектов, имеющих, таким образом, отношение к человеку. Можно поэтому говорить о *территории* парка, заповедника, пляжа, автостоянки или лагеря, но не леса, берега, опушки, горы, долины или, например, ледника, а определение *мой*, обычно выступает при словах второго ряда лишь в особых контекстных условиях.

Таким образом, сильные ассоциативные связи с реакциями *мой, моя, моё, мои* обнаруживают прежде всего те стимулы, в содержании которых представлена реляция к человеку и смысл которых в высказывании оказывается неполным без соответствующего развертывания и замыкания этой связи. Слова *стол, ручка, книга, парта, бокал* (см. реакции на стимул *предмет*) и *кот, велосипед, компьютер* (см. выше реакции на стимул *мой*)

также могут вступать в связи с обозначениями лиц, но не стимулируют развертывания смысла высказывания в данном направлении. Это различие можно выразить и по-другому: наиболее частотные реакции *мой, моя, моё, мои* даются на особый релятивный компонент в содержании некоторых стимулов; идя же от стимулов *мой, моя, моё, мои* к реакциям, мы получаем ответы на значения слов *мой, моя, моё, мои*, что, конечно, не одно и то же.

Значение местоимения *мой* определено в [Ожегов, Шведова 2003] как «Принадлежащий мне, имеющий отношение ко мне». В этом толковании соединены значение принадлежности и более общее значение актуальной для говорящего связи явлений. Реакции на стимул *мой*, как можно видеть, вполне соответствуют именно так определенному значению: ими отмечается как отношение принадлежности (*твой, дом, кот, мяч, велосипед, компьютер, собственный, собственность, личность, моё, своё, свой*), так и более общей, но актуальной для говорящего связи с лицами (*твой, дом, брат, друг, парень*).

С учетом этого дадим еще одно определение обсуждаемого различия: рассматривая, на какие стимулы чаще всего даются реакции *мой, моя, моё, мои*, мы узнаем круг слов, в значении которых представлен компонент отнесенности к лицу; исследуя же реакции на стимулы *мой, моя, моё, мои*, мы устанавливаем круг явлений, наиболее актуальных для испытуемого в аспекте их принадлежности и вообще связи с ним. Таким образом, данные прямых и обратных статей словаря, включающие единицы «мой», «моя», «моё», «мои», не противоречат одни другим, а раскрывают разные стороны изучаемого явления.

Говоря о границах личной сферы, важно соотнести их с границами «лично-коллективного». Это удобно сделать, рассмотрев пересечения множеств стимулов, на которые даются реакции *мой* и *наш, моя* и *наша, моё* и *наше, мои* и *наши*. Выделяются следующие группы стимулов:

¹ Ассоциативные поля стимулов *вещь* и *предмет*, представленные в РАС, демонстрируют то же соотношение.

1. стимулы, ассоциируемые школьниками с «моим», но не «нашим»:

папа, брат, отец, бабушка, мама, матушка, сын, дочь, дядя, семья, дети, родители, род, родной, индивидуальный, собственный, единственный, личность, девушка, его, ее, она, глаз, глаза, руки, рука, палец, сердце, почка, здоровье, голос, дух, ум, идея, мысль, предложение, образ, душа, юность, счастье, честь, власть, тайна, энергия, копия, имя, личность, деревня, сторона, место, территория, иметь, состояние, деньги, игрушка, шляпа, кукла, стакан, картина, краски, шахматы, велосипед, собака, кошка, котёнок, щенок;

2. стимулы, ассоциируемые школьниками преимущественно с «моим»:

твой, ничей, весь, друг, фамилия, голова, судьба, комната, вещь, обувь, компьютер, проблема;

3. стимулы, ассоциируемые школьниками с «нашим», но не «моим»:

молодежь, армия, война, гости, мафия, ссора, река, ворота, российский, местный;

4. стимулы, ассоциируемые школьниками преимущественно с «нашим»:

их, русский, общий, класс, школа, район, страна, Вселенная, Земля, область, Россия, жизнь, победа, дружба, лошадь;

5. стимулы, в равной мере ассоциируемые школьниками с «моим» и «нашим»:

свой, дом, родина.

Оценивая полученный результат, необходимо учитывать, что, работая с обратными статьями ассоциативного словаря, то есть двигаясь от реакций к стимулам, на которые были даны реакции, мы получаем подмножества только того множества стимулов, которое было использовано в эксперименте. На 10.04.2007 корпус стимулов, материал по которым уже вошел в АСШС, состоит из 1095 лексем с различными лексическими и грамматическими свойствами. Конечно, он не представляет лексику школьников во всём её объеме, поэтому отсутствие в выборках какого-либо из интуитивно ожидаемых компонентов того или иного подмножества не означает, что данного компонента на самом деле нет в сознании школьников, тогда как наличие того или компонента в выделенном подмножестве характеризует реальное положение дел. Другими словами, материалы обратных статей позволяют судить о том, что е с т ь в представлениях школьников, но не о том, чего в них н е т. Поэтому полезно дополнить полученные подмножества стимулов лексемами, выступившими в качестве р е а к ц и й на стимулы рядов мой и наш, то есть материалами прямых статей. Однако оказывается, что заметного изменения характера подмножеств при этом не происходит. Так, группа лексем, связанная с «моим», дополняется словами *пенал*, *дневник*, в группу лексем, преимущественно связанных с идеей «нашего», входит слово *мир*, но в большей части случаев лексемы-реакции совпадают с лексемами-стимулами, что говорит о лексическом богатстве и высокой насыщенности списка стимулов АСШС.

Если рассмотреть пересечения множеств не только «моего» и «нашего», но также «моего» и «чужого», то полученный материал позволяет сказать, что в представлениях школьников «моими» являются 1) ближайшие родственники, 2) внешние (*имя, фамилия, судьба,*) и внутренние (*мысль, идея, мнение* и под.) атрибуты личности, 3) части тела, 4) личные вещи (*рубашка, обувь, стакан* и под.), 5) домашние животные, а также 6) ближайшее пространство относительно небольшого размера (*дом, квартира, комната, село*), которое в то же время может относиться и к сфере лично-коллективного («нашего»). Преимущественно в сфере лично-коллективного представлены крупные пространственные объекты (*район, область, страна, Россия, Земля, Вселенная*), номинации коллективов и социальных общностей (*класс, армия, молодёжь, мафия*), обозначения коллективных действий, событий и состояний (*ссора, дружба, война, победа, гости* и под.), объекты коллективной собственности (*дом, квартира*). Область собственно «чужого» представлена в основном номинациями явлений, противопоставленных «я» и «мы» (*люди, новенький, кто-то, тот, запретный*) и неприятно вторгающихся в нашу личную сферу или разрушающих ее (*болезнь, больной, воровать, хулиган, брехня*). По-видимому, не случайно, что личная сфера представлена самым большим количеством составляющих, коллективно-личная – меньшим, а сфера «чужого» – еще меньшим¹.

Если с областью «чужого» связаны в значительной мере негативно-враждебные оценки, то область «ничейного» враждебного отношения не вызывает. Ассоциации школьников на стимул «ничей» свидетельствуют о том, что «ничейное» противопоставлено не «нашему», а «моему»: самая частая реакция на этот стимул – *мой* (23,74% реакций). «Ничей» воспринимается школьниками как не имеющий хозяина, никому не нужный, брошенный или потерянный, а потому им можно (или нужно) овладеть. Ср. реакции *взять, значит мой, а мой, моё, не твой, все равно мой, забрать себе, надо забрать, теперь мой* и под. Кроме вещей, домашних животных и детей, которые могут в представлении школьников оказаться ничьими (*мяч, кошелёк, учебник, коробка, лампа, дом, котенок, пёс, щенок, малыш, ребёнок...*), в ряд «ничьих» школьники отнесли и природные объекты *снег, песок, свет, звезда, муравейник*, в обычном случае никому не принадлежащие.

¹ Можно предположить, что слова *мой, моя, моё, мои* в качестве реакций на предлагаемые стимулы в каких-то случаях отражают лишь грамматические значения рода и числа стимулов, а не их отношение к личной сфере. Реакции типа сын→*мой* и дети→*мои* в ответах школьников как будто подтверждают эту точку зрения. Таких реакций, однако, немного, и если бы предполагаемый собственно грамматический характер ассоциаций на самом деле оказывал значительное влияние на результаты эксперимента, то приведенное выше разделение сфер не выявило бы их системной организации.

В социально-психологическом плане интересно, что, как показывают ассоциации, быть ничьим означает не только отсутствие хозяина и связанную с этим свободу (*свободный, сам по себе*), но и негативно оцениваемое отсутствие покровительства, помощи, заботы. См. следующие реакции на стимул *ничей*: *одинокий, брошенный, бездомный, уличный, беспризорный, бомж, сирота, дворняга, никакой, никто, никчемный, не нужный никому, лишний,*

никто не возьмет, плохо. Стоит отметить, что данный компонент ассоциативного значения стимула *ничей* определяется уже по ответам младших школьников, а в ответах учеников средних и старших классов становится еще более заметным. Возможно, это связано с усиливающимся в это время вниманием подростков к себе и к своему месту среди окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдин В.Е., Мартьянов А.О., Сдобнова А.П. Компьютерная версия Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. – М., 2004.
2. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Дом» в ассоциациях школьников (динамический аспект) // Вестник Пермского университета. Сер. Филология. 2006. Вып. 3.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. Вып. 1.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
5. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

А.П. Сдобнова (Саратов)

Единицы ядра языкового сознания современного школьника

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-04142а).

Ядро языкового сознания (ЯС) в современной лингвистике исследуется в различных аспектах. Рассматриваются принципы его выделения, состав входящих в него единиц, метаязыковая функция единиц ядра, семантическая структура ядра, этнокультурные, гендерные, социокультурные, возрастные особенности ядра ЯС и др. (А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, Н.О. Золотова, Н.В. Сабуркина и А.Г. Сонин, С.Г. Незговорова, А.П. Боргоякова, Н.С. Сергиева, А.В. Федченко, Е.Н. Гуц, Н.И. Береснева, И.Г. Овчинникова, Т.В. Соколова и др.).¹

В данной работе рассматриваются единицы ядра языкового сознания (ЯЯС) современного русского школьника на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» (АСШС). АСШС существует как постоянно пополняемая база данных (см.: [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова 2004]). К настоящему времени он включает более 400 тысяч реакций, полученных от учащихся 1-11 классов (количественные характеристики материалов АСШС см. в табл. 1).

Ядром языкового сознания принято называть ограниченное количество слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в сознании носителей языка, то есть «обладающих максимальной ассоциативной силой в ассоциативно-вербальной сети» [Золотова 2005: 4]. Ядро ЯС

школьников выделено нами по методике А.А. Залевской на базе обратных статей АСШС [Залевская 1981].

Таблица 1

Количественные характеристики АСШС

Характеристики	Количество	
	Анкеты испытуемых	Реакции
1-4 кл.	3 956	119 950
5-6 кл.	3 027	92 135
7-8 кл.	3 187	96 625
9-11 кл.	3 516	107 048
Всего	13 686	415 758

Ядро ЯС школьников нельзя рассматривать как нечто однородно-стабильное, поэтому нами выделяются ядро ЯС школьника как коллективной (усредненной) языковой личности и варианты ядра, дифференцируемые по возрасту испытуемых.

Возрастные варианты ядра ЯС определяются в соответствии со следующими возрастными группами: ЯЯС младших школьников 1-4 кл., ЯЯС двух групп подростков 5-6 кл. и 7-8 кл., ЯЯС старшеклассников 9-11 кл.

¹ Перечень работ, посвященных различным аспектам анализа ядра ЯС, см.: [Золотова 2005: 56-57].

Ядро ЯС коллективной личности школьника (включает 76 единиц¹): *боль, большой, быстро, вещь, вода, время, говорить, голова, город, гулять, девочка, делать, дело, день, деньги, дерево, добрый, дом, дорога, доска, друг, думать, дурак, животное, жизнь, земля, игра, играть, идти, класс, книга, кот, красивый, лес, любовь, люди, маленький, мальчик, мама, машина, мир, много, мой, мяч, нет, он, папа, писать, плохо, плохой, предмет, работа, радость, ребенок, ручка, сильный, слово, собака, солнце, стол, стул, телевизор, тетрадь, ты, улица, ум, умный, урок, ученик, учитель, хороший, хорошо, цветок, человек, школа, я.*

Ядро ЯС школьников 9-11 кл. (78 единиц): *боль, большой, быстро, веселье, вещь, вода, время, всё, гулять, делать, дело, день, деньги, дерево, дом, дорога, друг, думать, дурак, его, еда, животное, жизнь, игра, идти, класс, книга, красивый, красота, круто, лес, лето, любовь, люди, маленький, мальчик, мама, машина, мир, много, мой, мяч, небо, нет, одежда, он, отдых, очень, парень, плохо, плохой, праздник, предмет, работа, радость, ребенок, свет, сила, смерть, снег, собака, солнце, спать, стол, страх, счастье, тупой, ужас, ум, умный, урок, учитель, хороший, хорошо, человек, что-то, школа, я.*

Ядро ЯС школьников 7-8 кл. (75 единиц): *большой, быстро, вещь, вода, время, говорить, город, гулять, делать, дело, день, деньги, дерево, добрый, дом, дорога, друг, думать, дурак, еда, животное, жизнь, зачем, зверь, игра, играть, идти, кино, класс, книга, красивый, лес, лист, любовь, люди, маленький, мальчик, мама, машина, мир, много, мой, мяч, нет, он, очень, папа, плохо, плохой, праздник, предмет, работа, радость, разговор, ребенок, свет, сильный, смерть, собака, стол, стул, ты, улица, ум, умный, урок, учебник, ученик, учитель, хороший, хорошо, цветок, человек, школа, я.*

Ядро ЯС школьников 5-6 кл. (78 единиц): *большой, быстро, вещь, вода, говорить, голова, город, гулять, девочка, делать, дело, день, деньги, дерево, добрый, дом, дорога, доска, друг, думать, дурак, животное, жизнь, злой, игра, играть, идти, карандаш, кино, класс, книга, кот, красивый, лист, любовь, люди, маленький, мальчик, мама, машина, мир, много, мой, мужчина, мяч, нет, одежда, он, папа, писать, плохо, плохой, предмет, работа, радость, ребенок, ручка, сильный, слово, собака, стол, стул, телевизор, тетрадь, ты, улица, ум, умный, урок, ученик, учитель, хороший, хорошо,*

цвет, цветок, человек, школа, я.

Ядро ЯС школьников 1-4 кл. (76 единиц): *белый, большой, быстро, вода, говорить, голова, город, девочка, делать, дело, день, деньги, дерево, добрый, дом, дорога, доска, друг, думать, животное, жизнь, зверь, земля, игра, играть, игрушка, идти, карандаш, класс, книга, кот, красивый, красный, лес, лист, люди, магазин, маленький, мальчик, мама, машина, много, мой, мяч, нет, он, папа, пенал, писать, плохо, плохой, работа, радость, ребенок, ручка, сильный, слово, собака, солнце, стол, стул, тетрадь, ты, ум, умный, урок, ученик, учитель, хороший, хорошо, цвет, цветок, человек, читать, школа, я.*

Сопоставление возрастных вариантов ядра показывает, что наиболее близки между собой по составу единиц варианты ЯЯС подростков 5-6 и 7-8 классов: в них совпадает 68 единиц (около 90 % ядра). Следует отметить, что варианты ядра этих двух групп подростков менее всего отличаются от всех остальных возрастных вариантов: в каждом из них выделяются только три единицы, отсутствующие в вариантах ядра других групп: *злой, мужчина, телевизор* – в ядре учащихся 5-6 класса; *зачем, разговор, учебник* – в ядре учащихся 7-8 класса. Поскольку варианты ядра этих двух групп подростков (5-6 и 7-8 классов) совпадают на 90 %, мы считаем возможным рассматривать совокупное ядро ЯС учащихся 5-8 классов как относительно однородное ядро.

Следующими по степени близости выступают варианты ядра школьников 1-4 и 5-6 классов: в них общих – 66 единиц (в среднем 86 % ядра).

Наибольшим своеобразием состава единиц выделяются ядро младших школьников и ядро старшекласников. В **ядре младших** школьников имеется 7 единиц, которых нет ни в одном другом возрастном варианте ядра: *игрушка, белый, красный, земля, магазин, пенал, читать*. Эти единицы в большинстве своем отличаются конкретностью семантики. Подобное наблюдается в ассоциативном словаре пермских младших школьников [см.: Береснева, Дубровская, Овчинникова 1995: 75]. Единицы, имеющиеся и в ядре средних и в ядре старших школьников, но отсутствующие в ядре младших школьников, по большей части характеризуются абстрактной семантикой. Это следующие 15 единиц: *вещь, время, гулять, дурак, еда, кино, любовь, мир, одежда, очень, праздник, предмет, свет, смерть, улица*.

Единицы, имеющиеся исключительно в **ядре старших** школьников (9-11 кл.) и отсутствующие в вариантах ядра остальных школьников, носят преимущественно эмоционально-оценочный характер. Это следующие 18 единиц: *боль, веселье, всё, его, красота, круто, лето, небо, отдых, парень, сила, снег, спать, страх, счастье, тупой, ужас, что-то*.

При имеющейся вариативности ядра ЯС учащихся в нем выделяется стабильная основа – единицы, которые присутствуют в каждом возрастном варианте и в ядре ЯС коллективной

¹ Единицы ядра даны в алфавитном порядке. Количество единиц в вариантах ядра может колебаться в незначительных пределах (75-78), отличаться от традиционно выделяемого и сопоставляемого количества единиц ядра русского ЯС, английского ЯС и др. – 75 единиц [см.: Залевская 1981; Уфимцева 1996, 2000 и др.]. Увеличение количества единиц ядра связано с тем, что используемая методика выделения ядра не позволяет делать выбор из последних в перечне ассоциатов, вызванных одинаковым числом стимулов [ср.: Караулов 2000: 194-196].

личности школьника (45 единиц):

большой, быстро, вода, делать, дело, день, деньги, дерево, дом, дорога, друг, думать, животное, жизнь, игра, идти, класс, книга, красивый, люди, маленький, мальчик, мама, машина, много, мой, мяч, нет, он, плохо, плохой, работа, радость, ребенок, собака, стол, ум, умный, урок, учитель, хороший, хорошо, человек, школа, я.

Вероятно, их следует рассматривать как **базовые** единицы ЯЯС школьников. Они составляют в вариантах ЯЯС от 57,7 % до 60 %

состава ядра.

Сопоставление коллективного варианта ядра ЯС школьников и ядра ЯС взрослых, выделенного Н.В. Уфимцевой по материалам РАС [Уфимцева 2000: 164-166], показывает, что *основная* часть единиц ядра ЯС школьников (61,8 %) совпадает с единицами ядра ЯС взрослых (см. табл. 2. Ассоциаты в ней ранжированы по убыванию количества входящих связей. Единицы, общие для ЯЯС школьников и ЯЯС взрослых, выделены полужирным шрифтом).

Таблица 2

Ядро языкового сознания школьников и взрослых¹

Взрослые (РАС)		Школьники (АСШС)	
Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат
1	человек	1	человек
2	дом	2	дом
3	жизнь	3	машина
4	плохо	4	хорошо
5	хорошо	5	друг
6	большой	6	я
7	нет	7	большой
8	деньги	8	хороший
9	дурак	9	плохо
10	друг	10,5	мальчик
11	лес	10,5	мама
12	хороший	12	умный
13	мужчина	13	школа
14,5	день	14	жизнь
14,5	много	15	люди
16,5	любовь	16	класс
16,5	работа	17	красивый
18	вода	18	урок
19,5	ребенок	19	плохой
19,5	все	20	собака
21	радость	21	книга
22	красивый*	22,5	день
23,5	дело	22,5	мой
23,5	смерть	24	нет
25	плохой	25	деньги
26	быстро	26	любовь
27	стол	27	стул
28	парень	28	стол
29	дорога	29	дорога
30	дерево	30	тетрадь
31	мир	31	мяч
32	есть	32,5	работа
33,5	время	32,5	ручка
33,5	говорить	34,5	вода
35	думать	34,5	цветок
36	жить	36,5	много
37	свет	36,5	папа
38	я	38	игра

Взрослые (РАС)		Школьники (АСШС)	
Ранг	Ассоциат	Ранг	Ассоциат
39	разговор	39	ум
40	мой	40,5	радость
41	красный	40,5	ребенок
42	женщина	42	учитель
43,5	книга	43	играть
43,5	машина	44	идти
45	грязь	45	дурак
46	идти	46	мир
47	старый	47,5	дело
48	мальчик	47,5	маленький
49	белый	49,5	гулять
50	девушка	49,5	кот
51	мужик	51	дерево
52	страх	52	вещь
53	умный	53	предмет
54	далеко	54	думать
55	сильный	56	город
56	долго	56	животное
58,5	боль	56	лес
58,5	всегда	59	он
58,5	город	59	улица
58,5	черный	59	делать
61	зеленый	61,5	слово
62	море	61,5	добрый
63	счастье	63	ученик
64	муж	64	боль
65,5	собака	65	быстро
65,5	солнце	66	ты
67	кино	67	сильный
68	ум	69	земля
69	маленький	69	солнце
70	урок*	69	телевизор
71,5	он	71,5	голова
71,5	предмет	71,5	время
74	вечер*	73	доска
74	вопрос*	74	девочка
74	очень	75,5	писать
		75,5	говорить

¹ В табл. 2 представлены единицы ядра, выделенного Н.В. Уфимцевой по материалам РАС 1-6 [Уфимцева 2000: 164-166]. По данным второго, сводного, издания РАС [РАС II 2002], к ядру ЯС, вероятно, могут относиться, кроме выделенных ранее Н.В. Уфимцевой, и такие единицы, как *красивый* (ассоциат, имеющий связи с 392 стимулами), *урок* (ассоциат, имеющий связи с 256 стимулами), *вечер*, *вопрос* (ассоциаты, имеющие связи с 253 стимулами каждый). Они в табл. 2 отмечены знаком *. Поэтому ассоциаты *сделать*, *война*, *ночь*, *земля* следует отнести к следующему, второму слою ядра, так как их ранги по данным РАС II меняются: 76, 78, 80, 81 соответственно.

Таблица 3

**Лексико-грамматические классы в ЯЯС
школьников и ЯЯС взрослых (%)**

Части речи	Взрослые	Школьники				ПАСМШ
		АСШС			6-10 лет	
	РАС	Возрастные варианты ядра ЯС				
9-11 кл.		5-8 кл.	1-4 кл.			
Существительное	60	67,94	65,3	65,8	76	
Прилагательное	17,33	10,25	12	14,5	11	
Глагол	6,67	6,41	10,7	10,5	8,4	
Наречие и предикатив	12	8,97	8	5,3	1	
Местоимение	4	6,41	4	4	1	

Сравнение ЯЯС школьников и взрослых показывает, что центральные единицы ЯЯС взрослых с рангами 1-10 (*человек, дом, жизнь, плохо, хорошо, большой, нет, деньги, дурак, друг*), имеются в коллективном варианте ядра ЯС школьников. Из первых тридцати единиц ЯЯС взрослых (с рангами 1-30) – в ЯЯС школьников содержится 26 (см. табл.2).

Центральные единицы ядра ЯС коллективного школьника, имеющие ранги 1-10 (*человек, дом, машина, хорошо, друг, я, большой, хороший, плохо, мальчик*), содержатся в ЯЯС взрослых, а из единиц с рангами 1-30 в ЯЯС школьников – у взрослых имеются 23 единицы. Следовательно, центральные единицы ЯЯС школьника и ЯЯС взрослого совпадают. Самые главные из них *человек* и *дом*, обладающие наибольшим количеством ассоциативных связей в ядре ЯС русскоговорящих, совпадают к тому же и по рангам. Вероятно, можно говорить о том, что в основе формирующегося ядра ЯС ребенка в школьный период лежат наиболее значимые, базовые для ЯС русских единицы.

Лексико-грамматические классы в ЯЯС школьников и ЯЯС взрослых представлены одни и те же. Известно, что в ядре ЯС людей, говорящих на разных языках, существительные составляют более половины всего состава, прилагательных и глаголов в ядре в 3-4 раза меньше, еще меньше наречий и омонимичных им предикатных слов; местоимения представлены минимально (см. например: [Золотова 2005: 67; Уфимцева 1996: 144; Караулов 2000: 197; Незговорова 2004: 58]). В целом именно такой представленностью частей речи характеризуется ядро ЯС школьников при незначительной «недостаточности» или «избыточности» той или иной части речи в ЯЯС школьников в сравнении с составом ЯЯС взрослых (см. табл. 3).

Более детальный анализ частеречного состава ядерных единиц в ЯЯС выявляет большую долю существительных во всех возрастных вариантах и коллективном варианте ядра ЯС школьников (от 65,3 % – до 68,42 %) в сравнении с долей этой части речи в ядре взрослых (60 %). Материалы пермского ассоциативного словаря младших школьников (ПАСМШ) указывают на еще большее «превалирование существительных над другими частями речи» в составе их варианта ядра ЯС (76 %) [Овчинникова, Береснева, Дубровская, Пенягина 2000: 79]. Пермские ученые считают, что «тенденция развития лексикона <...> – пополнение его наречиями и местоимениями за счет уменьшения доли существительных, что отразится и на внутреннем лексиконе» [Там же]. Устойчивое преобладание существительных во всех возрастных вариантах ядра ЯЯС саратовских школьников, превышающее «взрослую норму», вероятно, свидетельствует о доминирующей роли существительных в формировании лексикона и речемыслительной деятельности ребенка в школьный период (ср.: [Золотова 2005: 67, 77-78]).¹

Доли глаголов и наречий в возрастных вариантах ядра ЯС саратовских школьников демонстрируют последовательное движение к «взрослой норме»: увеличение наречно-предикативных единиц от одной возрастной группы к другой и уменьшение числа глаголов. Количество прилагательных и местоимений в ядре ЯС школьников отличается от представленности этих частей речи в ядре взрослых, однако их «поведение» в возрастных вариантах ЯЯС школьников сложно оценивать как стремление к «норме». Интерпретация динамики этих частей речи в ассоциативно-вербальной сети и, в частности в ядре ЯС школьников, требует специального исследования. В целом, представленность частей речи в возрастных вариантах ядра ЯС учащихся отражает продолжающееся в школьный период формирование ассоциативно-вербальных связей и становление ядра ЯС.

Частотные характеристики единиц ЯЯС школьников. В качестве источников информации о частотности слов в современном русском языке использованы нами «Частотный словарь русского языка» С.А. Шарова [Шаров 2002, электронная версия] и «Частотный словарь русского языка» под ред. Л.Н. Засориной [Засорина 1977]. Базой частотного словаря С.А. Шарова являются тексты произведений современной прозы, политических мемуаров, современных газет и научно-популярной литературы с 1970 по 2002 г., большинство из которых относятся к 80-90 годам XX века. Словник включает около 16 миллионов словоупотреблений. Лемматизированный словарь содержит около 35 000 лексем с частотой большей 1 ipm (вхождений на миллион слов). Базой словаря под ред.

на этапах становления речи разноязычных детей. Результаты исследований аграмматизма указывают на большую устойчивость существительных в сравнении с другими частями речи.

¹ Заметим, что все исследователи детской речи отмечают подавляющее преобладание существительных

Л.Н. Засориной выступают тексты более раннего периода – 20-60 годов (преимущественно 50-60 гг.) XX века. Словник включает 39 268 лексем общим числом 1 056 382 словоупотребления. В качестве основного источника сведений о частотности единиц ядра мы рассматриваем словарь С.А. Шарова, поскольку словарь фиксирует лексический состав русского языка конца XX – начала XXI веков, то есть временной интервал материалов этого словаря наиболее близок временным рамкам АСШС.

Выделение зон частотности слов является условным. К высокочастотной и частотной лексике условно относят слова с частотой употребления от 100 слов и выше, к средней зоне частотности – с частотой от 100 до 10 слов на 1 млн. словоупотреблений.

Таблица 4

Частотность единиц ЯАС школьников

Диапазон связей	Частота слова (%)	
	Частотный словарь русского языка С.А. Шарова	Частотный словарь русского языка Л.Н. Засориной
	Более 1000	22,4
500-999	18,4	18,4
101-499	47,4	39,5
11-100	11,8	18,4
1-10	–	–

В ядре ЯС школьников к группам высокочастотной и частотной лексики относятся 67 единиц (88,2 %), к среднечастотной – 9 единиц (11,8 %) (по: Шаров 2002). Низкочастотные слова отсутствуют в ядре ЯС школьников (см. табл. 4). В группу 5000 «наиболее частых слов», выделяемую С.А. Шаровым, входят все единицы ядра.¹

Выделение зон частотности, как уже было сказано, является условным, поскольку индекс частотности слова определяется в частотных словарях С.А. Шарова и Л.Н. Засориной на материале текстов преимущественно письменных жанров. Ассоциативные пары слов являют собой (проецируют) предречевую готовность индивида (Ю.Н. Караулов). Однако эту готовность нельзя рассматривать однозначно как возможность реализации только в письменной форме, в

¹ Исключение составляет слово *люди*, отсутствующее в словаре С.А. Шарова, леммой которого в нем, вероятно, выступает *человек*. Мы считаем правомерным рассматривать *люди* как самостоятельную лексическую единицу, хотя допускаем, что наша позиция не бесспорна. Как самостоятельная лексическая единица *люди* выступает в ТСОШ, МАС, РСС I.

письменных жанрах. Несомненно, требуются специальные исследования степени отражения каждой из форм речи (устной и письменной) в ассоциативных экспериментах.² Несмотря на определенную условность подхода к частотности единиц ядра, можно утверждать, что основу ядра школьников составляет высокочастотная и частотная лексика русского языка современного периода.

Анализ *формальной* структуры единиц ЯАС школьников показывает, что почти две трети единиц ядра имеют в своем составе две морфемы, около трети – три морфемы (см. табл. 5).

Таблица 5

Морфемный состав единиц ЯС школьников

Количество		Примеры
морфем	единиц ядра (%)	
1	2,6	<i>я, нет</i>
2	65,8	<i>боль, большой, быстро, город, дело, деньги, друг, книга, лес, человек</i>
3	29,0	<i>думать, делать, играть, любовь, радость, сильный, умный, цветок</i>
Остальные	2,6	<i>учитель</i>

Поскольку у существительного, прилагательного и глагола в русском языке имеется словоизменяемая парадигма, их морфемная структура должна включать, кроме корня, флексию, поэтому минимальная структура существительных и непроизводных прилагательных двуморфемная. Двуморфемные существительные и прилагательные в русском языке, как правило, являются базовыми (исходными) в деривационной системе русского языка, возглавляют словообразовательные гнезда (*вода, дом, лес, ум, плохой, хороший* и под.). К базовым относятся и трехморфемные глаголы (*говорить, думать, делать, писать, играть, гулять*), структура которых содержит, кроме корня, словоизменяемый аффикс и глагольный суффикс. В ядре ЯС школьников к базовым можно отнести 58 единиц (76,3 %), при этом около 24 % единиц «возглавляют» большие и очень большие словообразовательные гнезда, например *говорить, делать, земля, лес, играть, писать, слово* (базовые единицы определялись по «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова [Тихонов 1985]).

23 единицы (30,3 %) содержат самые продуктивные корни русского языка: *говорить, делать, гулять, мир* и др. (продуктивность корня определялась по «словарю морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой [Кузнецова,

² Не случайно в работах последних лет обсуждается вопрос о влиянии формы ассоциативного эксперимента на его результаты (см. например: Доценко 1999).

Ефремова 1986: 1112].

Таким образом, можно констатировать, что единицы ядра ЯС школьников относятся к высокочастотной и частотной лексике современного русского языка, к базовым единицам словообразовательной системы русского языка.

Анализ единиц ЯЯС школьников показывает, во-первых, что ядро языкового сознания

школьников неоднородно, вариативно и динамично; во-вторых, что в школьный период основная часть базовых для русского языкового сознания единиц сформирована, а другая часть единиц ядра находится в стадии активного становления. В целом в развитии ядра языкового сознания школьника прослеживается движение к «взрослой норме».

ЛИТЕРАТУРА

1. Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
2. Гольдин В.Е., Мартянов А.О., Сдобнова А.П. Компьютерная версия Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004.
3. Доценко Т.И. Влияние экспериментальной ситуации на ассоциативное поле младшего подростка // Проблемы детской речи – 1999. СПб., 1999.
4. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.
5. Засорина 1977 – Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.
6. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь, 2005.
7. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
8. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986
9. МАС – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1981-1984.
10. Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
11. Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника. Пермь, 2000.
12. РАС 1-6 – Русский ассоциативный словарь. Книга 1-6 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1994-1998.
13. РАС II – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.
14. РСС I – Русский семантический словарь / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. Т. 1.
15. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
16. ТСОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
17. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
18. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. 2-е изд. М., 2000.
19. Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. 2002 // Российский НИИ искусственного интеллекта. Информационные технологии 21 века. <http://www.artint.ru/projects/frqllist.asp>

Проблемы и дискуссии

К.Ф. Седов (Саратов)

Принципы построения современной отечественной психолингвистики

Настоящая статья публикуется в рамках дискуссии об основных категориях современной психолингвистики, о ее месте среди других наук, о предмете, методах, путях развития и т.п.

Дело в том, что отечественная ФЛ в своем становлении сейчас переживает этап, основной приметой которого выступает остро ощущаемая потребность в самоопределении и самопрезентации. Это время «собирать камни», время объединять огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений – гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т.п. – в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль¹.

Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики (включая сюда и методику преподавания родного и иностранного языков), неориторики, медицины и т.п., психолингвистика за менее чем полувековую историю своего существования не только сумела «оттоптать» себе суверенное научное пространство, но и год за годом все настойчивее продолжает расширять пределы своей вотчины. Сейчас она все отчетливее осознает себя самостоятельной наукой, наукой со своим и только ей свойственным предметом изучения, методами, кругом проблем и исследовательских задач, которые намечают границы, отделяющие ее от смежных сфер.

Однако было бы безответственным утверждать, что к нынешнему моменту облик нашей науки имеет четкие контуры внешнего и внутреннего разграничения, что окончательно разработан и упорядочен ее категориальный и терминологический аппарат и мн. др. Как совершенно справедливо пишет Р.М. Фрумкина, «психолингвистика – это прежде всего определенный **ракурс**, в котором изучаются язык, речь, познавательные процессы. Это вовсе не безграничная, но достаточно разнообразная совокупность вопросов, на которые мы ищем ответ» [Фрумкина 2001: 4]. Можно также согласиться с мнением Е.Ф. Тарасова, который утверждает, что

психолингвистика в настоящее время – «это собирательное название для научных теорий, ориентирующихся часто на не только не совпадающие, но иногда и прямо противоположные методологические представления» [Тарасов 1991: 3].

Действительно, в общем пространстве ФЛ-науки многое предстает нечетко определенным и недостаточно дифференцированным. При осознании своей научной полноценности, высокого уровня влияния и практической востребованности психолингвистика демонстрирует низкий уровень само-рефлексии. Подобное положение приводит к тому, что на нынешней стадии своего становления она предстает как своего рода инвариант разных психолингвистик. Правильнее даже будет сказать так: психолингвистика – наука, но образ этой науки у разных ее представителей и адептов свой. Именно поэтому «базовые представления о психолингвистике как предмете учебного курса не сложились» [Фрумкина 2001: 4]. Подобное чувство чаще всего возникает в процессе преподавания нашей науки в вузе и школе. Взгляд на психолингвистику «с высоты птичьего полета», как на что-то целостное и единое, выявляет массу противоречий практически по всем ключевым вопросам.

Однако не следует преувеличивать степени аморфности и релятивизма в облике нашей науки. Более того, наличие разных точек зрения, противоречий и т.п. создает особую романтическую атмосферу, когда глянцево-блеск устоявшихся истин еще не способен затмить яркого света новых научных идей. На фоне таких «пожилых» наук, какими выглядят языковедение и психология, психолингвистика смотрится юным растущим созданием, черпающим энергию для своего развития из противоборств и столкновений различных концепций.

Попытаемся определить объект и предмет отечественной психолингвистики.

Толчком к формированию нового взгляда на природу человеческого общения, который получил распространение в отечественном языковедении, стали социальные процессы, произошедшие в нашем обществе в последние десятилетия. Демократизация как принцип построения государства, интерес к индивидуальному человеку – личности, – все это и многое другое привело к мысли о необходимости возвращения лингвистики в лоно гуманитарных наук (от Номо – человек). И в общем континууме языковедения появились два полюса: лингвоцентри-

¹ Результатом рефлексии в указанном направлении стало появление в последнее пятилетие целого букета учебной литературы по психолингвистике [См., например: Глухов 2005; Горелов, Седов 2001; Залевская 1999; Леонтьев 1997; Психолингвистика 2006; Седов 2007; Фрумкина 2001].

ческий и антропоцентрический.

Методологической основой антропоцентрического направления стало то, что объектом научного рассмотрения стал не столько язык, сколько человек в его способности к коммуникации (личность – языковая, речевая, коммуникативная и т.д.). Такое понимание сплотило многие стихийно развивающиеся, но не до конца самоопределившиеся области гуманитарного знания, к числу которых можно отнести лингвистическую прагматику, когнитивную и коммуникативную лингвистику и т.д. Центральную же позицию, так сказать, ядерную сферу поля антропоцентрического языковедения (неолингвистики) по праву занимает психолингвистика. Общим объектом, который объединяет науки, составляющие антропоцентрическую парадигму современного языковедения, стала языковая личность, т.е. человек в его способности к коммуникации.

Чрезвычайно непросто вопрос о предмете психолингвистики. Вообще говоря, предмет – это то, что отличает одну науку от другой. И потому его определение – дело весьма сложное и ответственное. Применительно же к психолингвистике разговор о предмете науки очень сильно напоминает разговор слепых, которые ощупывают слона с разных сторон. Так, например, следом за А.А. Леонтьевым [1969] многие авторы учебных пособий в качестве предмета психолингвистики указывают на речевую деятельность. Не вдаваясь в анализ теоретических истоков деятельностной парадигмы советской психологии, ее достоинств и недостатков, отметим, что, ограничивая предмет психолингвистики только лишь речевой деятельностью, мы невольно выбрасываем за борт многообразные помимовольные коммуникативные феномены, которые входят в более широкое понятие речевого поведения.

Термин *речевое поведение* в нашу науку пришел из американской психологии, формирование которой, как известно, проходило под сильным влиянием бихевиоризма. Однако и он также не может составлять предмет ПЛ-науки, так как в этом случае из ее кругозора уходит категория языкового сознания и связанные с ним проблемы изучения скрытых (латентных) механизмов речевого мышления.

Стремлением к преодолению подобного рода позитивизма и эмпиризма становится провозглашение предметом психолингвистики языкового сознания, т.е. того слоя сознания человека, который оперирует элементами языковой структуры. Но и эта категория не может быть определена как всеобъемлющий предмет ПЛ. Скрытые механизмы речевого мышления затрагивают не только поверхностный слой языкового сознания, но и глубинные безязыкие когнитивные его пласты, где в качестве знакового материала фигурируют элементы универсального предметного кода, в целокупности выражающего особенности индивидуальной концептосферы человека. И не спасает положение введение промежуточного – коммуникативного – уровня в общей структуре сознания.

Нечеткость в определении предмета психолингвистики приводит к размытости внешних пределов нашей науки. А поэтому она иногда невольно «заезжает» на чужую территорию, будь то когнитология, лингвистическая прагматика, социолингвистика или даже – психология и физиология.

Особо остро стоит вопрос о внутреннем членении, выделении разделов, объединенных единым кругом научных проблем. Здесь сразу возникают недоумения: как, к примеру, квалифицировать фоносемантику: как раздел психолингвистики или как самостоятельную науку? куда отнести нейропсихолингвистику? какое место занимает в рамках психолингвистики комплекс проблем речевого онтогенеза? психолингвистики межличностной коммуникации? речевого воздействия? и мн. др.

Мы не ставим себе задачей анализ всех существующих в нашей науке подходов и точек зрения. Для знакомства с ними отсылаем читателя к упоминавшейся уже литературе, особенно к всеобъемлющему компендиуму А.А. Залевской [1999]. Точка зрения, на которой базируется автор, представлена в серии работ (См., например: [Горелов, Седов 2005; Горелов 2003; Седов 2004, 2007] и др.). Она включает в себя широкое понимание границ психолингвистики, в свете которого предмет ПЛ – *коммуникативная компетенция, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте*.

Такое определение, несмотря на его излишнюю обобщенность, позволяет объединить разные отрасли ПЛ-науки, каждая из которых будет отражать одну из граней этого многостороннего феномена.

Для четкости внутреннего структурирования ПЛ-науки в ее целостном континууме необходимо провести несколько уровней дифференциации, на первом из которых – выделить общую и частные психолингвистики.

Общая ПЛ включает в себя наиболее устоявшийся комплекс глобальных проблем и концепций, их разрешающих, которые следует считать методологической базой всех психолингвистических исследований. Это фундаментальный слой науки, где представлена единая, по необходимости умозрительная, модель коммуникативной компетенции здоровой (в физическом и интеллектуальном отношении) взрослой личности.

К частным ПЛ-ам следует отнести те области, которые в той или иной мере тяготеют к прикладным сферам знания. Как о сформировавшихся частных психолингвистиках можно говорить о возрастной и социальной ПЛ. В будущем возможно выделение иных частных ПЛ, например: психолингвистики воздействия, этнопсихолингвистики, психориторики и т.п.

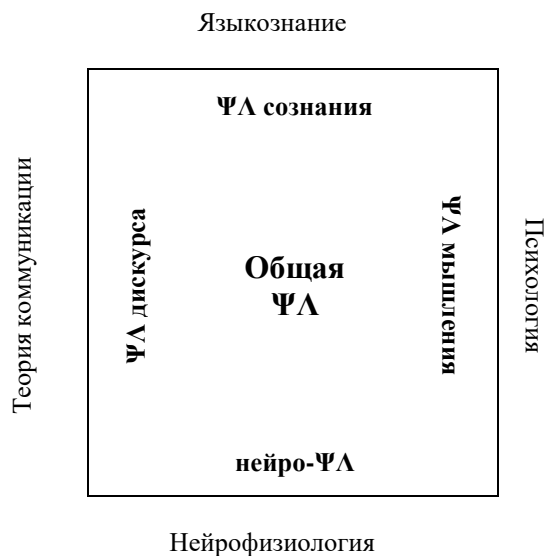
Общая ПЛ также нуждается во внутреннем структурировании. Следующим этапом дифференциации этой области психолингвистической науки будет выделение ее разделов: ПЛ сознания, ПЛ дискурса, ПЛ мышления и нейро-ПЛ. Единым основанием для типологии здесь выступает близость того или иного раздела к

одной из смежных с психолингвистикой наук.

Каждый раздел общей ПЛ намечает отдельный аспект изучения общего для ПЛ предмета. Так, ПЛ сознания (она более всего тяготеет к традиционному языковедению) исследует коммуникативную компетенцию через призму языкового сознания и функционирования в нем единиц разных языковых уровней; ПЛ дискурса (она развивается под влиянием теории коммуникации и речевого воздействия) ориентирована на тот аспект коммуникативной компетенции, который отражает особенности речевого поведения личности, воплощенного в дискурсе; ПЛ мышления (этот раздел больше других связан с психологией) рассматривает скрытые (латентные) механизмы сознания, на которых базируются процессы порождения и понимания высказывания; наконец, нейро-ПЛ изучает особенности мозговой организации коммуникативной компетенции.

Для наглядности представим такое структурирование схематически в виде квадрата, стороны которого соответствуют четырем разделам общей психолингвистики.

Схема 1.

Каждый из разделов общей ПЛ в свою очередь состоит из подразделов, которые можно выделить на третьем уровне дифференциации. Так, ПЛ сознания включает в свой состав фоносемантику, комплекс проблем описания ментального лексикона, психолингвистические аспекты изучения словообразования, грамматики и т.п.; ПЛ дискурса подразделяется на психолингвистику текста (устного и письменного) и область, исследующую роль невербальных компонентов в речевом поведении; ПЛ мышления включает в себя учение о порождении высказывания, психолингвистическую герменевтику и т.п.; нейро-ПЛ также подразделяется на сферы, которые изучают разные аспекты мозговой организации коммуникативной компетенции: соотношение структуры мозга и структуры языка, функциональ-

ная асимметрия мозга и ее влияние на речь и т.п.

Выделение частных психолингвистик нуждается в обосновании. Главный принцип здесь — соответствие основного комплекса изучаемых проблем общему предмету. Каждая из намеченных частных ПЛ-наук исследует свой аспект коммуникативной компетенции личности. Так, возрастная ПЛ делает акцент на становлении коммуникативной компетенции в онтогенезе.

Появление в континууме гуманитарного знания возрастной психолингвистики как самостоятельной отрасли ПЛ становится важной вехой не только в процессе формирования психолингвистики как науки, но и в истории изучения речевого онтогенеза.

Детская речь в нашей стране изучалась давно и успешно. Интерес ученых-гуманитариев к проблеме становления коммуникативной системы ребенка возрастает год от года. Это проявляется и в увеличении числа диссертационных исследований, посвященных рассмотрению различных аспектов этой проблемы (в том числе — докторских диссертаций), и в появлении учебных пособий, где детская речь выступает в качестве учебного предмета [См., например: Цейтлин 2000; Горелов, Седов 2005]. Отражение возросшего исследовательского интереса демонстрируют и библиографические справочники по вопросам речевого развития [См.: Материалы к библиографическому указателю ... 1985; Детская речь ... 1996]. Для обозначения области науки, которая изучает детскую речь, используются разные терминологические словосочетания: психология детской речи и лингвистика детской речи, онтолингвистика и т.п.

Однако говорить о выделении лингвистики/психологии детской речи в самостоятельную науку не представляется целесообразным. Область знаний, изучающая проблемы речевого онтогенеза на нынешнем этапе своего развития пока еще предстает в виде серии мало связанных между собой по задачам, методам и материалу исследований. Это обусловлено, главным образом, тем, что речь ребенка рассматривается учеными, которые принадлежат к разным научным направлениям, а подчас — и к различным наукам. Традиционно она выступает объектом исследований и лингвистов, и психологов, и логопедов, и педагогов, специализирующихся в области преподавания родного языка в школе.

Между лингвистикой детской речи и психологией детской речи наблюдается своего рода информативный барьер. В новейших учебниках по возрастной психологии игнорируются достижения таких ученых, защитивших докторские диссертации в филологических советах, как А.М. Шахнарович [1999], И.Н. Горелов [1974], С.Н. Цейтлин [2000], Н.И. Лепская [1997], Е.И. Исенина [1986], И.Г. Овчинникова [1994], К.Ф. Седов [2004], Юрьева [2006], и др. В фундаментальном томе психологической энциклопедии, посвященном вопросам развития человека [Психология человека 2002], нет ни одного упоминания работ названных авторов. Из исследований лингвистов, разрабатывающих проблемы речевого онтогенеза, психологи знают глав-

ным образом лишь классические труды А.Н. Гвоздева [1961]. Лингвисты к психологам относятся более толерантно, однако в большей степени это относится к трудам классиков психологии: Л.С. Выготского [1982], Н.И. Жинкина [1998], А.Р. Лурия [1979] и т.п.

Несколько более отрадная ситуация наблюдается в отношениях онтолингвистов и логопедов. Общим объектом изучения здесь выступает фонетика детской речи. Лингвистам хорошо известны работы В.И. Бельтюкова [1977], Е.Н. Винарской [1987]. В исследовании других аспектов речевого развития детей – картина не столь оптимистична.

Довольно долго у лингвистики детской речи не было никаких контактов с методикой преподавания русского языка в школе. Здесь сказывалось стремление чистой науки отмежеваться от педагогической практики. Более того, именно подобное «исследовательское высокомерие» привело онтолингвистику к пагубному отрицанию в качестве предмета исследования речи школьников. Однако в последние два десятилетия у лингвистики детской речи и методики наметилось общее научное пространство – риторика и культура речи.

В языкознании начало изучения детской речи традиционно связывают с книгами К.И. Чуковского [1958] и А.Н. Гвоздева [1961]. Первые лингвистические исследования речевого онтогенеза осуществлялись в рамках доминировавшего в отечественной науке традиционного лингвоцентрического подхода. Потому поначалу усилия ученых были сосредоточены главным образом на описании грамматики детского языка, на выявлении закономерностей овладения ребенком родным языком как системой. Усвоение языка в его основных формах у ребенка протекает первые пять-шесть лет жизни. Это период в становлении языковой личности, который в психологии носит название стадии самонаучения языку. Что же происходит в речевой эволюции дальше? Каковы законы и механизмы формирования коммуникативной компетенции? На эти вопросы традиционная лингвистика не могла, да, собственно, и не хотела давать ответы.

«Антропоцентрический взрыв», который переживают последние два десятилетия в нашей стране гуманитарные науки, стал новым мощным стимулом к развитию и науки о детской речи. Как уже было сказано, неолингвистика во главу угла ставит не столько описание языковой структуры, сколько изучение человека в его коммуникативной компетенции. Речевой онтогенез в работах неолингвистов очень часто выступает предметом или материалом изучения.

Одним из следствий интенсивного развития антропоцентрической лингвистики стало раздвижение границ объекта онтолингвистических исследований: кроме того, что в кругозор языковедов наконец-то вошла речь школьников [Седов 2004; Лемякина 2004], онтолингвистика обратила свой взгляд на дословесный этап становления коммуникативной компетенции ребенка [Исенина 1986; Лепская 1997].

К настоящему времени в изучении речевого

онтогенеза сделано очень многое. Однако до сих пор комплекс проблем становления коммуникативной компетенции представляет собой исследовательское пространство, в котором можно обнаружить много неизученных белых пятен. К числу таких неисследованных пространств следует отнести проблемы развития речевого мышления дошкольников и школьников, становление языковой личности ребенка, проживающего в сельской местности, взаимосвязь речевого развития и социальных условий формирования личности, гендерный аспект эволюции коммуникативной компетенции, становление речи в условиях дизонтогенеза (речь слепых, глухих, умственно отсталых и т.д.) и мн. др.

Напрашивается мысль о необходимости объединения усилий ученых, в той или иной степени обращающихся в своих исследованиях к феномену речевого онтогенеза. Что же мешает такой интеграции?

Одним из препятствий к подобному объединению, по нашему мнению, становится узость и кастовость мышления ученых-языковедов, их нежелание выйти не только за пределы своей науки в соседние научные пространства, но и расширить кругозор когда-то выбранного научного направления. В свое время Э. Сепир прозорливо писал: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1960: 181].

Ученый-языковед, изучающий детскую речь, не может глубоко интерпретировать факты речевого развития, не обладая знаниями в области психологии (возрастной, социальной, психологии мышления и др.), психофизиологии и нейропсихологии и т.п. Исследование становления коммуникативной компетенции человека предполагает объединение усилий различных наук. Область знаний, предмет которой – речевой онтогенез, может располагаться лишь в зоне междисциплинарных исследований, на пересечении разных наук. А такое пространство легко оформляется в самостоятельную научную область на территории современной психолингвистики, образуя одну из ее отраслей – возрастную психолингвистику (или – психолингвистику развития). Именно в рамках возрастной психолингвистики возможна интеграция результатов исследований ученых, рассматривающих разные аспекты становления коммуникативной компетенции личности.

Дальнейшее развитие возрастной ПЛ неизбежно приведет ее к потребности внутреннего членения на отрасли и разделы. И основным критерием для выделения подобных отраслей будет соседство с другими прикладными областями знаний. Так, вероятно, появление в ее рамках общей теории речевого онтогенеза, онтогенеза языкового сознания, возрас-

тной нейро-ЦА, теория детского дискурса и т.п.

Другая частная ЦА, становление которой происходит на наших глазах, – это социальная психолингвистика. Она границы своей вотчины определяет в междисциплинарном пространстве между психолингвистикой, стилистикой, социальной лингвистикой и социальной психологией. Хотел бы специально подчеркнуть, что увеличение территории психолингвистики не есть результат интервенции, захвата чужих владений. Область знаний, о которой идет речь, развивается путем утверждения нового взгляда на традиционный научный предмет. Это иной ракурс рассмотрения феномена коммуникации; он не отменяет прежних достижений языковедения, а лишь наполняет их новым смыслом, открывая в нем ранее не известные свойства и законы.

Традиционная лингвистика в фокус своего рассмотрения ставит язык как систему фонетических, грамматических и лексических форм. По своей методологии она восходит к направлению, которое М.М. Бахтин называл абстрактным объективизмом. «В основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно тождественных форм, – писал ученый, – лежит практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках. Нужно со всею настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила все лингвистическое мышление европейского мира. Над трупам письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, основные подходы и навыки этого мышления» [Бахтин 2004: 89].

Стремление преодолеть недостатки указанного подхода привело ученых к созданию функциональной парадигмы в языкознании. Мощным стимулом к ее разработке стал, во-первых, неуклонно увеличивающийся интерес к живой жизни языка, а во-вторых, практическая потребность в создании оптимальной модели эффективного коммуникативного взаимодействия в социуме. Суть функционального подхода состоит в стремлении проследить, как язык проявляет себя, функционирует в разных социальных условиях. Именно он обусловил многие достижения отечественного языкознания 70-80-х годов, и прежде всего, развитие русской стилистики (Подробнее см.: [Костомаров 2005]).

Отечественная стилистика стала благодатной почвой, на которой произросли жизнеспособные ветви современной науки о языке. Прежде всего, это коллоквиалистика, наука о разговорной речи. Исследование живого повседневного общения позволило языковедам сделать шаг от лингвоцентрической парадигмы к антропоцентрической. Еще один шаг в указанном направлении привел к возникновению речеведения [Шмелева 2000], которое демонстративно в центр рассмотрения ставит не язык, а речь.

Наконец, стилистика породила социолингви-

стику, науку родственную психолингвистике. Признавая успехи указанных направлений развития языкознания, все же должен констатировать, что в своих методологических основах они демонстрируют ограниченность, predeterminedную тяготением к лингвоцентризму. Языковеды, прошедшие школу формального изучения языковой структуры, никак не могут (а иногда – боятся) оторваться от привычного объекта исследования – языка.

Изменению ракурса рассмотрения социально-коммуникативных феноменов способствовало появление и укрепление в нашей науке антропоцентрической парадигмы, о чем мы уже вели речь ранее. При этом социальная психолингвистика органично вошла в общее пространство ЦА-науки, намечая свой аспект рассмотрения ее общего предмета, т.е. *социально-психологический аспект коммуникативной компетенции индивида*. Такое определение ее предмета позволяет провести демаркационную линию между социальной лингвистикой и социальной ЦА.

Термином социолингвистика сейчас довольно часто называют две разные отрасли знаний: обычно их различают как макро- и микросоциолингвистику. Макросоциолингвистика предполагает «изучение межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств», микросоциолингвистика основана на «анализе, сфокусированном на индивида в неформальной внутргрупповой интеракции малых групп» [Белл 1980: 45]. Совершенно очевидно, что между терминами социолингвистика и макросоциолингвистика нужно поставить знак равенства. Это область знаний, которая изучает круг проблем языковой стратификации (образование креольских языков, особенности национальной политики в странах и регионах и т.п.), функционирование территориальных и социальных диалектов и т.п. Все же, что называется микросоциолингвистикой, что имеет отношение к индивидуальной коммуникативной компетенции, – это сфера социальной психолингвистики.

Другая отрасль знаний, с которой у социальной психолингвистики есть общее научное пространство, – это социальная психология. Точками соприкосновения в этом случае могут стать психология межличностного общения, психология влияния и т.п. Впрочем, здесь мы чаще всего наблюдаем привычную непроницаемость разных наук: занимаясь одними и теми же проблемами, психологи и лингвисты (психолингвисты, в том числе) не знают работ друг друга. Мы не будем подробно анализировать общность проблем и разницу их интерпретации, которая наметилась в психологии и психолингвистике. Ограничимся сетованием на непонимание и выскажем надежду на будущее сотрудничество наук в перспективе.

Внутреннее членение социальной ЦА должно строиться на основе реально наметившихся к настоящему времени комплексов проблем. Пока здесь нет ясных критериев для выделения границ разделов и подразделов. В качестве четко выделившейся

области социальной психолингвистики можно говорить об этнопсихолингвистике. Ее усилия направлены на исследование особенностей коммуникативной компетенции, которые обусловлены принадлежностью индивида к тому или иному этносу.

Другой раздел интересующей нас отрасли знаний не имеет столь четко очерченного круга однородных тем. Это психолингвистика межличностного общения. В ее рамках выделяются комплексы проблем статусно-ролевой природы коммуникации, проблемы институциональных и персональных, информативных и фатических видов речевого поведения, проблемы речевых жанров как вербально-знаковых способов сопровождения социально-значимой интеракции и т.д.

В качестве особого направления развития социальной психолингвистики следует указать на теоре-

тико-практическую область, которая пока не имеет единого терминологического обозначения. Приведем некоторые из них: ФА-риторика, суггестивная психолингвистика, психолингвистика воздействия, психолингвистическая конфликтология и т.д. Задача этой научной отрасли – исследование конструктивных и деструктивных способов речевого воздействия, разработка эффективной модели коммуникативного взаимодействия людей и т.п.

Как всякая молодая наука, психолингвистика не имеет жесткой структуры. В ее составе со временем могут появиться новые частные ФА; в рамках общей ФА возможно выделение иных отраслей и разделов.

Разумеется, соображения, представленные в настоящей публикации, не претендуют на универсальность; они представляют читателю лишь одну из многих возможных моделей отечественной ФА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке // *Общая психолингвистика: Хрестоматия*. М., 2004.
2. Белл Р. Социолингвистика. М., 1980.
3. Бельтюков В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии). М., 1977.
4. Винарская Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. Периодизация раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка: Книга для логопедов. М., 1987.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собр. соч.* в 6 томах. М., 1982. Т.2.
6. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
7. Глухов В.П. Основы психолингвистики. М., 2005.
8. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.
9. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
10. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2005.
11. Детская речь: Материалы к библиографическому указателю. СПб., 1996.
12. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды) – М.: Лабиринт, 1998.
13. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
14. Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
15. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки русской стилистики. М., 2005.
16. Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж, 2004.
17. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
18. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
19. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
20. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
21. Материалы к библиографическому указателю ... 1985; Детская речь ... 1996
22. Материалы к библиографическому указателю по общепсихологическому и языковому развитию детей // *Становление речи и усвоение языка ребенком*. М., 1985.
23. Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь, 1994.
24. Психолингвистика/ Под ред. Т.Н. Ушаковой. М., 2006.
25. Психология человека от рождения до смерти. СПб., 2002.
26. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л., 1989.
27. Седов К.Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
28. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика. М., 2007.
29. Сепир Э. Положение лингвистики как науки // *Звегинцев В.А. История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях*. М., 1960. Ч.2.
30. Тарасов Е.Ф. Введение в психолингвистику. М., 1991. Ч.1.
31. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
32. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учебное пособие. М., 2000.
33. Чуковский К.И. От двух до пяти. М., 1958.
34. Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.
35. Шмелева Т.В. Речеведение' 2000 // *Речеведение: Научно-методические тетради. №2*. В.Новгород, 2000.
36. Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово, диалог. Экспериментальные исследования. М., 2006.

О статусе современной психолингвистики

Мы продолжаем публиковать результаты опроса ведущих лингвистов и психолингвистов, начатый в № 2 от 2004 года, о состоянии и статусе современной психолингвистики.

Перед учеными были поставлены следующие вопросы:

1. Каковы, на ваш взгляд, наиболее значимые теоретические успехи современной психолингвистики?
2. Каковы основные нерешенные проблемы психолингвистики?
3. В каких прикладных областях наиболее активно и эффективно используются теоретические достижения психолингвистики?
4. Каковы основные понятия и категории современной психолингвистики?
5. Психолингвистика сегодня: устоявшееся и спорное.
6. Каковы, на ваш взгляд, наиболее значимые теоретические успехи современной психолингвистики?

Е.И. Горошко (Харьков), доктор филологических наук

1. Каковы, на ваш взгляд, наиболее значимые теоретические успехи современной психолингвистики?

Теория речевой деятельности, ассоциативное направление в психолингвистике, теория языкового сознания, теории организации внутреннего лексикона человека.

Однако, что ещё выгодно отличает её от других направлений, это центральная роль эксперимента в этой дисциплине, но, это, наверное, большое относится к её методологии.

1. Каковы основные нерешенные проблемы психолингвистики?

Всё те же проблемы соотношения «языка – сознания – мышления – образа мира» Как знаменитое пастернаковское «... И образ мира в слово явленный»...

Остро стоит проблема развития психолингвистики и её «объяснительного аппарата» в эпоху глобальных и сетевых коммуникаций. Мне кажется, что современная психолингвистика в этом плане намного отстает от других направлений (социолингвистики, гендерной лингвистики, теории языка).

2. В каких прикладных областях наиболее активно и эффективно используются теоретические достижения психолингвистики?

а. В использовании психолингвистического инструментария в рекламе, политике, других социальных практиках (PR, имиджелогия);

б. В судебной лингвистике и в целом в экспертной практике изучения текстов на любом носителе и в любой форме;

с. В стратегиях овладения и пользования языком;

d. В кросс-культурной коммуникации.

e. В исследованиях патологии речи.

3. Каковы основные понятия и категории современной психолингвистики?

Языковое сознание, речевая деятельность, ассоциативное поведение, ментальность, образ мира, внутренний лексикон, внутренняя речь...

Хотя, мне кажется, не совсем корректным, подразделение на основные и неосновные понятия.

4. Психолингвистика сегодня: устоявшееся и спорное.

Расширение парадигмального оператора психолингвистики и выход в другие смежные области знания (социолингвистику, литературоведение, Интернет Студии, отчасти в социологию коммуникаций).

Соотношение понятий *дисциплинарность*, *междисциплинарность*, *над-* и *трандисциплинарность* в отношении дисциплинарных рамок психолингвистики (т.к. наблюдается их быстрое размывание, но что взамен и виден ли свет в конце туннеля?)

Спорность использования некоторых междисциплинарных метафор (например, синергетической или концептуалистской терминологии) при применении процедуры анализа знаний с опорой на естественно - научную и/или позитивистскую методологию.

При этом наблюдаемое повсеместно на постсоветском пространстве падение общего качества научных исследований, отсутствие требований к определенной строгости (научной) анализа данных и их интерпретации, низкая

профессиональная подготовка молодого поколения психолингвистов (при отсутствии базового научного и культурного слоя) в сочетании с дальнейшей коммерциализацией общества может привести к плохим и непредсказуемым результатам в развитии

этого направления. Отсутствует передача знаний между поколениями психолингвистов, что также представляет угрозу для успешного развития психолингвистики в этом веке.

И.Г. Овчинникова (Пермь), доктор филологических наук

1 Каковы, на ваш взгляд, наиболее значимые теоретические успехи современной психолингвистики?

В качестве теоретических успехов я бы отметила работы по моделированию процессов порождения и восприятия речи, аккумулирующие данные психологии, нейропсихологии, нейролингвистики и лингвистики.

В психолингвистике разработан целый ряд моделей порождения речи. Во всех моделях процесс речеобразования разбивается на несколько этапов, или фаз, или подпрограмм: этап ориентировки в коммуникативной ситуации, смысловое планирование, семантическое планирование и произнесение. Мы остановимся подробнее на модели, предложенной отечественным нейропсихологом Татьяной Васильевной Ахутиной. Приведем схему Т.В. Ахутиной полностью (см. рис. 1) и прокомментируем ее.

Как мы уже упоминали, речевая деятельность начинается с мотива. **На первом этапе** мотив стимулирует анализ текущей ситуации, в результате чего в сознании возникает образ прошедше-настоящего и потребного будущего. В этом образе фиксируются: текущая ситуация, прошлый опыт субъекта по переживанию и поведению в подобных ситуациях; модель желаемых изменений текущей ситуации (потребное будущее). Стрелочки показывают взаимосвязь мотива и мысленного образа (в образе актуализируются детали, существенные с точки зрения данного мотива). Например, в фильме «Кукушка» бывший студент Вейко, желая установить контакт с русским офицером Иваном, упоминает всемирно известных русских писателей – Льва Толстого и Федора Достоевского; при планировании этого высказывания Вейко опирается на прошлый опыт общения с представителями другой культуры и полагает, что для достижения потребного будущего (взаимопонимания с Иваном) необходимо и достаточно продемонстрировать знание и уважение культурного наследия. На этом этапе устанавливается необходимость заговорить, принимается решение произнести вслух фразу, нацеленную на изменение текущей ситуации. Это этап подготовки к планированию речевой программы.

На втором этапе включаются два различных психических механизма – **парадигматический и синтагматический**. Напомним, что так же именуется отношения между знаками в языковой системе: парадигматическими называют отношения,

при которых единицы взаимозаменяемы, т.е. возможен выбор одной единицы из ряда однородных (парадигмы); синтагматическими отношениями связаны единицы, сочетающиеся в речевой цепи, т.е. отношения комбинаторики. Сам факт существования таких отношений в системе языка отражает их объективную важность для познавательных процессов человека. Каждое из отношений подкрепляется соответствующим механизмом. Парадигматический механизм обеспечивает операцию выбора, т.е. актуализирует в памяти парадигму и соответствующий контексту (не только речевому) элемент, а синтагматический механизм обеспечивает операцию установления последовательности (не только речевой), комбинирования выбранных элементов. Например, когда мы вспоминаем телефонный номер, мы можем первоначально вспомнить встречающиеся в нем цифры, но сомневаться в их последовательности (*то ли 264-56-15, то ли 264-15-56*). В таком случае нас подводит синтагматический механизм. Если же мы сомневаемся даже в наборе цифр (*то ли 264-56-15, то ли 264-56-16, то ли последнюю пару цифр стоит поместить в середину номера*), то нас подводит еще и парадигматический механизм. За каждый из механизмов «отвечает» специфическая зона головного мозга, т.е. механизмы не только обеспечивают различные операции, но и «разводятся географически».

Соответственно, синтагматический механизм включает синтаксирование, на втором этапе это **смысловое синтаксирование**, при котором происходит соединение смыслов и распределение функций **темы** (о чем пойдет речь) и **ремы** (что именно скажу о теме, важное в данной ситуации) между ними. Парадигматический механизм подключает выбор смыслов («внутренних слов»); в частности, в приведенном выше примере финн Вейко выбрал смысл «всемирно известный русский писатель» и приписал ему функцию ремы (важной в текущей ситуации информации). Результатом второго этапа оказывается смысловая программа высказывания. В целом деятельность парадигматического механизма легче сознательно контролировать.

На третьем этапе смысловая программа уточняется. Смысловое синтаксирование преобразуется в **синтаксирование семантическое**, а «внутренние слова» заменяются **значениями**. При семантическом синтаксировании компонентам темы и ремы приписываются определенные функции. Тема обычно становится подлежащим, тем, кто переживает дей-

ствие или состояние. В рекламном слогане компании “L’Oreal” «*Ведь Вы этого достойны*» подлежащим-темой является местоимение *Вы*, а само наименование товара (*этого*) занимает скромную позицию дополнения (объекта) и входит в состав ремы; в результате слоган позиционирует не сам товар, а его счастливую обладательницу, на которую хочется быть похожей. Противоположным способом распределены функции в рекламном слогане косметики “MaxFactor”: «*MaxFactor – выбор профессионалов*», в котором наименование торговой марки занимает позицию подлежащего (темы), а рема представлена предикатом-сказуемым *выбор* в сочетании с дополнением *профессионалов*. Такой способ синтаксирования нацелен на внедрение торговой марки в сознание целевой аудитории.

Различие между смыслом и значением, несмотря на разнообразие трактовок смысла¹, можно обозначить как различие между актуальным в индивидуальном опыте и социально значимым, закрепленным за знаком. Различие между диффузным смыслом и значением можно проиллюстрировать на примере оговорки «*Ты Агату Кристи наизусть читаешь?*», где *наизусть* употреблено вместо *без словаря*. Во внутренней речи актуализирован смысл «читать легко, без дополнительных усилий», а на уровне перевода смысла в значение произошел сбой: выбрано не то слово, обозначающее легкость прочтения. На третьем этапе расплывчатый смысл концентрируется в определенное семантическое поле – совокупность однородных значений, закрепленных словами. В частности, в слогане косметики “MaxFactor” тот же смысл, что выражен словом *профессионал* может быть передан существительными *мастер*, *авторитет* или сочетанием *авторитетное мнение*. Однако у существительных *мастер* и *авторитет* есть нежелательные оттенки значения (коннотации), снижающие престижность рекламируемого товара, чем и обусловлено предпочтение слова *профессионал*. Результатом третьего этапа становится семантическая структура предложения.

На четвертом этапе происходит преобразование семантической структуры в грамматическую; оформляются члены предложения и выбираются соответствующие формы слов. Об отдельности этого этапа свидетельствуют многочисленные оговорки, при которых мы выбираем не ту грамматическую форму слова (*Я скушаю о маме, Колбаску для Вам порезать?* и т.п.). Результат четвертого этапа – представление о предложении, разложенное на части слова (морфемы); такое представление помогает контролировать адекватность замыслу оформления связей между различными словами в предложении.

На предпоследнем этапе поморфемная программа предложения преобразуется в набор движений органов артикуляции (или движений пальцев и кисти руки при письме). В высказывании

брошенного мужа главной героини романа Льва Толстого «*Анна Каренина*» «*Я столько пеле-пере-страдал*» как раз и показан сбой в выборе артикуляции, возникший в результате стрессового состояния говорящего.

Наконец, **последний этап** порождения речи – артикуляция (написание или набор на клавиатуре графических символов в письменной коммуникации). Сообщение 1 со схемы коммуникативной ситуации превратилось в речевое сообщение (сообщение 2) и поступает в канал связи, тем самым становясь доступным адресату.

Остается добавить, что на каждом из этапов работает контроль: результат сопоставляется с исходным замыслом и корректируется планируемое высказывание (например, Лев Толстой позволил своему герою самому исправить оговорку).

Схема процесса порождения речи

Рис. 1. Т.В. Ахутина: схема процесса порождения речи (1989: 196).

¹ См., например, работы А.И. Новикова, исследующего смысл в психолингвистическом аспекте, или Д.А. Леонтьева, обсуждающего психологию смысла.

Этапы порождения речевого высказывания позволяют проследить последовательность языкового воплощения «бесплотной», лишенной языковой оболочки мысли. Само принятие решения, на каком из известных говорящему языков он произнесет фразу, может откладываться, а принятое решение меняться вплоть до этапа грамматического структурирования предложения и выбора словоформ. На начальных этапах овладения языком мы ловим себя на том, что «думаем» на родном языке, т.е. планируем высказывание по правилам родного языка, выбираем значения, представленные в словах родного языка.

Приведем пример. Изучающий русский язык китайский студент преподносит преподавателю письменный прибор со словами: «Это Вам подставка для кистей». Предложение не содержит ни единой ошибки, хотя лексический выбор осуществлен неверно: значение «парадный прибор для письма» выбиралось в рамках родного языка и контексте родной культуры. Кисть для письма – принадлежность китайской культурной традиции. Для обозначения авторучки используется буквальный перевод китайской лексемы (своего рода калька); говорящий на втором этапе порождения высказывания выбирал смыслы, обусловленные родной культурой. На третьем этапе осуществлен неверный лексический выбор: использование «кисть» вместо «ручка» («авторучка») отражает неадекватность представления о лексической системе русского языка; в составе тематической группы «предметы, используемые для письма» нет противопоставления ядра (ручка) и периферии (карандаш, кисточка).

В реальных коммуникативных ситуациях взаимодействуют несколько планов речевого высказывания: «большая программа» отвечает за целостное сложное высказывание (монолог, например), а «малая программа» – за отдельное предложение в речевой цепи (реплика в диалоге, например). Знания основных этапов порождения речи позволяют интерпретировать оговорки и речевые ошибки коммуникантов и тем самым определить их мотивы, психологическое состояние, комфортность условий коммуникации и т.п.

Особенности порождения речевого высказывания существенным образом зависят от канала связи (устная или письменная речь) и от спонтанности / подготовленности выступления. В целом устная речь характеризуется менее строгими нормами, чем письменная; это связано с большей спонтанностью устного общения. Однако подготовить устное выступление много сложнее, чем письменное, поскольку необходимо учитывать ограниченность восприятия на слух.

Можно о порождении речи написать и в ином ключе. Например, так:

Толерантность амбивалентна.
Невоздержанность турбулентно,
По Декарту, от ординаты

На абсциссу стремится глиссаду.
С интеллектом в противофазе
Я бреду от синтагмы к фразе,
Частота основного тона
Понижается монотонно.
В вязкой паузе хезитации
Ощущается вкус фрустрации.
Мысль безжалостна, чувства грубы,
Речь – щадит и ласкает губы.
Выбор формулы этикета
Позволяет молчать «про это».
Из вопросно-ответных блоков
Плетем кружево диалогов,
Захлебнувшись неизъяснимым,
Нестерпимым, непроизносимым.

Теоретическое осмысление разнородных экспериментальных данных позволяет корректировать экспериментальные методики и тем самым конкретизировать нерешенные вопросы: какие факторы влияют на лексический выбор; как соотносится лексический выбор и грамматическое оформление высказывания (параллельно протекающие процессы); как соотносится грамматика говорящего и грамматика слушающего; существенны ли различия в планировании устного и письменного высказывания и т.п. Ответы на эти вопросы имеют большую практическую ценность.

Кроме того, существенным достижением является модель ментального лексикона (несмотря на некоторые лакуны и противоречия). Это работающая модель, позволяющая интерпретировать реальные факты речевой коммуникации.

3. В каких прикладных областях наиболее активно и эффективно используются теоретические достижения психолингвистики?

В области общественных отношений и их планирования, в коммуникации СМИ, включая рекламу, в преподавании языков (русского как иностранного в том числе). В коррекции речевого развития. Правда, во всех областях использование достижений могло бы стать еще более активным.

4. Каковы основные понятия и категории современной психолингвистики?

Языковая личность, языковая способность, когнитивная сфера, ментальный лексикон, механизмы речи, перцептивная база и т.п.

5. Психолингвистика сегодня: устоявшееся и спорное.

Мне кажется, психолингвистика сегодня – это часть когнитивной науки, включающая языковые знания и их использование в процессе социального взаимодействия. Со всеми вытекающими последствиями об устоявшемся и спорном.

З.Д. Попова (Воронеж), доктор филологических наук

3. В каких прикладных областях наиболее активно и эффективно используются теоретические достижения психолингвистики.

Теоретические достижения психолингвистики трудно переоценить. Я остановлюсь только на одном постулате этой науки – доказательстве невербальности мышления. Лингвисты и раньше интуитивно ощущали, что мышление и язык не тождественны, но не всегда находили научные обоснования для подтверждения этого ощущения.

Нейро- и психолингвисты объяснили, что мышление человека базируется на замыкании нервных связей между нейронами коры головного мозга. Нейроны могут хранить самые разнообразные образы реальной действительности – картинки, схемы, гештальты и другие, и совсем не обязательно образы языковых знаков. Это позволило лингвистам понять, что языковые знаки придумываются и используются людьми только при наличии коммуникативной потребности – либо желания передать собеседникам ту информацию, которой владеет говорящий, либо узнать у других людей то, чего не знает, но хочет знать говорящий, либо воздействовать на собеседников, побуждая их поступать или воспринимать мир по установкам говорящего и т.п.

Стала объяснимой асимметрия между

мыслительным содержанием и языковым выражением, которая давно наблюдалась, но не получала чёткого объяснения. Практическое применение это открытие находит во многих областях работы лингвистов-словесников, например:

— в разработке методики развития речи ребенка, в частности, школьника;

— в обучении культуре речи взрослых людей, не имеющих навыков свободного, в частности, публичного выступления;

— в обучении людей, не знающих необходимых им в работе функциональных стилей, в частности, *делового или научного*;

— в подготовке литературных работников, в частности, в обучении их правильному использованию образных средств (которые должны вызывать у читателя задуманный автором образ), в преодолении хорошо известных «мук слова», когда образ в мышлении есть, а средств его выражения в языке нет и т.п.

Благодаря теории невербальности мышления стало возможным бурное развитие когнитивной лингвистики, которая разрабатывает методы и приёмы изучения процессов концептуализации и категоризации, протекающие в мышлении людей, через их вербализацию языковыми знаками.

Рецензии, обзоры, рефераты

**А.А. Залевская. Слово. Текст. Избранные труды.
М.: «Гнозис», 2005. 542с.**

Перед нами книга виднейшего отечественного психолингвиста, доктора филологических наук, профессора Тверского университета Александры Александровны Залевской.

У А.А. Залевской в ее научной биографии было много интереснейших публикаций, но все они давно стали библиографической редкостью, так как практически всегда издавались малыми тиражами, обычно за счет автора, часто их надо было «закамуфлировать» под учебные пособия – монографий провинциальные вузы издавать не имели права, текст изданий в докомпьютерную эпоху был напечатан на машинке и размножался офсетным способом, так что давно стал нечитаемым...

Редкая удача – спасибо огромное и самой Александре Александровне, и «Гнозису», за то, что сделали это возможным – прочитать важнейшие работы ученого, собранные в одном томе.

Книга подготовлена в жанре «Избранные труды», но она не является собранием разрозненных статей, как это часто бывает в изданиях подобного рода. Это настоящая научная монография, отражающая единую концепцию, целостная, и к тому же отражающая поступательное развитие научной мысли и исследовательских интересов Александры Александровны на протяжении ее жизни. Книга снабжена единой библиографией, тематическим указателем (только именного указателя в ней не хватает). Это действительно обобщающая монография ученого, вобравшая все его основные достижения в их динамике и логике развития.

Книга открывается замечательным введением, в котором Александра Александровна рассказывает о своей научной и человеческой жизни, о логике своего научного пути – как от методики преподавания иностранного языка она пришла к психологии и психолингвистике. Очень интересно читать о людях, которые оказали влияние на формирование научных интересов и взглядов автора – Н.М. Амосов, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, А.Р. Лурия, И.Н. Горелов, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, П.Я. Гальперин, Н. Винер, Ж. Пиаже, Ч. Фриз, Дж. Диз и многие другие. Автор говорит о них с огромным уважением, выделяя идеи, которые оказались наиболее важными для формирования ее психолингвистических взглядов.

Книга построена двухчастно: проблемы слова и проблемы текста, но эти две части очень логично связаны друг с другом, продолжают и развивают друг друга.

В первой части рассматриваются проблемы

организации внутреннего лексикона человека, психолингвистические проблемы семантики слова, проблема организации лексикона человека и эволюция взглядов на него, ментальный лексикон, а также вопрос о межкультурных психолингвистических исследованиях, национальной специфике языков и картине мира. Отдельно рассматриваются возможности психолингвистического описания значения слова, проблема концепта и языковое сознание в описательной модели языка.

Вторая часть книги посвящена проблемам психолингвистического исследования понимания текста.

Концептуально важна обобщающая статья «Интегративный подход к слову и тексту», которая стоит в книге в самом ее конце и имеет подзаголовок «Вместо заключения». Она содержит размышления автора об истоках, проблемах и перспективах современного психолингвистического подхода к проблемам языка и текста.

Нет смысла подробно пересказывать и анализировать содержание книги, в которой более 500 страниц. Я и не собирался это делать. Мне хотелось поблагодарить замечательного ученого за тот труд, который он взял на себя – осмыслить и собрать воедино результаты своих исследований и сделать их доступными для всех нас.

Читать избранное А.А. Залевской – увлекательнейшее занятие. Я не скажу, что эту книгу можно читать запоем, на одном дыхании – она сложна, высоко научна, требует вдумываться, возвращаться к прочитанному, перечитывать прочитанное, соотносить со своими мыслями и идеями. Но от этой книги действительно трудно оторваться – такая она умная, насыщенная идеями, концепциями, интереснейшими примерами, богатым фактическим и экспериментальным материалом.

И еще. Книга А.А. Залевской очень современна – еще в 1981 г. Александра Александровна на защите своей докторской высказала идею о том, что последовательный учет фактора человека приведет к переходу лингвистики на позиции психолингвистики. И процесс действительно «пошел» – сформировалась коммуникативная парадигма в языкознании, что привело к заметному расширению психолингвистических исследований во всем мире.

Александра Александровна пишет в посвящении к своей книге: «Посвящается моим ученикам: тем, кто выполнял под моим руководством дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации, и тем, кого я никогда не встречала, но, возможно, чем-

то им помогла – как смогла...» (с.7.) Таких людей – «заочных учеников» – действительно много; они постоянно ссылаются на Залевскую, осваивают ее идеи, ищут ее статьи и брошюры, передают друг другу их ксерокопии ...А теперь они имеют возможность познакомиться под одним переплетом со всем самым существенным и ценным, что создала Александра Александровна.

В 1947-48 гг. юная Александра Александровна поступила на исторический факультет Казахского университета. И тут наступил период «борьбы с космополитизмом», и молодая девушка вынуждена была оставить историческую стезю и перейти на

факультет иностранных языков. Наверно, Александра Александровна стала бы хорошим историком, но наша наука точно потеряла бы замечательного психолингвиста. Так что от этой «борьбы с космополитизмом» психолингвистика только выиграла...

Читайте книгу А.А.Залевской, не пожалее. Она вдохновит вас не только на психолингвистические исследования, но и вообще на активную творческую научную и просто человеческую жизнь.

И. Стернин

«Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» (Воронеж, 2004)

В 2004 году вышли в свет «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков», подготовленные коллективом авторов в составе Н.В. Уфимцевой, И.А. Стернина, Х. Эккерта, В.И. Милехиной, В.М. Топоровой.

Новый словарь продолжает серию исследований по программе сектора психолингвистики Института языкознания РАН и научной школы «Русская языковая личность», руководимой членом-корреспондентом РАН Ю.Н. Карауловым.

Издание представляет собой словарь ассоциативных норм русского языка в сопоставлении с ассоциативными нормами эквивалентных стимулов немецкого языка.

Хотелось бы обратить внимание на то, что это первый параллельный русско-немецкий ассоциативный словарь. Он позволяет выявить национальную специфику языкового сознания носителей немецкого языка на фоне русского языкового сознания. Для решения этой задачи был выделен список стимулов, составляющих ядро русской языковой системы, например: *бабушка, белый, вода, голова, день, добро* и др. (всего 112 слов-стимулов). Сам словарь дает не только ассоциативные реакции на эти слова и общее число опрошенных, но и информацию о количестве различающихся ответов, о количестве отказов от ответа, а также о количестве единичных реакций, что также представляет несомненный интерес.

Любопытно, например, что количество отказов в

реакции на немецкие эквиваленты практически везде существенно превышает количество отказов в реакции на соответствующие русские слова-стимулы, из чего можно сделать косвенный вывод о несовпадении ядерных лексем русского и немецкого языков. Интересную информацию дает также количество различающихся ответов. К примеру, слово-стимул *богатый* дает 63 различных русских ассоциаций (на 101 испытуемого), немецких же ассоциаций к слову-эквиваленту *reich* – 103 (на 494 испытуемых). Слово *родной / verwandt*, напротив, дает значительно большее количество различающихся немецких ассоциаций (101 на 752 опрошенных и 106 на 464 опрошенных соответственно).

Не может не обратить на себя внимания тот факт, что испытуемыми в проведенных авторским коллективом экспериментах были школьники старших классов школ, гимназий и студенты высших учебных заведений (возрастной состав – 17 – 22 года). Думается, что именно поэтому корректнее было бы назвать словарь «Молодежные ассоциативные нормы русского и немецкого языков». А в перспективе можно было бы провести сопоставительный анализ молодежных и межвозрастных норм.

Вышедший словарь, бесспорно, заинтересует лингвистов, психолингвистов, психологов, культурологов, философов и, конечно же, специалистов в области межкультурной коммуникации.

М.Е. Новичихина

Экспериментальные исследования в Фонетическом центре Воронежского государственного университета

В научно методическом фонетическом центре под руководством профессора Л.В. Величковой разработана и апробирована методика проведения экспериментальных исследований и аудитивного анализа, основным материалом которых является звучащая речь. Был проведен ряд исследований:

– контрастно-фонологический анализ на базе

различных языков;

– психолингвистические исследования в области звучащей речи;

– исследования параметров детской речи.

В данном обзоре представлена методика исследования параметров детской звучащей речи (авторы: Шурова М.Е., Абакумова О.В.), поэтического текста

(автор: Иванова В.Ю.), спонтанной речи в состоянии эмоциональной напряженности (автор: Жабин Д.В.)

О.В. Абакумова в своей работе «Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи (на материале русской и испанской детской речи)» впервые предпринимает попытку с помощью комплексного метода исследования произвести описание ритмико-интонационных параметров детской звучащей речи в двух языках.

Для системного анализа звучащей речи с точки зрения выражения в ней эмоциональности выбраны ритмико-интонационные параметры: паузы, ударность, характеристика мелодического знака. Об усилении эмоциональности свидетельствует повышение частотности ударности, обозначенное в работе как усиленная ритмизация*, и интенсивность мелодических признаков с определенным знаком. В основу экспериментального исследования положен тезис Л.В. Величковой [1985] о возможности системного анализа звучащей речи.

Системное исследование интонационных средств языков можно проследить в ряде работ [Е.А. Брызгунова, 1977; G. Meinhold, E. Stock, 1982; Л.А. Кантер, 1988; Л.В. Величкова, 1989; Г.А. Иванова-Лукьянова, 1990]. В русском языке интонационные единицы структурно описаны Е.А. Брызгуновой. Описания интонации испанского языка, имеются у Наварро Томаса, Н.П. Карпова, М.А. Баршак и в Gramática Académica de la lengua española. В структурном плане интонация испанского языка не описана.

Исследование в области детской звучащей речи было проведено на базе яслей-сада № 140 г. Воронежа и колледжа им. Пабло Неруды г. Мадрида (Испания) с практически здоровыми детьми в возрасте от 3-х до 7-ми лет.

Для исследования были использованы следующие методы:

- наблюдение за детьми во время игры и при восприятии ими фрагментов звучащих текстов сказок с определенной эмоциональной окраской;
- беседы с детьми, во время которых обсуждалось их отношение к прослушанным фрагментам сказок;
- индивидуальные эмоциональные реакции детей исследовались с помощью оценочных критериев;
- аудитивный анализ высказываний детей;
- статистическая обработка полученных результатов.

Проведенный эксперимент состоял из 3-х частей. Каждому ребенку в первой части аудитивно, а во второй части визуально предлагался фрагмент одной из сказок. Через обучающие элементы отме-

чалась реакция ребенка. В третьей части ребенку предлагалось ответить на вопросы по сказкам. Ответы детей записывались на диктофон.

Таким образом, объектом исследования выступили связные тексты аудиозаписей детской звучащей русской и испанской речи, которые были подвергнуты аудитивному анализу (всего 14 аудиторов-экспертов).

Результаты аудитивной работы обрабатывались статистически. В ходе эксперимента было проведено исследование 240 частотных рядов, которые попарно сравнивались по мелодическим и эмоциональным признакам. На этом этапе определялось наличие существенного характера между указанными рядами и их средними значениями. Сравнение частотных рядов было проведено с помощью критерия Стьюдента, а статистическая оценка расхождений между самими частотными рядами – с помощью критерия «хи-квадрат».

Для характеристики ритмических параметров речи необходимо определение ритмической единицы / ритмической группы (РГ). Для этого нужен некий набор признаков. В качестве таких признаков мы вслед за Л.В. Величковой (1998) выбираем следующие: величина ритмической группы в слогах, место ударного слога, характер ударения, характер отношений между ударными и безударными слогами (в количественном и качественном отношении), отношения с единицами других лингвистических уровней.

Из этих признаков для проведения экспериментального исследования нами был использован первый признак – величина ритмической группы в слогах. По этому признаку была выведена Q_{min} (РГ с минимальной протяженностью), Q_{max} (РГ с максимальной протяженностью) и, кроме того, введен дополнительный признак – частотное РГ, обозначенное нами Q_f (РГ с высокой частотностью в данных текстах). Кроме того, в анализе был учтен мелодический признак ударного слога. После статистической обработки были выявлены существенные различия между мелодическими признаками ударных слогов (с повышением или понижением высоты тона голоса) и выраженной положительной или отрицательной эмоцией. Анализ частотности ударных слогов в текстах детской звучащей речи позволил сделать следующие выводы:

- 1) 2,5 и 4,0 – стабильный ритмический показатель для детской звучащей речи при выражении положительных эмоций, которые преобладают у детей 3, 4, 6 лет;
- 2) 0,5 – 1,0 – стабильный ритмический показатель при выражении отрицательных эмоций у русских детей 5, 7 лет;
- 3) 2,3 – 4,0 – стабильный ритмический показатель для речи испанских детей при выражении положительных эмоций, которые наблюдались в большинстве случаев;
- 4) речь русских детей разделяется по данным стабильного ритмического показателя в зависимости от возраста и выраженной эмоциональности;

* Мы пользуемся термином «ритмизация», вкладывая в него значение увеличения количества ударных слогов в звучащих текстах детей или уменьшение дистанций между ударностями

5) стабильный ритмический показатель совпадает в речи русских и испанских детей 3, 4, 6 лет (2,3 – 4,0);

6) тексты русских детей 5, 7 лет имели выраженную отрицательную эмоцию (0,5 – 1,0), что показывает усиление ритмизации в 4 раза.

Далее был произведен замер темпа речи методом подсчета количества слогов в минуту по возрастным группам.

В речи испанских детей средние показатели в 3, 4 года совпадают с темпом речи русских детей (124 слога/мин). Минимальный показатель темпа речи у русских детей в 5 лет совпадает с максимальным показателем темпа речи у испанских детей 6, 7 лет (151-156 слогов/мин). В возрасте 7 лет показатели темпа речи у испанских детей составляет 151 слог/мин, а у русских детей в этом возрасте 86 слогов/мин.

Характеристика темпа речи может быть связана как с лингвистическими факторами (например, величина слова в слогах и пр.), так и с психологическими факторами: общий эмоциональный настрой, настроение, а так же с национальным темпераментом.

Анализ результатов аудитивного и статистического исследования параметров детской звучащей русской и испанской речи при выражении эмоциональности (положительной и отрицательной) в речи русских и испанских детей позволяет заключить, что:

- детская речь носит эмоциональный характер, что свидетельствует в пользу концепции Е.Н. Винарской, принятой в настоящей работе в качестве одного из теоретических положений;
- *универсальным* является преобладание в русской и испанской детской речи положительных эмоций, выражение которых имеет восходящий характер тона голоса в слогах;
- *национально специфическим* является поведение мелодических знаков на ударных слогах:
 - в речи русских детей *при выражении положительных эмоций* наблюдается как повышение тона голоса, так и понижение, а в речи испанских детей наблюдается только знак повышения мелодики на ударных слогах;
 - *отрицательная эмоция* в речи русских детей может быть выражена только нисходящим тоном голоса на ударных слогах, в речи испанских детей выражение отрицательной эмоции носило характер единичных высказываний и не могло быть статистически исследовано;
- при усилении выраженных в речи эмоций достаточно ясно прослеживается тенденция к усилению ритмизации.

Эксперимент О.В. Абакумовой позволил определить параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи в контрастивном плане с психолингвистической точки зрения.

М.Е. Шурова в своей работе делает попытку

исследовать ритмическую организацию речи детей младшего школьного возраста в русском и немецком языках. Для определения ритмических параметров детской русской и немецкой речи, выделения ритмических групп (РГ) и их типов, определения наиболее частотных РГ с дальнейшим их анализом, а также для выяснения соотношения типа РГ с синтаксическими конструкциями был проведено экспериментальное исследование.

Эксперимент с русскими детьми проводился на базе МОК №2 (многоуровневого образовательного комплекса) г. Воронежа.

С целью получения звучащего речевого материала русской звучащей речи детям было предложено высказываться на темы, близкие их повседневной жизни (например, рассказать о том, как они проводят летние каникулы и др.). Высказывания детей записывались на магнитофонную плёнку. Речевой материал немецкой звучащей речи детей младшего школьного возраста был получен от немецких коллег из Института фонетики при университете им. Мартина Лютера (г. Галле, ФРГ). На магнитофонную плёнку были записаны высказывания детей, также связанные с их проблемами и интересами, их любимыми занятиями в повседневной жизни. Возраст испытуемых (русских и немецких) составил 7-10 лет (период младшего школьного возраста). Поскольку этот период в жизни ребёнка отличается интенсивным развитием и становлением различных физиологических, психических и психологических новообразований (мышление, память, речь), испытуемые были разбиты на две возрастные группы: 1-ая возрастная группа - 7/8 лет; 2-ая возрастная группа – 9/10 лет. Таким образом, мы хотели проследить особенности (и возможно отличия) в ритмическом оформлении речевого высказывании детей младшего школьного возраста на разных этапах развития речевого общения.

Необходимым условием эксперимента было создание свободной непринужденной обстановки в ходе записи детской речи на магнитофонную плёнку, т.е. создание психологически комфортной обстановки для свободного высказывания. Внимание детей не должен был отвлекать сам процесс записи (магнитофон), дети должны были испытывать чувство доверия к экспериментатору.

В эксперименте участвовало 15 человек 1-ой возрастной группы (7/8 лет) и 15 человек 2-ой возрастной группы (9/10 лет). Число немецких детей 1-ой возрастной группы составило 13 человек, 2-ой возрастной группы – 12 человек. Общая продолжительность звучания детской речи составила около 4 часов. Это обусловило примерно одинаковый общий объём звучащего текста речи русских и немецких детей. Объём звучащего текста русских детей 1-ой возрастной категории составил: 2126 слов и 3670 слогов. Звучащий текст русских детей 2-ой возрастной категории включал 2007 слов и 4115 слогов. Объём звучащего текста немецких детей 1 возрастной группы составил 2531 слова и 3698 слогов, звучащий текст 2 возрастной группы состоял

из 2797 слов, 4036 слогов. Всего анализу в русском звучащем тексте подверглось 4133 слова, что равно 7785 слогам. В немецком звучащем тексте – 5328 слов, что равно 7734 слогам.

Эксперимент проводился на основе аудитивного анализа звучащего текста. Была определена рабочая группа auditors, которым была предложена для прослушивания детская речь. Для более детального определения ритмической картины речи русских и немецких детей младшего школьного возраста нами было решено выделить 4 категории auditors, а именно – «наивный» носитель родного языка (ННРЯ), «наивный» носитель чужого языка (ННЧЯ), носитель родного языка, преподаватель данного языка /учитель-филолог (НРЯП) и носитель данного языка фонетист (НРЯФ).

Исследователя интересовала реакция людей различной языковой компетентности на поставленную задачу. Однако для определения различий в ритмических параметрах двух языков исследователь опирался на данные, полученные от группы auditors – «наивных» носителей родного языка. Здесь исследователь исходил из психолингвистического понимания функции речевого ритма, имеющего непосредственное отношение к процессу речевого высказывания.

Интерес представляли ритмические параметры, в первую очередь, с точки зрения носителя родного языка, так как предполагалось, что у «наивного» носителя языка имеется представление об этих параметрах (паузах, ударении, РГ) на уровне ожидания привычной ритмической канвы родной речи. В рабочую группу auditors 1-ой категории вошло 15 человек. Расширять данную группу auditors было сочтено нецелесообразным, поскольку ясно наметилась тенденция к повторению результатов работы информантов.

У 10 auditors из 15 расхождения в маркировке текста не наблюдались. Результаты работы этой группы auditors легли в основу выводов. В группу русских auditors входили учителя, домохозяйки, рабочие, служащие в возрасте от 30 до 40 лет. В группу немецких auditors входили студенты-стажеры ВГУ, учителя из Германии, не имеющие отношения к преподаванию языка, в возрасте от 25 до 40 лет. Остальные группы auditors были представлены меньшим количеством человек (6 человек), так как исследователю было важно проследить тенденцию в расхождении определения ритмических единиц в звучащем тексте.

Эксперимент проводился с небольшими группами auditors (3-5 чел.) в присутствии экспериментатора. Перед прослушиванием звучащего текста для информантов были сформулированы задания для проведения эксперимента, а именно было необходимо обозначить по ходу звучания текста все паузы и ударения, которые они слышат. Первой реакцией на сформулированное задание было замешательство. После чего следовала дискуссия о значении паузы и ударения. Экспериментатор, присутствуя при этом, не делал никаких замечаний.

После начала работы выяснилось, что auditors

не успевают выполнять задания, так как темп произнесения оказался для этого слишком быстрым. Поэтому по просьбе auditors, первый раз текст был ими прослушан лишь для ознакомления с ним. При повторном прослушивании, auditors выразили желание проставить паузы. Выполняя эту работу, большинство из них обозначало сразу и главное ударение. Слушая текст третий раз, информанты корректировали свою работу и проставляли второстепенные ударения. Аналогичным образом проводилась работа и с остальными группами auditors.

Процедура выявления и подсчета РГ проходила следующим образом. Протяжённость РГ определялась путём подсчёта количества слогов между паузами. Таким образом, выстраивался числовой ряд, показывающий протяжённость РГ. Например: 14 - 11 - 5 - 4 - 2 - 4 - 2 - 2 - 6 - 3 - 2 и т.д.

Количество РГ разной протяжённости подсчитывалось в каждой возрастной группе (далее в.г.) в двух языках. Для сравнительного анализа ритмической картины русской и немецкой детской речи было подсчитано общее количество различных РГ, встретившихся в звучащем тексте в двух языках (1 + 2 в. г.). На основании результатов анализа данных 1-ой категории auditors было выявлено следующее количество ритмических групп: русская речь: 1 в.г. 680 РГ, 2 в. г. - 686 РГ; немецкая речь: 1 в. г. - 683 РГ, 2 в. г. - 722 РГ. Общее количество РГ, подвергнутых анализу в речи русских детей, составило 1366 РГ, в речи немецких детей соответственно 1405 РГ.

На следующем этапе работы было подсчитано общее количество РГ различной протяжённости, что позволило в дальнейшем определить, наиболее частотные РГ в речи русских и немецких детей. Затем определялось место ударного слога /ударных слогов. После этой процедуры был получен числовой ряд, например: 2/2 - 6/5 - 5/1,4 - 8/2,7 - 6/2,5 - 5/4 - 3/2 - 8/4,8 - 4/4 и т.д. В результате этого анализа были выявлены типы РГ, например: РГ протяжённостью в 8 слогов, четвёртый и восьмой слоги ударные - 8/4,8. Количественный анализ различных типов РГ позволил определить наиболее часто употребляемые типы РГ в речи детей.

Частотность и распределение ударений в РГ определялось по числовому ряду, обозначающему протяжённость междударного интервала без учёта пауз. Для получения данных о соотношении типа РГ с синтаксическими конструкциями каждый тип РГ был представлен соответствующей фразой и проанализирован с точки зрения синтаксической и морфологической конструкции.

Для сравнительного анализа результатов эксперимента в двух языках принимались во внимание, как числовые данные, так и процентное соотношение результатов эксперимента. При обработке данных результатов анализа ритмических параметров русской и немецкой детской речи применялись методы аудитивного анализа с применением статистических приёмов исследования.

Отобранный экспериментальный материал был

предложен для прослушивания аудиторам. В эксперименте принимали участие несколько категорий аудиторов, которые формировались по следующим признакам:

A1 – носитель данного языка, т.е. человек, для которого данный язык является родным, и который не имеет специализации в области лингвистики, обозначаемый нами условно как «наивный» носитель родного языка (НРЯ). Это прежде всего люди, слух которых не превышает обычных параметров. Исходя из нашего представления о психолингвистической функции ритма, наивный носитель языка способен выделить элементы ритма, определить место пауз и выделить, как минимум, центральное ударение, (обычно совпадающее с ремой).

A2 – носитель чужого языка, т.е. человек, для которого данный язык является неродным или слабо им владеет, обозначаемый нами условно как «наивный» носитель чужого языка (НЧЯ). В данном случае исследователя интересовала реакция слушающего, не связанная семантикой текста (речи), который мог сосредоточиться на звуковой картине речи. Предполагается, что и в неродном языке человек может выделять (слышать) ритмические единицы, но вероятнее всего, что он будет это делать через призму своего родного языка, что может вызывать погрешности. Всё сказанное относится к языкам одной семьи – индоевропейским языкам.

A3 – носитель данного языка, филолог, преподаватель данного языка – (НРЯП). Выбор данной категории аудиторов объясняется интересом к тому, как реагируют на выявление ритмических единиц люди различной языковой компетентности.

A4 – носитель данного языка, имеющий специализацию в области фонетики – (НРЯФ). В данном случае речь идёт о категории аудиторов с высоким качеством слуха, имеющих теоретические знания в данной области. Данная группа аудиторов может дать более детальное представление о ритмической организации речи и служить неким эталоном. Интерес представляет и сопоставление данных «наивных» носителей языка и фонетистов.

Для анализа звучащего текста русской / немецкой детской речи аудиторам было предложено следующее задание:

1. Выделить паузы безотносительно их градации, т.е. все, которые улавливает ухо аудитора.
2. Обозначить ударные слоги в звучащей детской речи.

Поисковый характер эксперимента, в котором ставилась цель выделения ритмических единиц в звучащей детской речи и контрастивного исследования ритмических параметров в двух неблизкородственных языках – русском и немецком, а также проведение анализа результатов эксперимента по 2-м возрастным группам четырьмя категориями аудиторов повлек за собой значительное увеличение объёма экспериментального материала. Однако выбор данной процедуры эксперименталь-

ного исследования способствует получению более детальной информации о возможности восприятия и регистрации ритмических параметров, а также способствует проведению комплексного исследования и решению поставленных задач.

Методику анализа экспрессивных средств речи и их восприятия разработала В.Ю. Иванова в работе «Сегментные и супraseгментные средства выразительности поэтического текста (на материале русских и немецких поэтических текстов)».

В настоящее время в качестве единого объекта процесса восприятия исследователи представляют письменную и устную речь, указывая лишь на их физиологическое различие. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают следующие особенности восприятия устного и письменного текста. Письменный текст сложнее для восприятия, чем устный, так как при его восприятии нет таких опор, как ситуация, интонация, невербальные средства, которые помогают при восприятии устного текста. Понимание целостного устного текста и понимание целостного письменного текста «различаются задействованными в этом процессе механизмами, но в целом эти механизмы подчиняются основным общим законам переработки информации, поступающей через разные сенсорные каналы» [Попова 2004, с.178].

Считается общепринятым фактом, что форма стихотворного текста в большинстве случаев представляет собой четкую метрическую схему. Количество этих схем ограничено, они описаны в теории стихосложения. Вместе с тем, палитра эмоциональных ощущений, возникающих при восприятии поэтического произведения, очень широка. Сочетание эмоционального настроя и метроритмических параметров не описано. При исследовании этого явления на первый план должны выйти признаки восприятия поэтического текста и факторы, обуславливающие характер восприятия. Такой аспект исследования поэтического текста представляет новый ракурс его исследования.

Звуковая форма реализации поэтического текста характеризуется, прежде всего, исполнением. При этом различают две, весьма отличные друг от друга, системы исполнения: авторская и актерская. Исполнитель стремится представить выбранное произведение во всей его целостности, соблюдая единство формы и содержания, используя всю силу выразительности поэтического текста [Stock, Veličkova 2002: 51-52]. Но остается спорным вопрос, насколько исполнитель может отойти от первоначального замысла автора, так как собственная интерпретация текста часто влияет на прочтение, а также на вид и степень ритмизации текста.

Особый интерес представляет вариант прочтения поэтического текста «наивным» носителем языка (или «наивным» пользователем языка). Используя данный термин, мы в данном случае подразумеваем грамотного носителя языка, не имеющего филологического образования, а также профессиональных навыков реализации

поэтического текста. При таком варианте прочтения происходит некое сближение поэтического текста с речью, при этом реализуются присущие речи экспрессивные средства. Данная категория дикторов, как правило, не пытается приблизить свое прочтение к актерскому, а читает ближе к бытовому стилю речи. Наряду с этим фактором, степень выраженности эмоции увеличивается по мере нарастания эмоциональности поэтического текста. Бессознательно носитель языка усиливает реализацию этих средств. Бытовой стиль речи может служить также аналогом помех, в условиях которых происходит реализация экспрессивных признаков речи. Эти явления не наблюдались бы в случае актерского исполнения. Тогда реализация зависела бы от мастерства выражения данной эмоции в этом жанре.

Изложенное выше утверждение подтверждается экспериментально. Из русской и немецкой поэзии 19-20 вв. были выбраны 120 русских и 120 немецких поэтических текстов, объединенных эмоциональным состоянием «печаль», соотносимым с эмоциональной шкалой К. Изарда [Изард 2003]. Затем в ходе психолингвистического эксперимента выбранные тексты были классифицированы в зависимости от изменения степени интенсивности эмоционального состояния по трем степеням: умеренная степень с возможными оптимистическими нотами, более высокая степень и наибольшая степень выраженности данного эмоционального состояния. Данные стихотворные тексты были записаны шестью дикторами (три мужских и три женских голоса – для каждого языка), «наивными» носителями языка, на аудиокассету. Поскольку «интонация равноправно участвует в передаче смысловой стороны высказывания» [Величкова 1987, 160], можно предположить, что по мере нарастания степени выраженности эмоционального состояния «наивный» носитель языка бессознательно усиливает реализацию экспрессивных средств поэтического текста.

Проведенный анализ опирается на нейролингвистическую концепцию Е.Н. Винарской, согласно которой эмоции имеют зонную структуру с прогрессивной и регрессивной направленностью, образующей два зонных варианта «интонационных жестов умеренной субъективной ценности» [Винарская 2003: 36] – мажорные тембры, связанные с процессом нарастания эмоционального напряжения, и минорные, связанные с его падением. Мажорным тембрам соответствуют сегменты восходящей звучности, минорным соответствуют сегменты нисходящей звучности. Принимая за основу эмоций личности три основные эмоциональные модальности (радость, горе, гнев-страх), которые выражаются комплексами эмоционально выразительных паралингвистических проявлений (мимика, жестика, интонация), Е.Н. Винарская отмечает, что «все паралингвистические средства формируют у наблю-

дателя полисенсорные, прежде всего зрительные и слуховые, образы, в которых особое значение имеют их интонационные компоненты. Следовательно, эмоционально выразительные паралингвистические интонации поэтических произведений – это с психофизиологической точки зрения совокупности специфических звуковых образов (жестов)» [Винарская 2003: 18].

На уровне ритмических параметров русских поэтических текстов, прочитанных «наивными» носителями языка, выявлены следующие закономерности. С возрастанием степени выраженности эмоционального состояния прослеживается увеличение нисходящих мелодических знаков и, соответственно, уменьшение восходящих мелодических знаков. («Мелодический знак» – термин, применяемый в экспериментальной работе Научно-методического фонетического центра ВГУ. Данный термин характеризует движение мелодики на ударных слогах; различают восходящие и нисходящие мелодические знаки [Абакумова 2001: 80]). Можно предположить, что диктор интуитивно чувствует нарастание «минорного» содержания эмоции поэтического текста, и мелодический контур приобретает нисходящую направленность. В русских текстах наблюдается тенденция к уменьшению количества ударений и пауз в строке.

Для ритмической организации немецких поэтических текстов, начитанных также «наивными» носителями языка, характерно увеличение нисходящих мелодических знаков и тенденция к уменьшению восходящих мелодических знаков и увеличению количества ударений в строке.

Общей ритмико-интонационной характеристикой немецких и русских стихотворных текстов является увеличение нисходящих мелодических знаков и уменьшение восходящих мелодических знаков, что соответствует нарастанию минорного эмоционального состояния «печаль».

Реализация пауз и ударений в немецких и русских текстах имеет различные тенденции. При увеличении интенсивности эмоционального состояния в русских поэтических текстах количество пауз в строке уменьшается; в немецких текстах данный параметр не показал закономерности. Количество ударений в строке в русских стихотворных текстах уменьшается, а в немецких текстах увеличивается.

Результаты анализа ударностей русских и немецких поэтических текстов позволили сопоставить количественное содержание ударных слогов в каждой группе текстов и число акцентных слогов эмоционально окрашенной лексики, которая была определена в ходе психолингвистического эксперимента. Этот параметр позволил определить значение эмоционально окрашенной лексики, характерной для выбранного эмоционального состояния «печаль», при восприятии поэтического текста «наивным» носителем языка. Полученные данные представлены в таблицах 1-2.

Таблица 1

Данные по акцентным слогам русских поэтических текстов

	Кол-во ударных слогов (% от общего кол-ва слогов)	Кол-во ударений на ЭОЛ (% от кол-ва ударных слогов)	Кол-во ЭОЛ (% от общего кол-ва слов в группе)
I	19,22%	15,74%	12,84%
II	16,02%	26,70%	16,04%
III	12,98%	39,58%	21,51%

(ЭОЛ – эмоционально окрашенная лексика)

Проанализировав реализацию ударностей русских поэтических текстов по трем группам, можно отметить следующие тенденции. С нарастанием степени интенсивности эмоционального состояния

количественное содержание ударных слогов уменьшается, а количество ударных слогов эмоционально окрашенной лексики возрастает более чем в 2 раза.

Таблица 2

Данные по акцентным слогам немецких поэтических текстов

	Кол-во ударных слогов (% от общего кол-ва слогов)	Кол-во ударений на ЭОЛ (% от кол-ва ударных слогов)	Кол-во ЭОЛ (% от общего кол-ва слов в группе)
I	16,06%	8,32%	11,16%
II	18,11%	11,31%	12,9%
III	24,86%	24,38%	14,09%

Данные по акцентным слогам немецких поэтических текстов позволяют установить следующие тенденции. С увеличением степени выраженности эмоционального состояния в немецких поэтических текстах увеличивается количество ударных слогов, а также количество ударных слогов эмоционально окрашенной лексики.

Как показал анализ реализации ударений в русских и немецких поэтических текстах, с возрастанием степени интенсивности эмоционального состояния выбор ударностей становится в определенной степени закономерным. Т.е. носитель языка

интуитивно выделяет те единицы, которые непосредственно передают эмоцию поэтического произведения.

Согласно исследованиям Р.К. Потаповой и В.В. Потапова, важную роль при передаче эмоциональности играет темп высказывания. Эмоциональное состояние «печаль» характеризуется, по их данным, замедленным темпом [Потапова 2006: 103]. Анализ темповых характеристик выбранных для экспериментального анализа стихотворных текстов по трем группам дал следующие результаты, представленные в таблицах 3-4.

Таблица 3

Темповые характеристики русских стихотворных текстов

(Приведены средние параметры для каждой группы стихотворных текстов – количество слогов в минуту)

№ группы	<i>Женские голоса</i>			<i>Мужские голоса</i>		
	№1	№2	№3	№1	№2	№3
I	250,90	246,33	252	266,43	250	261,8
II	204	212,54	201,18	235,21	189,77	244
III	186,36	189,15	181,7	195,11	215,79	204,32

Таблица 4

Темповые характеристики немецких стихотворных текстов

№ группы	<i>Женские голоса</i>			<i>Мужские голоса</i>		
	№1	№2	№3	№1	№2	№3
I	218,25	245,42	189,19	133,71	224,12	235,97
II	219,11	239,81	211,78	152,50	231,55	228,74
III	165,75	241,35	175,13	188,30	229,32	234,18

Как видно из приведенных выше таблиц, в немецких стихотворных текстах не наблюдается закономерности в темповых характеристиках при изменении степени интенсивности эмоционального состояния. Тем не менее, можно отметить, что во всех стихотворных текстах темп замедлен по сравнению с обычной речью (средний темповый показатель немецкой стихотворной речи в данном

эксперименте составляет 209 слогов в минуту. В качестве среднего темпа немецкой речи, вслед за Г.Линднером [Lindner 1997], обычно принимают 240-250 слогов в минуту).

В русских стихотворных текстах прослеживается замедление темпа при увеличении интенсивности эмоционального состояния (средний темповый показатель русской стихотворной речи в данном

эксперименте составляет 221 слог в минуту; при этом мы исходим из среднего показателя русской речи, равного 280-290 слогам в минуту).

Настоящая психолингвистическая концепция позволяет объяснять силу восприятия поэтического текста, концентрирующего в себе лингвистические и паралингвистические средства, направленные на создание эмоционального образа. Воздействие поэтического текста не сводится к его содержательному плану. Это обстоятельство лежит в основе так называемой «магической силы» стихотворного произведения и свидетельствует о владении автором всем комплексом средств родного языка, в том числе, бессознательно, на уровне параметров звучащей речи в их экспрессивной функции.

Методы исследования спонтанной речи говорящего в состоянии стресса на материале русского языка представлены в исследованиях Д. В. Жабина.

С целью исследования спонтанной речи говорящего в состоянии эмоциональной напряженности был осуществлен эксперимент, который носил поэтапный характер. Исходным пунктом явилось определение стрессовой ситуации. Принимая во внимание то, что стресс в психологии и психиатрии понимается как сильная неблагоприятная для организма психологическая и физиологическая реакция на воздействие экстремальных факторов, воспринимаемых человеком как угроза его благополучию, в качестве стрессовой ситуации рассматривалось судебное следствие по уголовным делам.

Перед проведением эксперимента исследователям было позволено с разрешения председателя суда:

1. рассмотрение ряда уголовных дел с целью составления прогноза и выбора наиболее стрессовой ситуации на судебном следствии;

2. установление контакта в отдельности с потерпевшими и обвиняемыми в рамках одного уголовного дела;

3. беседа врача-психиатра с испытуемыми с целью составления психического статуса и выявления наличия стрессового состояния говорящего. Важно отметить, что при составлении психостатуса для 3 из 10 обвиняемых учитывались данные судебно-психиатрической экспертизы.

Кроме того, психиатрами был определен тип психической акцентуации личности¹ испытуемых, т.е. с психастенической акцентуацией – 5 чел., с акцентуацией по эмоционально-неустойчивому типу – 4 чел., с шизоидной акцентуацией – 3 чел., с

истероидными чертами характера – 5 чел.², с астеническими чертами характера – 3 чел., с эксплозивной акцентуацией – 1 чел.

Эти данные необходимы исследователю для дальнейшей классификации испытуемых не только по степени эмоциональной напряженности, но и по группам в зависимости от их психической акцентуации. Кроме того, это также имеет большое прикладное значение, т.к. на основе лингвистического анализа с определенной долей достоверности можно дать оценку эмоциональному состоянию говорящего (отклонение от нормы, тревожность, напряженность, наличие и тип эмоций, например, волнение, удивление, страх и т.п.), психофизиологическому состоянию (ненормативность, наличие патологии), наконец, установить пограничные критерии для определения стрессового расстройства для того или иного типа характера. Важно заметить, что по данным психологии у психически нормальных людей отдельные черты характера и их сочетания, представляющие крайние варианты нормы, удовлетворительно адаптированы в благоприятных условиях (состояние компенсации) и дезадаптированы с яркой выраженностью свойственных им психических проявлений, в том числе и невротических, при ситуации стресса (декомпенсация). Поэтому, кроме психического статуса, врачом психиатром также определялся тип психической акцентуации каждого испытуемого.

Для исследования спонтанной звучащей речи в состоянии стресса был использован ряд методов.

При попытке анализа спонтанной речи говорящего в стрессовом состоянии мы обращали свое внимание в первую очередь на *напряженность* речи, а не на ее эмоциональную сторону. По нашему мнению, формальные признаки спонтанной речи могут свидетельствовать о степени напряженности, которая может быть соотнесена с конкретными эмоциями говорящего. Поэтому мы предполагаем, что у различных типов акцентуаций наблюдается различная степень напряженности речи.

Исследователь исходит из понимания терминов «стресс» и «эмоциональная напряженность» в психиатрии и психологии, рассматривая их как тождественные. Термин «стресс» (давление, напряжение) в названных науках используется часто для обозначения обширного круга состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия (стрессоры) (Г. Селье, Ф.П. Ведяев, Т.М. Воробьева, Р.К. Потапова и др.)

Итак, при анализе ситуации, вызванной психологическими стрессорами, перед автором стояла

¹ Акцентуация личности – понятие, введенное К. Леонгардом и означающее чрезмерную выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющую крайние варианты нормы, граничащие с психопатиями [Балабанова 1998: 392].

² Важно заметить, что у одного из испытуемых (69 лет) психиатр отметил признаки дисциркуляторной и дисметаболической энцефалопатии, что свидетельствует о сосудистой патологии головного мозга, влекущей за собой некоторые нарушения речемыслительной деятельности. Исходя из этого, исследователь воздержался от анализа спонтанной речи названного испытуемого.

задача выявить признаки стрессового напряжения говорящего. Перед проведением эксперимента с аудиторами был проведен дополнительный эксперимент с целью выяснить, ориентиры аудиторов при оценке эмоциональной напряженности речи. Для этого были подобраны три текста, отличающиеся друг от друга эмоциональным настроением. Отобранные тексты были начитаны по методу контрадикции [Потапова Р.К., Потапов В.В., 2006]. Первый текст был прочитан с установкой на отсутствие напряженности, что противоречило его содержанию. Второй текст – с установкой диктора на напряженность, в соответствии с его содержанием. Наконец, третий текст имел характерные содержательные признаки напряженности, он был прочитан диктором с установкой на напряженность. Характеристики этих текстов можно представить в следующей схеме:

степ. напряж./тексты	1	2	3
напряженность по содержанию	+	+	-
напряженность по форме	-	+	+

Приведенная таблица показывает, что наблюдаются различные комбинации формальных и содержательных признаков. Эти тексты были розданы аудиторами (7 человек), которые получили следующую установку: 1) *прослушайте отрывки из романов (С. Шелдон); 2) установите, какой из текстов, прочитанных диктором, по Вашему мнению, является наиболее напряженным.* При этом не уточняется характер и критерий напряженности.

Данный эксперимент демонстрирует механизмы и критерии при оценке аудиторами эмоциональной напряженности звучащей речи. Большинство аудиторов отметили второй текст (напряженный и по форме, и по содержанию). Вторым по напряженности аудиторы отметили текст № 3 (ненапряженный по содержанию). Третьим был отмечен первый текст, напряженный только по содержательным признакам. Таким образом, аудиторы отдали приоритет формальным признакам перед содержательными при оценке напряженности речи. Полученный результат имеет существенное значение для эксперимента и свидетельствует о необходимости учитывать, что на слушающего, в первую очередь, воздействие оказывает формальная сторона устного высказывания, она же придает окраску содержанию текста. Разумеется, это выражается посредством эмоционального настроения говорящего, его акцентуации в той или иной ситуации, степени стресса, от которой зависит его высказывание, темпа речи (ускоренный или замедленный), пауз хезитаций, которые характеризуют ритмическую структуру фразы, тип фразы и т.д. Материалы настоящего анализа требуют подтверждения более широкими экспериментальными исследованиями.

Главными критериями проведения эксперимента явились использование неотобранных популяций и добровольность участия. Разрешение на аудиозапись предоставлялось с согласия председателст-

вующего судьи, а также руководствуясь частью 5 статьи 241 «О гласности» УПК РФ о разрешении аудиозаписи открытого судебного заседания. Исследование проводилось в одно и то же время (10-14 часов), с целью получения естественного объективного материала спонтанной звучащей речи. Оценивался общий уровень состояния эмоциональной напряженности испытуемых.

Индикатором напряженности речи при восприятии служат, прежде всего, формальные средства звучащей речи. При чем эти средства находятся в отношении комплементарности с семантическим наполнением фразы и сигнализируют о степени напряженности речи. Важно заметить, что состояние эмоциональной напряженности передается комплексом формальных признаков звучащей речи на уровне темпа, ритмических параметров, пауз, речевых сбоев (ошибки, оговорки).

Проведение эксперимента было направлено на последовательное решение стоящих перед исследователем задач и носило поэтапный характер:

1. Каждому эксперту-аудитору предлагалось прослушать текст допроса обвиняемого и потерпевшего. Определить степень напряженности речи говорящего.

2. Звучащий материал был проанализирован аудитором-фонетистом, перед которым была поставлена задача обозначить паузы и выделить ударные слоги. На основании этого анализа был определен объем материала в ритмических группах (далее по тексту РГ) – 3450 РГ.

3. Измерение формальных показателей речи по следующим параметрам:

- Объем текста продолжительностью в 245 мин. составил 48020 слогов.

- Темп речи замерялся путем деления общего количества слогов в реплике на время ее звучания по каждому испытуемому. Увеличение или уменьшение количества слогов в минуту в той или иной части текста сопоставлялось с маркировкой данной части аудиторами.

- Сбои (обмолвки/оговорки) наблюдались на всем массиве материала, а их частотность отмечалась и сопоставлялась с маркировкой данной части текста аудиторами.

- На следующем этапе мы рассмотрели типичные конфигурации ритмических групп в спонтанной речи испытуемых в разной степени эмоциональной напряженности. При этом мы руководствовались следующими критериями: 1) протяженность РГ и 2) место ударного слога в РГ.

Данные аудиторов были распределены в соответствии с психической акцентуацией испытуемых.

Проведение аудитивного анализа экспериментального материала носило индивидуальный характер. Аудиторы-эксперты пользовались апробированной схемой, разработанной в НМФЦ ВГУ. Звучащие тексты допросов потерпевших и обвиняемых были записаны на CD-диски, транскрибированы и розданы свободным аудиторами, которые получили

следующую инструкцию для выполнения основной части эксперимента:

1. Прослушать текст на диске.
2. В предложенном варианте выделить те части текста, которые, по Вашему мнению, свидетельствуют о явном изменении состояния говорящего;
3. Обозначить напряженность речи знаком «+» (в зависимости от степени «+ +», «+ + +») и отсутствие напряженности знаком «0».¹

Исходя из установленного задания, аудиторы имели свободу действий в стратегии на маркировку по объему высказывания при оценке напряженности речи. Все аудиторы оценивали каждую отдельную реплику говорящего вне зависимости от ее объема. После проведенного нами подсчета общее число реплик составило 2082.

Отобранный экспериментальный материал был предложен для аудитивного анализа экспертам – носителям русского языка. Возрастная категория auditors – от 23 до 60 лет. Аудиторы специально были представлены разными по социальному статусу группами: врач (4), филолог (3), лингвист (2), экономист (1), музыкант (2), инженер-конструктор (1), инженер-технолог (1), программист (2), коммерсант (1), логопед (1), школьный учитель (4), психолог (1), секретарь-референт (1), воспитатель детского сада (3), бухгалтер (2), строитель (1). Следует заметить, что филологи и лингвисты, входящие в состав auditors, не имели специального образования в области фонетики или психолингвистики, поэтому с этой точки зрения представляют «наивных» носителей языка, что отвечает задачам данного этапа эксперимента, носящим преимущественно психолингвистический характер.

Анализ результатов исследования формальных признаков спонтанной речи позволяет заключить, что:

- у всех типов представленных акцентуаций наблюдается увеличение количества реплик с возрастанием степени напряженности в речи относительно данных со средней степенью напряженности; резкое уменьшение количества реплик характерно для речи с максимальной степенью напряженности (в некоторых случаях количество реплик сокращается до 0);
- увеличение количества частотных ритмических групп (РГ) в речи со средней степенью напряженности наблюдается у испытуемых с психастеническим, шизоидным, истероидным и эксплозивным типом психической акцентуации; у испытуемых с астеническими и эмоционально-неустойчивыми психическими характеристиками количество частотных РГ является приблизительно

одинаковым в речи с минимальной и средней степенью напряженности;

- практически для всех типов акцентуаций является закономерным отсутствие частотных РГ в речи говорящих с максимальной степенью напряженности;
- с возрастанием степени напряженности наблюдается увеличение темпа речи у испытуемых с психастеническим, эмоционально-неустойчивым, истероидным, астеническим и эксплозивным типом психической акцентуации. Обратное явление нами наблюдалось при анализе темпа речи у испытуемых с шизоидным типом психической акцентуации;
- у экстравертированных личностей (по психической классификации К.Г. Юнга) (с психастеническим, истероидным и эксплозивным типом психической акцентуации) ударный слог имеет тенденцию к размещению от конечной к центральной позиции в РГ. У интровертированных личностей (с шизоидным и астеническим типом психической акцентуации) ударный слог имеет тенденцию к размещению от центральной к конечной позиции в РГ. Константной является позиция ударного слога с возрастанием напряженности речи у личностей с эмоционально-неустойчивыми психическими характеристиками – предпоследняя позиция в РГ;

▪ протяженность РГ в слогах, определенная на основе максимально частотных РГ, с возрастанием степени эмоциональной напряженности в преобладающем большинстве случаев уменьшается;

▪ полученные данные можно сравнить с имеющимися средними показателями конфигураций ритмических групп в различных речевых стилях русской речи [Stock, Veličkova: 2002];

▪ для всех представленных типов психических акцентуаций характерно увеличение количества повторов, фальш-стартов и пауз хезитаций в речи, характеризующейся средней степенью эмоциональной напряженности.

В ходе эксперимента удалось в речи говорящих в стрессовой ситуации проследить и выявить изменения конфигураций ритмических групп, параметров темпа речи, протяженность ритмической группы и позицию ударного слога в ней.

Проведенный эксперимент в целом свидетельствует о возможности характеристики эмоционального состояния говорящего по формальным признакам его речи.

Представленные в обзоре методы позволяют создать базу данных об изменениях ритмических параметров речи в зависимости от эмоционального состояния говорящего, стиля речи, выделяя универсальные и национально-специфические признаки ряда языков.

¹ Формальные признаки могут служить критериями для оценки речи говорящего по эмоциональной напряженности. Механизм такой оценки, который и применяется в данной работе, дается в концепции Е. Штока и Л. Величковой.

Литература

1. Абакумова О.В. Интонация и языковое сознание: Психолингвистическое исследование / О.В.Абакумова, О.В.Бердникова, Л.В.Величкова, Е.В.Петроченко. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 156 с.
2. Ведяев Ф.П., Воробьева Т.М. Модели и механизмы эмоциональных стрессов. - Киев, Здоровья, 1983. – 135 с.
3. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии) / Е.Н.Винарская. – 2-е изд. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 172 с.
4. Жабин Д.В. Формальные признаки спонтанной речи говорящего в ситуации стресса. – Диссертация... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 330 с.
5. Иванова-Лукьянова Г.Н. Особенности ритмико-интонационной организации стихотворной речи / Г.Н.Иванова-Лукьянова // Проблемы структурной лингвистики: Ежегодник. – М., 1982-1984. – С.159-169.
6. Изард К. Психология эмоций / К.Изард – СПб.: Питер, 2003. – 464 с.
7. Ковтунова И.И. Заметки об интонации поэтической речи / И.И.Ковтунова // Проблемы структурной лингвистики: Ежегодник. – М., 1982 - 1984. – С. 149 –158.
8. Костецкий А.Г. Материальная природа поэтического текста и его восприятие / А.Г.Костецкий // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С.200 – 206.
9. Попова З.Д. Общее языкознание. Учебное пособие для университетов / З.Д.Попова, И.А.Стернин. – 2-изд., перераб. и доп., Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. – 208 с.
10. Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Р.К.Потапова, В.В.Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
11. Селье Г. Стресс без дистресса: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 124 с.
12. Lindner, G. Zur emotionalen Dimension der lautsprachlichen Kommunikation / G.Lindner // Von Sprechkunst und Normphonetik. – Verlag Werner Dausien, Hanau und Halle/S., 1997. – S.104-109.
13. Stock, E. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen / E.Stock, L. Veličkova. – Frankfurt am Main, 2002. – 262 S.

О.В. Абакумова, М.Е. Шурова

Экспериментальные исследования Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ

С 2002 года в Воронежском университете на базе кафедры общего языкознания и стилистики действует Центр коммуникативных исследований, который занимается проблемами теоретических и экспериментальных коммуникативных исследований. Это направление исследования оформилось на кафедре с середины 80-ых гг. прошлого века. Исследования ведутся в двух основных направле-

ниях – исследования коммуникативного поведения разных групп населения и экспериментальные исследования коммуникативных концептов как элементов коммуникативного сознания народа.

Результаты исследований отражены в ряде монографий и сборников серии «Коммуникативное поведение», а также в диссертационных исследованиях.

Тематическая серия изданий «Коммуникативное поведение»

Монографические издания

1. Стернин И.А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле. 1989. 59 с.
2. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000. 27 с.
3. Коммуникативное поведение. Лемякина Н.А., Стернин И.А.. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 12,2 п.л.
4. Коммуникативное поведение. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.
5. Коммуникативное поведение. Очерк американского коммуникативного поведения. /Ред. И.А.Стернин, М.А.Стернина. Воронеж, 2001.
6. Коммуникативное поведение. Американское коммуникативное поведение. /Ред. И.А.Стернин, М.А.Стернина. Воронеж, 2001.
7. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002. 277 с.

8. Коммуникативное поведение. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж. 2003. 184 с.
9. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация. Воронеж, 2003.
10. Коммуникативное поведение. Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh, 2003. 93p.
11. Коммуникативное поведение. Вып. 21. Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. / Ред. И.А.Стернин. Воронеж. 2004.
12. Лемякина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж. 2004.
13. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Изд.2. испр. и доп. Флинта-Наука. М., 2006.
14. Стернина М.А. Английское и американское коммуникативное поведение. Учебное пособие. Воронеж, 2006.
15. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. Красноярск, 2006.

Продолжающиеся тематические сборники

1. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. /Ред.И.А.Стернин. Воронеж, 2000.
2. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.2. /Ред.И.П.Лысакова, И.А.Стернин. С-Пб., 2001.
3. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.3. /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2002.
4. Коммуникативное поведение. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып.1. /Ред. И.А.Стернин, Р.А.Ермакова. Воронеж, 2002.
5. Коммуникативное поведение. Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып.1. /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2002..
6. Коммуникативное поведение. Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. /Ред.И.А.Стернин, Х.Эккерт. Воронеж, 2002
7. Коммуникативное поведение. Возрастное коммуникативное поведение. Вып.1./ Ред. И.А.Стернин, К.Ф.Седов. Воронеж, 2003.
8. Коммуникативное поведение. Вып.17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, 2003.
9. Коммуникативное поведение. Вып. 18. Песня как коммуникативный жанр /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.
10. Коммуникативное поведение. Вып.19. Коммуникативное поведение славянских народов./ Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.
11. Коммуникативное поведение. Вып.20. Русское и финское коммуникативное поведение. /Ред. И.А.Стернин. Воронеж. 2004.
12. Коммуникативное поведение. Вып.22. Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж, 2006.
13. Коммуникативное поведение. Вып.23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2006.
14. Коммуникативное поведение. Вып.25. Русское и немецкое коммуникативное поведение. Halle/Saale, 2006.
15. Коммуникативное поведение. Вып. 26. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2007.
16. Коммуникативное поведение. Вып.27. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение. Воронеж, 2007.

Диссертации по проблемам коммуникативного поведения и коммуникативного сознания

Основными направлениями исследования коммуникативного поведения в диссертационных исследованиях Центра коммуникативных исследований являются проблемы национального (С.В. Никитина, К.М. Шилихина, С.В. Меликян, Р.В. Серебрякова, А.О. Стеблецова, Л.В. Куликова), возрастного (А.И. Марочкин, Н.А. Лемякина, Е.Б. Чернышова), гендерного (Е.Ю. Гетте) и профес-

сионального (Г.Н.Беспамятнова, М.А.Стрельникова, М.С. Саломатина, Е.Ю. Лазуренко) коммуникативного поведения, а также языкового и коммуникативного сознания носителей языка (О.В.Высочина, Е.К. Полякова, М.В. Шаманова, Е.И. Грищук, Л.А. Тавдгиридзе, М.Е. Новичихина, С.С. Катукон).

Тематика защищенных кандидатских и докторских диссертаций такова:

1. Беспмятнова Галина Николаевна. Языковая личность телевизионного ведущего. 10.02.19. Воронеж, 1994.
2. Марочкин Александр Игнатович. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Воронежа). 1998.
3. Никитина Светлана Валентиновна. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике). 1998.
4. Шилихина Ксения Михайловна. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах. 1999.
5. Лемяскина Наталья Александровна. Коммуникативное поведение младшего школьника. 1999г. 10.02.19.
6. Шаманова Марина Владимировна. Лексико-фразеологическое поле «общение» в современном русском языке. 2000.
7. Меликян Светлана Вячеславовна. Речевой акт молчания в структуре общения. Воронеж, 2000.
8. Стеблецова Анна Олеговна. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков) Воронеж, 2001.
9. Высочина Ольга Владимировна. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). 2001.
10. Чернышова Елена Борисовна. Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2001.
11. Серебрякова Руслана Вячеславовна. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы и комплимента в русской и английской коммуникативных культурах. Воронеж, 2002.
12. Грищук Елена Ивановна. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников). Воронеж, 2002.
13. Полякова Екатерина Константиновна. Риторический идеал в русском коммуникативном сознании (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2003.
14. Новичихина Марина Евгеньевна. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации (докторская диссертация). Воронеж, 2004.
15. Лемяскина Наталья Александровна. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника) (докторская диссертация). Воронеж, 2004.
16. Гетте Елена Юрьевна. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания. Воронеж, 2004.
17. Стрельникова Марина Анатольевна. Национальные особенности речевого жанра интервью в российской и американской коммуникативных культурах. Воронеж, 2005.
18. Саломатина Мария Сергеевна. Коммуникативная личность филолога. Воронеж, 2005.
19. Тавдгиридзе Любовь Альбертовна. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании. Воронеж. 2005.
20. Фридман Жанна Игоревна. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания. Воронеж, 2006.
21. Куликова Людмила Викторовна. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения. (Докторская) Волгоград, 2006.
22. Катуков Сергей Сергеевич. Лексико-фразеологическая объективация концепта «Брань» в русском языке.. Воронеж, 2006 г.
23. Лазуренко Елена Юрьевна. Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование. Воронеж, 2006 г.

Центр коммуникативных исследований Воронежского университета приглашает к сотрудничеству всех интересующихся проблемами изучения и описания коммуникативного поведения и коммуникативного сознания – sternin@phil.vsu.ru.

Н.А. Лемяскина

Abstracts of main articles

Theory

A.A. Zalevskaya. Dynamics of approaches to knowledge problems and targets for psycholinguistic research

Psycholinguistic research in language acquisition and language processing is viewed in broader contexts of a more general problem of knowledge and of changes in metaphors underlying scientific theories (from informational through computer and brain metaphors to the metaphor of "live knowledge"). Greater emphasis is placed on problems of integration of psycholinguistics with other studies of MAN as a unity (integral whole) of body and mind, of the individual and the social, and on characteristics of "live knowledge" constructed by its user as the subject of cognition and communication in certain physical and social environment.

I.A. Bubnova. Individual meaning of a word (psycholinguistic aspect)

The object of the research is lexical items functioning in personality speech and reflecting the structure of word's meaning as mental phenomenon. The subject of the research is individual meaning of a word.

The aim of the research is to define and describe the types of individual meaning structures typical of human beings with different intellectual development; to find out the main features that characterize the ways of their manifestation in speech and to develop the typology of cognitive models which deals with the structure and qualities of a human's intelligence and reflects individual differences in nature of information processing.

The results of investigation showed that psycholinguistic meaning of a word corresponds to the type of a language personality's intelligence, so the qualities of information processing mastered almost fully by intelligence are considered to be the crucial factor that has a major effect on individual meaning. The typology of cognitive models which depend on intelligence and serve as the basis of individual meaning formation has been developed. Due to the results certain conclusions have been drawn which proved that determined ways of verbalization of individual meaning depend upon cognitive model used by a language personality directly.

L.V. Velichkova. Psycholinguistic approach to emotionality of oral speech

The focus subject of this study is emotionality of oral speech, i.e. universal and national-specific features of its means of expression. At present, the growing interest to studying features of oral speech brings about new ideas concerning methods of study, with the psycholinguistic approach predominant. This approach implies attempts to reveal the mechanism of oral speech perception experimentally and apply the discovered data to the analysis of oral speech features. This paper describes a psycholinguistic study of how emotionally colored speech is perceived by non-native hearers, and presents data regarding means of expressing basic emotions in the Russian and German languages.

S.V. Lebedeva. Integrative Model Of Word Proximity

The article presents a new approach to word proximity based on psycholinguistic theory of word meaning. The author presents a theoretical basis for integrative model of similarity, resemblance, generality and differences of words and describes the mechanism interaction between them, reality and mind.

T.Yu. Sazonova, A.V. Umerenkova. Linguo-cognitive modeling of Expectancy Violation Effect

Linguo-cognitive modeling of Expectancy Violation Effect is viewed as a possibility to develop an integrated speech production/comprehension model which is treated by most researchers as one of the cornerstones of contemporary psycholinguistics.

I.A. Sternin. Psycholinguistics and conceptology.

Psycholinguistic methods of conceptual analyses are viewed and exemplified. It is stated that these methods allow to ensure psychological validity of concept description.

S. Vlasenko, Yu. Sorokin. Text as Densely Lacunized Space.

The article is an analytical description of certain perception and comprehension regularities of English text from Russian recipient's viewpoint in psycholinguistic terms, specifically in terms of the lacuna theory/

New notions of “lacunizator” (lacuna operator), “densely lacunized text”, “lacunization degrees”, and “delacunization” put forward in this article are believed to provide for a detailed inventory of the English language/speech forms whose comprehension constitutes major linguistic and cognitive barriers for a Russian-speaking recipient.

Experimental studies

N.A. Almayev, G.Yu. Malrova. Quantitative measures for estimation of a topic's desirability in a dialog: elaboration and application

Quantitative measures of relative desirability of a topic for a participant in a dialog are proposed. These include desirability that is determined by developments of a proposed topic and desirability of a topic that is determined through spontaneous transitions to it in discourse. The proposed quantity measures allow, therefore, to take into account both activity of an interviewer, and thematic preferences of a respondent. The phenomenon of psychological defense against undesirable topics is specially considered, criteria of its recognition are offered. The article is based on clinical studies of Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) and its comorbidity with endogenous psychic disorders.

Ye.I. Goroshko. Gender and Net blogosphere

The analysis of Ukrainian sector of communicative space on the Net (including blogosphere) is conducted with the help of free association test. The gender peculiarities of the main IT linguistic consciousness present the main objective of study. The research results indicate that the blogging doesn't represent a social or communicative practice in Ukraine in contrast to the West. There are also few gender peculiarities in blogosphere and computer-mediated communication perception among UaNet users.

L.V. Velichkova, O.V. Abakumova. Perception of emotionally coloured oral speech by children: experimental analysis

The study is based on presupposition that child speech is emotionally determined, this fact being related to the processes of speech production and perception. The paper describes an experimental study of emotional child speech perception carried out in the Russian language community. The study has allowed to isolate certain patterns of oral speech perception by children depending on their age bracket, emotion and means of presenting the prompts.

Perception of emotionally coloured oral speech by preschool children (aged 3-7) is a complex phenomenon insufficiently explored today. The primary issue here is perception of emotionally coloured native speech by early children.

M.Ye. Novichihina. Experimental investigation in the sphere of words -tradenames

A concept of trade-names is introduced in the article and methods of nomination's efficiency are discussed. The example of naming word's efficiency complex analysis is also given

E.V. Kharchenko, O.V. Soboleva. The research methods of the image of an institute of higher education

A description of the system of research methods for investigation into the image of an institute of higher education, existing in the consciousness of people from different cultures, is given in the paper. The received data show that for all groups the most important criteria in evaluating the university are tutors' professionalism, respect for students and high-quality education which gives useful practical knowledge

J.I. Fridman. Technique of the analysis of word meaning in language consciousness of native speakers of Russian

The use of associative experiment for the description of psychologically real word meaning is considered. Associative reactions are exposed to semantic interpretation and semantic components of lexical units are described.

E.O. Atlanova. Experimental study of the word «glamorous» in Russian linguistic conscience.

The article considers the psychological meaning of the word “glamorous” in contemporary Russian linguistic conscience. Two experiments were realized resulting a description of psychological meaning of the word.

M.V. Shamanova. Experimental studies and cognitive analysis

To describe a contemporary structure of a concept experimental methods and techniques is necessary. Associative experiments help to find out the maximum of linguistic means of concept objectivization, while the

method of cognitive interpretation of experimental data helps to create a modal of mental category. Four experiments described in the article expound the content and structure of a communicative category.

I.G. Ovchinnikova, A.A. Kibanova. Variety of ethnic mentality: professional, pop and elite subculture interaction (based on verbal associations)

The objective of the study is research of verbal associations generated by Russian students of the philological faculty of Perm State University and students of Russian Commercial University in the aspect of variety of ethnic mentality. We regards the ethnic mentality as correlation of cultural and civilization components. We concentrate on the M. Bakhtin's conception of heterogeneous branches (folk or traditional and elite) in national culture and its development by N.I. Tolstoy. N.I. Tolstoy paid attention to relative isomorphism of language and cultural structures: written literary idiom is used by elite subculture, dialects are represented in folklore, colloquial speech functions in the area of city subculture, including pop culture.

The research done enables us to draw the following conclusions. Verbal associations of philologist reflect the elite cultural component, whereas students of Russian Commercial University generated verbal associations, which reflected the city subculture.

V.Y. Goldin. Personal area of a schoolchild on the basis of Associative Dictionary

The article analyzes schoolchild's representation of such categories as "mine", "ours", "alien" and "no one's". The research is done on the basis of the electronic Associative Dictionary of Saratov and Saratov region schoolchildren.

A.P. Sdobnova. Core elements of language representation of a contemporary schoolchild

The article gives a grammatical and lexical insight into the core variants of language representations of Russian schoolchildren of different age and compares the average variant of the core of the language representations of schoolchildren and adults. The material under study is lexical associations given by schoolchildren of the 1st – 11th forms and by adults.

Discussions

K.F.Sedov. The Principals Of Building Modern Russian $\Psi\lambda$

The main concern of this paper is to provoke the discussion about the presented model of modern Russian psycholinguistics ($\Psi\lambda$).

According to the author, psycholinguistics is an independent branch of science, which has a linguistic personality (a human being within his ability to participate in communication), as its object for investigation, whereas the subject of psycholinguistics is communicative competence in individual-psychological aspect.

The first level of psycholinguistic sphere differentiation results in singling out general psycholinguistics and psycholinguistics focused on particular issues. General psycholinguistics is preoccupied with communicative competence fundamental regularities of a mentally and physically fit adult personality. General psycholinguistics incorporates in itself the psycholinguistics of consciousness, the psycholinguistics of thinking, the psycholinguistics of discourse and neuro- psycholinguistics.

Particular issues psycholinguistics includes psycholinguistic studies in different age groups and social psycholinguistics.

Psycholinguistic studies in different age groups deal with an individual's communicative competence maturation, social psycholinguistics researches social-psychological aspect of communicative competence.

Within the course of psycholinguistics development there will probably be possibilities for further categorizations of general and particular issues of psycholinguistics.

Вопросы психолингвистики

5 • 2007

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Компьютерный дизайн
и подготовка оригинал-макета:
О.В. Попова